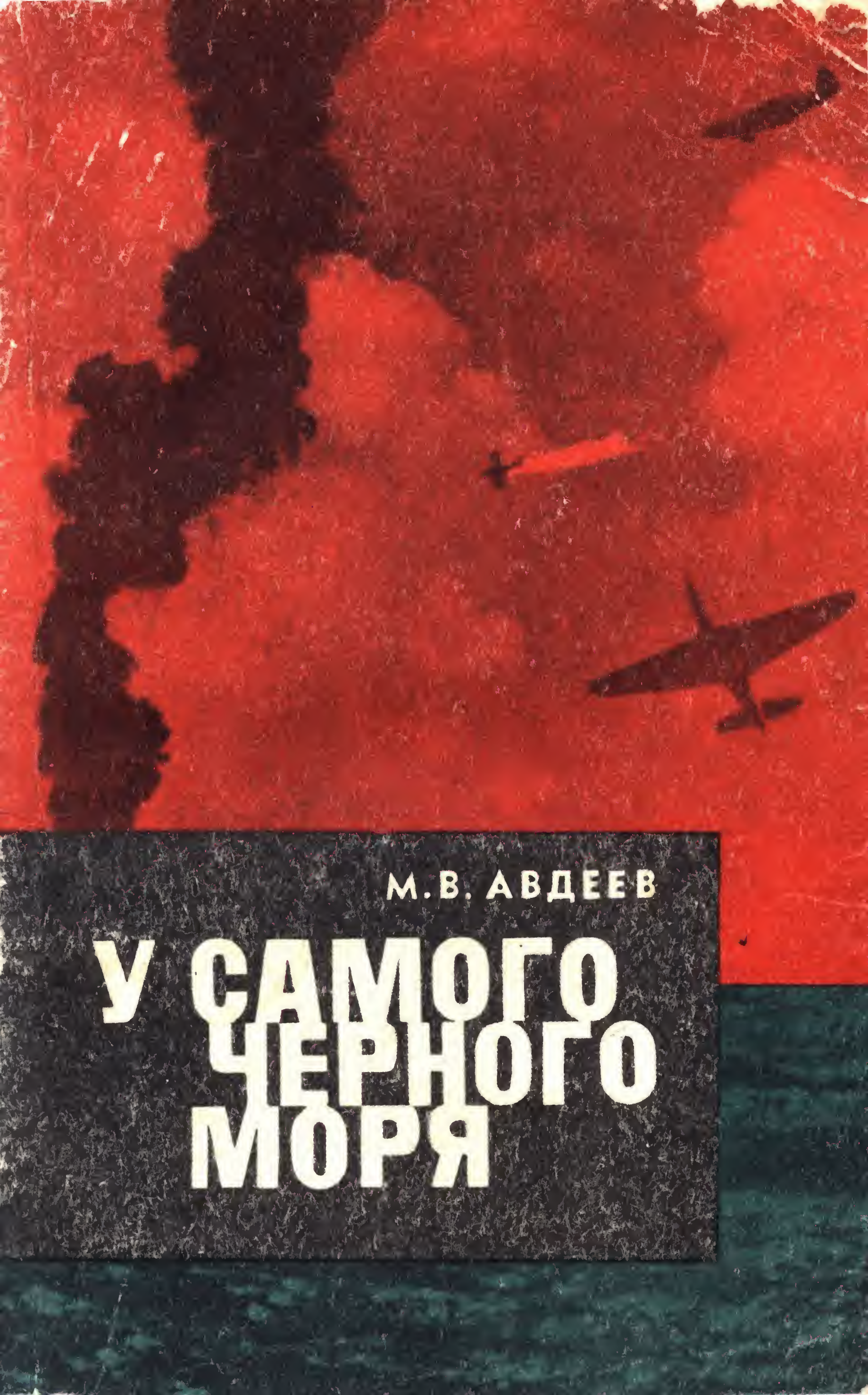

М.В. АВДЕЕВ
У САМОГО
ЧЕРНОГО
МОРЯ

М. В. АВДЕЕВ

У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

КНИГА ТРЕТЬЯ

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО ДОСААФ 1975

9(С)27
А 75

Авдеев М. В.

А 75 У самого Черного моря. М., ДОСААФ, 1975.
174 с.

Книга Героя Советского Союза М. Авдеева — документальная повесть о летчиках-черноморцах — участниках героических боев за освобождение Крыма, Севастополя и стран Восточной Европы от немецко-фашистских захватчиков.

Это третья книга автора. Она является продолжением и завершением предыдущих двух книг, вышедших под таким же названием в 1968 и 1970 гг.

Книга рассчитана на массового читателя.

А $\frac{11204\text{-}080}{072(02)\text{-}75}$ 11-75 9(С)27

ОБ АВТОРЕ И ЕГО КНИГЕ

Краткое свидетельство фронтовой газеты «Черноморский летчик» за август 1944 года: Михаил Авдеев и Константин Алексеев первыми среди летчиков-истребителей-черноморцев удостоены звания Героев Советского Союза. А позади был нелегкий, полный тяжелейшего ратного труда путь.

Пожалуй, не было на Черноморье ни одной сколько-нибудь серьезной операции, в которой не принимал бы участия Авдеев со своими отважными летчиками.

Авиаполк, где служил, а впоследствии и командовал которым Михаил Васильевич, уже в феврале 1942 года стал Гвардейским, позднее — Краснознаменным. Сотни сбитых немецких самолетов, тысячи уничтоженных солдат и офицеров противника,— таков доблестный путь полка к Победе.

В сотнях сбитых этим полком гитлеровских машин — семнадцать на личном счету автора этой книги, ныне генерал-майора авиации в отставке. Его ратный подвиг Родина отметила Звездой Героя, орденом Ленина, шестью орденами боевого Красного Знамени, многими другими наградами.

Читатель уже знаком с первыми двумя книгами трилогии, вышедшими в нашем Издательстве в 1968 и 1970 гг. В них рассказывалось

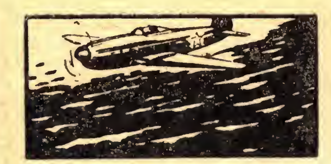
о подвиге защитников Севастополя, Кавказа, о мужестве советских летчиков, противостоявших наступающим фашистским воздушным армадам.

Теперь курс Авдеева и его асов лежит на Запад. Пришло время возмездия, время Победы. Об этом — третья, заключительная, книга автора, которую мы адресуем не только бывшим фронтовикам, но и широкому кругу читателей.

ВОЗМЕЗДИЕ

УТРО В ТАМАНСКОЙ СТЕПИ ● ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ ● ПОГИБШИЕ С НАМИ В СТРОЮ ● «ГОРЖУСЬ, ЧТО ЛЕТАЛ ВЕДОМЫМ» ● КРЫЛОМ К КРЫЛУ С «ИЛАМИ» ● ИСЦЕЛИТЕЛИ «ЯКОВ» ● У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ ● ШТУРМОВИК ПОДБИТ НАД ЦЕЛЬЮ ● КРЫСЫ БЕГУТ С КОРАБЛЯ ● ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МОЛОДОЕ! ● ВПЕРЕДИ — СЕВАСТОПОЛЬ! ● ТОЛЬКО ОДИН УДАР ● «ТОТИЛА» В ПОРТ НЕ ПРИДЕТ ● ВОЗМЕЗДИЕ

УТРО В ТАМАНСКОЙ СТЕПИ

Степь просыпалась. Вначале и небо и земля были неразличимы — только по ярким южным созвездиям угадывалась бездонная глубина, опрокинутая над землей.

Потом появилась тусклая стального цвета полоска. Она начала розоветь, поджигая ранее невидимые в темноте облака. И вдруг на всем исполинском просторе, который только мог охватить взгляд, начался торжествующий праздник света, в котором участвовали, казалось, все цвета радуги.

— До чего же хорошо!..— Капитан Гриб сказал это так тихо, словно боялся вспугнуть тишину.— Сколько лет прожил на свете, а такого еще не видел.

— В мирное время ты просто не дежурил ночью на аэродроме,— поддразнил его я.

— В мирное время... В мирное время...— Гриб машинально повторил мои слова.— А я смотрю вот сейчас на это волшебство, среди такой тишины, и, кажется, никакой войны нет, и что вчерашние бои — тяжелый сон, что это,— он оглядел степь и небо,— никогда не кончится...

Мы долго сидели молча.

— К сожалению, друже, кончится,— вздохнул я, поглядев на часы.— Ребятам осталось спать еще час. Потом — тревога. И все будет, как вчера, месяц, год назад.

— Не скажи,— Гриб улыбнулся.— Как год назад уже никогда не будет. Знаешь, что мне вчера сказал мой техник? Сейчас, говорит, война для нас — тот же праздник близкой победы. А было время — мы отступали. И на душе было погано, и людям, которых оставляли под немцем, стыдно было в глаза глядеть...

— Наша совесть чиста. Мы делали все, что могли.

— А он и не говорил о совести. Он не хуже нас с тобой это понимает. Но, согласись, сейчас каждая сводка Совинформбюро — радостная весть. Мы наступаем. Гоним гитлеровцев. Да и сейчас вот стоим накануне прыжка в Крым. А там,— Гриб даже зажмурился,— там Севастополь. Как вспомню Приморский бульвар,— сердце переворачивается.

— А у меня, думаешь, не переворачивается! Только трудно нам сейчас будет. Ты же знаешь программу на ближайшее будущее — Керчь, Феодосия, Судак... Я радуюсь тому, что мы уже не обороняемся, а наступаем. Что эта весна — наступление...

Грибу снился Приморский бульвар в Севастополе. Я бредил мысом Херсонесом, с его ослепительной голубизной, бескрайним морским горизонтом и белопенным прибоем, разбивающимся об известковые скалы, над которыми с гортанным криком кружат чайки.

Ялта, Алушта, Севастополь, Судак — для нас это были не просто названия. Это была земля, где мы похоронили столько боевых друзей. Земля, где каждый камень напоминал нам о счастливой довоенной жизни.

Земля, которая, пока она находилась под гитлеровским сапогом, была для каждого из нас укором совести, болью, мучением.

Крым — это и оперативный простор. Оттуда уже можно «дотянуться» до Одессы, а там — граница, начало возмездия проклятым фашистам в их зверином логове.

Весна бушевала в Крыму. Цвели магнолии, акации, сирень. Бирюзой отливало не по-весеннему теплое море.

Но кто из нас мог бездумно любоваться и этой весной, и бесконечно высоким, синим небом, и цветами! Мы ясно отдавали себе отчет в том, что нас ждет в Крыму: прикрытая бетоном и сталью 200-тысячная группировка противника. Она была вооружена «до зубов»: 3600 орудий и минометов, 215 танков, 300 самолетов... И это только по предварительным данным разведки.

Гитлеровцы, поднимая дух своих солдат, не скупились на хвастливые заявления. В приказе командующего 17-й немецкой армии генерал-полковник Еникке в начале апреля 1944 года утверждалось: «Крым на замке. В мире нет еще такой силы, которая была бы способна прорвать укрепления на Перекопе и Сиваше. Пусть немецкие и румынские солдаты спокойно отдыхают в окопах. Они здесь проживут до нашей победы. Путь большевикам в Крым навсегда отрезан».

Генерал был самоуверен: «Русские держали Севастополь восемь месяцев. Мы будем его держать — восемь лет!»

Автор книги Герой Советского Союза
М. В. Авдеев

Они понимали, что будет означать для них потеря Крыма.

Командир 3-й румынской дивизии генерал Леонард Мечульский заклинал своих солдат «стоять насмерть»: «С потерей Крыма мы превратимся в пух и прах!»

С невольной «прозорливостью» смотрел Мичульский в будущее. А ведь совсем недавно враги собирались жить в Крыму солидно и основательно. Продумали все до мелочей, даже какими словами «в духе великой империи» заменить названия исконно русских городов.

Александр Верт в своей книге «Россия в войне 1941—1945 гг.», в частности, рассказывает: «Так, уже 16 июля 1941 г. Гитлер решил, что Крым должен стать чисто немецкой колонией, откуда всех «иностранцев» надлежит выслать. Крыму предназначалась роль «немецкого Гибралтара» на Черном море. По мнению же начальника немецкого Трудового фронта и руководителя организации «Сила через радость» Роберта Лея, Крым должен был стать гигантским курортом, излюбленным местом отдыха для фашистов. Позже Гитлер тешил себя также мыслью урегулировать с Муссолини южнотирольскую проблему путем переселения в Крым тех жителей итальянского Тироля, родным языком которых был немецкий.

После падения Севастополя в июле 1942 г. «герою Крыма» Манштейну был подарен один из бывших царских дворцов крымской Ривьеры.

Наиболее сумасбродным «открытием» Розенберга было утверждение, что, с исторической точки зрения, Крым является-де частью германского достояния, ибо именно в Крыму еще в XVI в. жили последние готы. В декабре 1941 г. он предложил Гитлеру переименовать Крым в «Готенланд». «Я сообщил ему, что думаю также о переименовании городов. Я считал, что Симферополь можно было назвать Готенбургом, а Севастополь — Теодорихгафеном...» — говорил Розенберг.

Да, обосновались они здесь, как им казалось, прочно и навсегда. У убитого гитлеровца Руди Рошеля нашли его письмо к жене:: «Здесь такие великолепные виллы! Я уже присмотрел себе один участок,— ох, если бы он мне достался! Впрочем, я уже подал заявление полковнику, и он мне обещал его...».

Наш час настал. Теперь им будут виллы!..

Разведка наша в те дни работала днем и ночью. И мы знали довольно точно, как складывается соотношение противоборствующих сил.

Гитлеровское командование, придавая большое значение обороне Крыма, решило любой ценой удержать его в своих руках. Группировка войск в Крыму усиливалась, перебрасывались по морю и воздуху новые соединения и части, предпринимались энергичные меры по укреплению полуострова.

В марте 1944 года немецкое командование усилило свою авиационную группировку в Крыму первой группой 3-й истребительной эскадры «Удет», состоящей из отборного летного состава. Всего к началу Крымской операции в составе немецко-фашистской оперативной группы ВВС «Крым», входящей в состав 4-го воздушного флота, находилось около 300 самолетов.

Кроме того, в Крыму было сосредоточено 6 зенитных артиллерийских полков и 1 прожекторный полк — всего 414 орудий и 81 прожектор.

Советские ВВС, включающие 4-ю и 8-ю воздушные армии и ВВС Черноморского флота, в количественном отношении были больше фашистских ВВС в Крыму почти в 6 раз. Только авиация 4-й и 8-й воздушных армий превосходила немецкую в 4,5 раза. Особенно большое превосходство наша авиация имела в истребителях, а по штурмовикам имела абсолютное превосходство.

Наши бомбардировщики и истребители были лучше немецких по скорости и по маневренности. На вооружении советских ВВС стояли первоклассные штурмовики того времени Ил-2. В составе авиации противника штурмовиков вообще не было.

Для разведки и наведения самолетов мы располагали высококачественными по тому времени радиолокационными станциями «Рус-2». Не испытывали мы недостатка и в средствах зенитно-артиллерийской обороны. Аэродромы и другие объекты 4-й и 8-й воздушных армий надежно прикрывали 10 зенитных артиллерийских полков.

Таким образом, к началу Крымской операции, несмотря на потуги немецкого командования, мы количественно и качественно значительно превосходили авиацию противника. О морально-боевых качествах наших летчиков говорить не приходится: мы буквально рвались

в бой, чтобы как можно быстрее освободить советский Крым от ненавистных фашистов.

В боевых операциях за освобождение Крыма и Севастополя наш 6-й гвардейский полк начал принимать участие уже в январе 1944 года, прикрывая действия штурмовиков 11-й авиадивизии по вражеским объектам на Крымском полуострове.

Когда пришло известие, что мы включены в число авиачастей, которые будут участвовать в боях за освобождение Крыма — трудно описать нашу радость.

Стихийно возник летучий митинг. Выступали летчики, техники, инженеры.

Миша Кологривов (он был уже Героем Советского Союза) мигом взобрался на ящик из-под снарядов:

— Ребята! Теперь мы с ними расквитаемся! За Севастополь! За все зверства фашистов! Я говорю от имени своей эскадрильи — просьба посылать нас на задания как можно чаще.

Выступили тогда многие, и у всех одно и то же требование — пошлите нас в бой первыми!

...В начале февраля 1944 года в полк прибыл мой новый замполит — майор Григорий Пятницкий. Мы быстро сдружились, да и в судьбах наших было много общего: вместе обороняли Севастополь. Два года шли рядом по длинным дорогам войны. Но в те дни многое в нашей работе нужно было обдумывать заново.

— Раньше,— сказал я ему,— мы по большей части были «чистыми» истребителями. Дрались с «мессерами» и «фоккерами». Теперь наша главная задача — обеспечить успех боевых операций штурмовиков по береговым и морским объектам врага, не дать возможности гитлеровским истребителям пробиться к «илам», сорвать их атаки.

— В полку,— продолжал я,— много молодых летчиков. Парни рвутся в бой, мечтают открыть свой личный боевой счет. Боюсь, они будут увлекаться поединками с «мессерами». А в такие мгновения им не мудрено забыть и об ответственности за сопровождение штурмовиков: ведь боевого опыта у них, мягко выражаясь, маловато...

Вместе с майором Пятницким пришли на разговор парторг полка капитан Леонов, комсорг — лейтенант Кли-

ментов, пропагандист капитан Зыбин и еще несколько политработников.

Я крепко рассчитывал на них, и наш заинтересованный разговор затянулся до самой ночи.

И сейчас у меня хранится блокнот, где записано наше «полуночное» решение: «Провести партийные и комсомольские собрания подразделений. Темы: «Значение эффективных ударов штурмовиков по вражеским объектам». «Как обеспечить прикрытие Ил-2 при встрече с истребителями противника». «Место истребителя сопровождения в момент атаки штурмовиков».

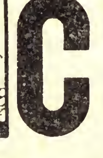
Такая «повестка» была необходима и вполне оправдывала себя: ведь психологический настрой летчика в бою значит очень многое. Если не все.

Пока наземные войска готовятся к вторжению на полуостров, мы должны были первыми нанести удар по врагу.

Вся намеченная работа была проведена по плану. Но тем не менее одно условие из психологической подготовки все-таки осталось вне нашей власти: летчиков буквально лихорадило от нетерпения схватиться с ненавистным врагом.

ПРИКАЗ ЕСТЬ ПРИКАЗ

Само понятие «истребитель» ассоциируется со скоростью, атакой, преследованием. Такова «профессия» самых скоростных машин. Таковы цели, которые ставили перед собой конструкторы, создавая их.

Но война на каждом шагу опрокидывала самые авторитетные предвоенные представления и ставила нас в обстоятельства, когда мы должны были действовать вопреки, казалось бы, элементарным нашим правилам и задачам, отлично усвоенным и в летных училищах, и в практике первых боев.

Собственно, командующий ВВС Черноморского флота генерал Ермаченков с этого и начал:

— Михаил Васильевич! Я хорошо знаю и вас и ваших ребят. Их хлебом не корми — дай ввязаться в драку.

А вот на этот раз атаковать вам первыми и ввязываться в воздушный бой категорически воспрещаю.

Видно, у меня при этом было такое выражение лица, что генерал предупредительно поднял ладонь и продолжил:

— Вы будете сопровождать крейсеры и эсминцы, идущие на обстрел вражеского побережья. Не вам объяснять, какую ценность имеет для нас каждый боевой корабль. Тем более такой, как крейсер. Словом — вы прикрываете их с воздуха и целиком отвечаете за сохранность кораблей.— Командующий прошелся по комнате:

— Абсолютно убежден, фашисты сделают все, чтобы потопить корабли или хотя бы серьезно повредить их. Вы не имеете права отвлекаться ни на что. Ни одной атаки ради только того, чтобы сбить вражеский самолет или, тем более, преследовать его, сколь бы выгодной для вас не оказалась ситуация боя.

Не исключено, что сами гитлеровцы будут стараться отвлечь вас от кораблей, навязать вам бой и тем самым дать возможность своим бомбардировщикам и торпедоносцам прорваться к судам. Вот этого-то вы как раз ни в коем случае и не должны им позволить. Маневрируйте как хотите, делайте что угодно, но от кораблей — ни на шаг... Словом, вы — воздушный щит эскадры.

— Бой «со связанными руками»?!

— Если хотите — да. И никаких отступлений от приказа...

Веду над морем первое звено. За ним — на разных высотах еще три. «Лесенка» такая продиктована опытом: фашисты нередко вступают в бой на одной горизонтали, чтобы дать своим группам, находящимся выше, атаковать с наиболее выгодных позиций.

Море сегодня на редкость спокойное. В белой пене, разбивая волну мощными форштевнями, далеко внизу под нами идут два крейсера и три миноносца. На небе тоже спокойно: ни одного самолета противника.

Только успел я это отметить для себя, как в шлемофоне раздался тревожный голос ведомого:

— Миша! «Мессеры» со стороны солнца!..

Я уже заметил их: пятерка Ме-109 шла прямо на наше звено.

— «Мессеры» прямо по курсу,— узнал я голос Гриба.— Набирают высоту.

И почти одновременно крик Локинского:

— «Мессеры» сзади. Пикируют на эсминец, замыкающий эскадру.

Вот оно, началось!

Как распределить силы? Секунды здесь решали все.

— Локинскому прикрыть эсминец. Гриб! Отрежьте от нас и эскадры «мессеров» слева. Я атакую группу, идущую впереди.

Описать бой, в котором столь много «составных», практически невозможно. Все происходило в считанные секунды.

Я атакую ведущего «мессера». Даю очередь. Он отворачивает, огнем не отвечает...

«Ясно,— проносится в мозгу.— Хочет оттянуть нас от эскадры.— Не зря же три других фашистских машины даже не приближаются: перестроились метрах в восьмистах, разошлись веером, ждут, пока мы подойдем».

Ведущий «мессер» находился в положении столь выгодном для атаки, что мне стоило огромного напряжения удержаться от нее.

«От кораблей ни на шаг»,— вспомнил эти слова, взял себя в руки:

— Противника не преследовать! От эскадры не отходить,— кричал я по радио, отлично понимая, что сейчас происходит в душах моих ребят.

Они всегда привыкли атаковать. Атаковать первыми. А тут нужно было держать себя «на вожжах».

Осматриваю воздух.

Гриб со своими ведомыми — уже над кораблями. «Мессеры», зашедшие со стороны, исчезли, меняя направление атаки.

«Молодцы,— похвалил я мысленно наших летчиков.— Не поддались провокации».

Мы уже подходили к вражескому берегу, когда небо буквально потемнело от вражеских самолетов.

Волна за волной шли бомбардировщики и торпедоносцы. Вперед вырвались «мессеры». На этот раз они явно стремились навязать нам бой, сковать наши истребители, чтобы дать возможность своим тяжелым машинам прорваться к кораблям.

На крейсерах тоже заметили опасность. Корабли ощетинились огнем.

На пути атакующих торпедоносцев встала стена огня. Вот уже один из них задымил и рухнул в воду.

— Локинский,— крикнул я в микрофон,— сковывайте «мессеров». Гриб — ни шагу от эскадры. Если кто-нибудь прорвется — уничтожайте. Я иду на торпедоносцы и бомбардировщики.

Эскадрилья Локинского как-то мгновенно оказалась в гуще «мессеров». И — закрутилась знакомая по сотням боев карусель. Ребята Локинского, не принимая конкретного боя ни с одной из вражеских машин, устроили такой «кордебалет», что гитлеровцы опешили. «Яки», вроде бы, шли в атаку, в лоб. Но тут же, отвернув, бросались на машины слева и справа. Опять заходили в атаку и, завершив ее, сковывали еще секунду тому назад «не занятых» в сражении асов.

Такой же тактики придерживались и мы. Разбив строй бомбардировщиков, я резко спикировал и дал очередь по торпедоносцу. Он задымил, резко повернул в сторону Феодосии, чуть не нарвавшись на другой бомбардировщик. Тот буквально шарахнулся в сторону и тут же попал под огонь моего ведомого, который решил, видимо, добить врага: слишком заманчивой была добыча.

— Назад! — крикнул я по радио.— Немедленно назад! К эскадре!

Осмотрелся: карусель, которую «крутил» Локинский, уходила в сторону от кораблей. Гриб и его ребята барражировали над ними, отгоняя бомбардировщиков. Те беспорядочно сбрасывали бомбы в море и уходили к берегу.

Пока мы пришли в заданный квадрат, весь этот «цирк», как назвали потом бои того дня летчики, повторился еще четырежды.

Ровно в семнадцать часов заговорил главный калибр кораблей. На воздух взлетели доты, портовые сооружения, огневые точки противника.

Береговая артиллерия врага пыталась было ответить, но ее тут же подавили.

В тот день, доставив в целости и сохранности корабли обратно в базу и вернувшись на аэродром, мы были измотаны до предела.

Тогда я, пожалуй, впервые понял, что иногда легче атаковать, чем удержать себя от атаки. Легче выдержать самый сложный поединок, чем видеть все возможности личной победы, но сознательно не использовать их. Во имя более важных, высших целей, которые в конце концов определяют решающий тактический успех на войне.

ПОГИБШИЕ С НАМИ В СТРОЮ

Как ни трудно было «дотянуться» нам до Феодосии, делать это было необходимо.

Я не помню, когда появилась в нашем обиходе шуточная песенка:

Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы к родной подлетаем земле.
Бак пробит, хвост горит,
Но машина летит
    На честном слове
    И на одном крыле.

Чего не было — того не было: «на одном крыле» не полетишь... А вот «на честном слове» — это как раз о нашей ситуации: десять минут на бой — и возвращайся: горючее кончается. Иначе — свалишься в море.

...Василия Гусакова долго преследовали тяжелые видения последнего боя, который он провел перед тем, как оказаться в нашем полку: он потерял ведущего. Потерял, хотя его вины в этом никакой не было... А дело случилось так.

Ведущим шел Сережа Луценко. Друг и закадычный товарищ Гусакова. Облачность была довольно плотной, и самолеты летели словно «обложенные ватой»: видимости — никакой.

По расчетам где-то внизу должна была быть станция Благовещенская. Неожиданно облака кончились, в кабины ударило яркое солнце, и в это мгновение Луценко увидел идущий ниже Ме-110. По его курсу нетрудно было догадаться: он возвращался с задания, с нашей территории.

— Василий, видишь?!

— Вижу.

— Атакуем! Прикрывай!

— Есть прикрывать!..

Используя преимущество в высоте, они камнем свалились на противника.

«Мессер» метнулся в сторону и со снижением стал уходить в облака.

Выпущенная Луценко очередь прошла мимо.

— Повторяем атаку! Догоним...

До «мессера» оставалось уже каких-то 300—400 метров, и Сергей приготовился дать очередь.

В воздушном бою случается всякое: стрелок с Ме-110 опередил Луценко всего на секунду...

Сергей резко бросил машину вверх. Василий пошел за ним, поняв все сразу: из мотора истребителя ведущего повалил дым.

«Под нами же море! — с тревогой подумал Василий.— Что делать? Чем помочь?!»

Он видел, как Сергей покинул кабину, и через несколько секунд в воздухе поплыл белый купол парашюта.

Василий кружил рядом с товарищем, тревожно оглядывая облака и небо: «Только бы «мессеров» черти не принесли».

Так он и проводил друга до самой воды. Сергей, видимо, был тяжело ранен: он ни разу не махнул ведомому рукой.

Как только Луценко приводнился, Василий засек время, курс, координаты места его приводнения и на полной скорости пошел к аэродрому. А через полчаса со старшим лейтенантом Фоминым он на УТ-2 уже вернулся обратно. «Только бы продержался на воде... Только бы продержался!..» — лихорадочно думал Василий, сжимая в руках спасательный пояс.

Они обшарили весь район. Летали, пока позволял запас горючего. Но Луценко на воде уже не было...

Через два дня, зайдя в столовую, Василий случайно услышал разговор незнакомых летчиков:

— Слышал, Луценко сбили!..

— А кто у него был ведомый?

— Какой-то сержант, молодой...

— Наверное, растерялся, не прикрыл...

Василий не стал вмешиваться в разговор, хотя болью полоснуло по сердцу.

Он-то знал, что выполнил свой долг до конца. Но что толку от такого сознания, если Сергея уже не воскресишь. Если ничего уже для него не будет — ни солнечного крымского неба, ни высоты, ни счастья полета...

Когда Гусаков пришел вместе со своим другом Борисом Масловым в сентябре 1943 года в наш полк, он попросил меня:

— Товарищ командир! Мне нужно как можно больше летать на боевые задания.

— Чем же вы лучше других?

— Я не лучше. Но мне нужно отомстить... за погибшего друга.

Я не стал расспрашивать подробности. Видел — тяжело на душе у человека. И только много месяцев спустя узнал о трагедии, происшедшей с Луценко.

— Гусаков и Маслов, будете сопровождать штурмовики в Феодосию.

— Есть!

— Воздушным боем не увлекаться. Главное — охрана «илов». И помните о десяти минутах над целью. Остальной бензин — на обратный путь.

— К чему вы это, товарищ командир?

— Молодые, можете увлечься...

— Так и вы, товарищ командир, не старик.

— Я — другое дело. Я не забуду.

Летчики четко повернулись и побежали по полю к машинам.

Тревога не покидала меня. Из головы не выходила фраза, оброненная в разговоре Василием: «Мне нужно отомстить...».

«Не наломал бы он дров»,— подумалось тогда. По собственному опыту я знал, что случится, если истребитель забудет об этих десяти минутах, ставших для нас проклятием.

...«Илы» держались у самой воды. Волна за волной заходили они в атаку.

Вот уже пылают две десантные баржи. Чадит пароходик. Причал усеян трупами гитлеровцев.

«Мессеры» появились, как всегда, внезапно. Фашистские летчики, видимо, уже изучили нашу тактику. Они вывели машины веером на разных высотах. Было ясно,

Летчик В. Гусаков

что завязывать затяжной бой с «яками» они не собираются. Их цель — штурмовики.

Гусаков отрезал первую группу атакующих от «илов». Маслов бросил машину в самую гущу второй группы. Остальные истребители сковали боем третью группу фашистов.

Три воздушных «карусели» одновременно закружились над Феодосией.

На минуту Василий забыл все наставления командира — так выгодно для него сложилась в эту секунду обстановка: два «мессера» точно нарочно «подставляли» ему свои хвосты. Еще чуть-чуть дотянуть и...

Хорошо еще, что он вовремя обернулся. Какой же он простофиля! Его и ведущего просто отводили в сторонку: справа с небольшим углом пикирования рвался к штурмовикам нивесть откуда взявшийся Ме-109.

— Борис! Справа «мессер». «Мессер» справа!..

Гусаков не знал, услышал ли его в это мгновение Маслов. Раздумывать было некогда.

Только бы успеть! Успеть во что бы то ни стало! Резко повернув вправо, Василий дает длинную заградительную очередь. Потом, сблизившись, бьет со всех точек.

«Мессер» отворачивает, огрызается огнем. Дистанции между машинами стремительно меняются: 200, 250, 300 метров... 250, 200...

Новая очередь. Мимо...

— Борис! Он сворачивает на прежний курс. Идет на штурмовика!..— голос Гусакова уже охрип от напряжения.

«Услышал!» — на миг отлегло у Василия от сердца: Борис резко разворачивает «як», выходя в атаку на «мессера».

И в эти секунды справа от машины Гусакова прошли трассирующие пули. Василий стремительно обернулся. «Шляпа!» — выругал он себя: его атаковал другой «мессер».

«Что делать? Ситуация исключительная: ведущего никто прикрыть не может. Борис занят атакой «своего» фашиста. Значит, оставлять его нельзя. Но тогда тебя, Вася, собьют,— вот и «мессер» в хвосте...»

Решение пришло мгновенно. Гусаков резко бросает свой самолет на преследователя. Расчет один: фашист наверняка не пойдет на столкновение, отвернет. А это — выигрыш драгоценных секунд... Так и случилось. «Мессер» рванулся в сторону.

Теперь — прикрыть Бориса!

Когда Василий вышел из виража, то увидел, как Маслов уже медленно разворачивался вправо. А «его» «мессер» камнем шел к воде. Вот он коснулся плоско-

Руководящий летный состав 6-го Гвардейского авиационного истребительного полка

стью поверхности моря, «прочертил», подняв каскад брызг, несколько метров и скрылся в глубине.

Когда друзья снова «привязались» друг к другу, слева от них к воде, оставляя за собой шлейф черного дыма, пронесся еще один «мессер». Это работали их друзья, продолжая надежно прикрывать наши бронированные штурмовики — «илы».

Ни один фашистский истребитель к штурмовикам не пробился.

После разбора операции в летную книжку Маслова вписали сбитый самолет. В книжку Гусакова — «обеспечил прикрытие ведущего, который сбил Ме-109».

Попробуй тут разберись, что и кому «вписывать»: только за месяц Гусаков и Маслов совершили 22 боевых вылета и вместе еще сбили «фокке-вульф» и «мессершмитт».

— Не знаю, какую канцелярию мне с вами разводить? — озадаченно спросил я однажды, встретив неразлучных друзей.

— А зачем нам канцелярия? — серьезно ответил Василий.— Это не наши сбитые. Это — Сережи Луценко...

«ГОРЖУСЬ, ЧТО ЛЕТАЛ ВЕДОМЫМ...»

История, рассказанная в свое время Василием, потрясла меня. И не только своим трагизмом. Действительно, поставьте себя на место Гусакова. Как должен чувствовать себя летчик, услышав за своей спиной: «Он бросил ведомого»? Услышал, а доказать ничего не мог. Ведь во время боя, кроме Василия и Сергея Луценко, никого из свидетелей рядом не было. Какую тяжесть носил на душе этот замечательный парень!

Но и «арифметика» бесспорных побед Маслова и Гусакова заставила размышлять о многом.

Действительно, может ли одержать победу ведущий, если его не прикрывает ведомый? Конечно, нет! Его непременно собьют. А что стоит сам по себе ведомый без товарища? Ровно ничего. Он окажется в совершенно аналогичной ситуации.

Вот она истинная цена боевого летного товарищества. В нем — вся сила.

«Нужно об этом обязательно поговорить по душам с молодыми летчиками,— подумал я тогда, делая для памяти пометки в блокноте.— Рассказать о том, как губительна для летчика честолюбивая погоня за числом лично сбитых самолетов, как прочно и неразрывно должно быть боевое содружество и взаимопомощь в воздухе ведущего и ведомого. Они — единый боевой организм». Эта пометка и сейчас сохранилась в моем фронтовом блокноте.

Когда я делал эту запись, то не знал, что тот же «единый боевой организм» Маслов — Гусаков вскоре даст яркий впечатляющий материал для раздумий на эту тему.

Это сейчас я написал спокойное слово «материал». Тогда же Гусаков, хотя и одержал победу, оказался буквально на волосок от смерти...

Группа из шестнадцати истребителей (ее вел начальник штаба майор Локинский) получила задание патрулировать над Керчью.

Первую эскадрилью вел капитан Гриб. Гусаков оказался ведомым у того же Маслова.

Так уж случилось: друзья бесконечно верили друг в друга и всегда вылетали на выполнение боевых заданий «своей» парой.

Истребители прошли мыс Казантин, развернулись на Керчь.

— Внимание! Выше проходит группа в составе шести «мессеров»,— предупредил Локинский.

«Яки» развернулись для атаки, рассредоточились, но фашисты, не приняв почему-то боя, ушли в сторону Феодосии. И тут Василий вдруг заметил стремительно догоняющий их Ме-109.

«А этот откуда взялся? И что ему нужно?» — недоумевал Гусаков, видя, как «мессер» демонстративно идет на сближение.

Неожиданно фашист отвернул вправо, но вот снова направился к ним.

«Что за психа бог послал? — недоумение Гусакова росло.— Это же для него верная смерть. Нас двое — он один... А, может быть, не один?..»

Василий оглядел небо. Нет, нигде самолетов противника больше не видно. И тут его терпению пришел конец.

«Ну сейчас я тебе, наглецу, покажу!» — Гусаков прибавил обороты, вышел вперед Маслова и прокричал в микрофон: «Прикрой!.. Сейчас мы его проучим!.. Атакую!..»

Качнул плоскостями и бросился в погоню.

Гусаков не сомневался — Борис идет за ним, прикрывает его с тыла.

Но, как потом выяснилось, Маслов не расслышал сигнала по радио и потерял ведомого из вида.

А Василий уже шел на сближение с «мессером». У летчика сложилось впечатление, что гитлеровец его не видит.

«Сейчас увидишь!..» — сквозь зубы процедил Василий, когда до врага оставалось метров 900.

800, 700, 600...— расстояние стремительно уменьшается.

Но что это? — фашист переворачивает самолет, идет «головой вниз». Гусаков в недоумении следует за ним.

Гитлеровец стремительно перевел машину в нормальное положение и со снижением стал уходить вправо.

Василий на всякий случай на миг оглянулся. Да, сзади его, чуть выше идет машина. Конечно же, Маслов его прикрывает. Успокоившись, он снова бросил свой самолет на сближение с врагом. Увлекшись атакой, он уже не видел ни земли, ни неба. Только — ненавистные черные кресты на плоскостях.

А гитлеровец вошел в пике и, набрав скорость, начал делать на громадной скорости что-то вроде замедленной восходящей бочки с большим радиусом разворота. Вторую половину этой фигуры он выполнял со снижением.

Гусаков, словно «привязанный», не отставал от «мессера». «Ничего, как не крутись — прицелюсь... Только бы ударить наверняка!..» — Из-за кульбитов, которые выкидывал фашист, Василий никак не мог прицелиться, хотя дистанция между машинами порой сокращалась до 200—300 метров.

Гитлеровец на пикировании с разворотами, на громадной скорости метался то влево, то вправо.

«Когда же кончатся эти «фортели»!» — с досадой подумал Гусаков, и в эту же секунду фашист вдруг попал в самое перекрестие прицела.

С дистанции 100 метров (Василий различал каждую заклепку на самолете врага) Гусаков сразу дал залп из пушки и пулеметов. Промах был исключен...

Он видел, как от его залпа разлетелось стекло кабины немца, как он пошел, заваливаясь на крыло, к земле. А она была совсем рядом...

И в то же мгновение другая очередь, идущая откуда-то с хвоста «яка», резанула по машине Гусакова.

Почувствовав, что кто-то бьет по его машине, Василий оцепенел. К счастью, это длилось мгновение.

Изо всех сил ручку — на себя. От перегрузки потемнело в глазах. И только набрав высоту, Гусаков понял в чем дело.

Первый «мессер», который он сбил, был лишь приманкой. А за ним, Василием, шел не Маслов, а второй фашист, которому, благодаря его, Василия же, беспечности, удалось незаметно зайти в хвост «яку». Дай гитлеровец очередь на секунду позже, и самолет Гусакова неминуемо врезался бы в землю: слишком мала была высота для маневра.

Но увидев, что, казалось бы, верная добыча от него ускользнула и что советский летчик, так стремительно набравший высоту, находится в более выгодном положении, фашист уклонился от боя и ушел к Феодосии.

Василий почувствовал, что лоб его под шлемом совершенно мокрый. Взглянул на землю. Там догорали остатки сбитого им «мессера». А на душе было холодно и муторно...

Гусаков, нигде не найдя Маслова, повернул домой.

«Конечно, я допустил ошибку,— казнил он себя.— По сути дела бросил ведущего... И в каком виде я покажусь на аэродроме! Очередь, выпущенная «мессером», отбила верхнюю часть киля и срезала антенну самолета. Что я скажу теперь Маслову, Локинскому? А Авдеев так уж точно скажет — «разгильдяй!» И про сбитый «мессер» вспоминать не стоит. Кто видел, что я его сбил? Никто. Еще сочтут вруном. Тогда навек опозоришься»...

Над Керчью Василий увидел свои самолеты.

— Где же ты был?! — голос Маслова по радио звучал не добро...

«Слава богу, что антенна сбита,— мелькнула мысль у Гусакова.— Хоть сразу отвечать не нужно. А когда долетим домой, что-нибудь придумаю...»

В это время от Феодосии появилась группа «мессеров». Началась воздушная карусель. На глазах у всех Локинский меткой очередью срезал Ме-109.

«И у меня победа,— уже с грустью подумал Василий.— А о ней даже рассказать нельзя...».

Маслову, однако, Гусаков врать не мог и не хотел. Поведал ему все как было.

— Может быть, доложим все-таки Авдееву,— засомневался Борис.

— Что ты! Он мне голову снимет! — замахал руками Василий.

Прошло несколько дней. По различным каналам разведки мы получили точное подтверждение: под Керчью такого-то числа «яком» сбит Ме-109.

Никаких других истребителей из соседних с нами авиачастей в этот день там не было.

Я ходил в недоумении: такого еще не бывало. Сбить «мессер» и не доложить об этом?! Кому и зачем это нужно?

Расспрашиваю Локинского. Он разводит руками:

— Ей богу ничего не знаю, Михаил Васильевич.

Начал вызывать летчиков.

Дошла очередь и до Маслова с Гусаковым. Смотрю — переглядываются.

— Ладно, Василий,— Борис махнул рукой.— Все равно нужно когда-нибудь ответ держать...

И тогда Гусаков рассказал мне все по порядку.

Как поступить? С одной стороны, человек проявил инициативу, сбил фашистский самолет. С другой, чуть не угробил сам себя, осложнил тактическую обстановку...

«Но,— размышлял я,— ему сама жизнь преподала жестокий урок. Такие уроки не забываются...»

— Ладно, идите, ребята,— отпустил я друзей.— Читать нотации не буду. Сами все понимаете... Только вот одно: что сразу не доложили — это уж совсем плохо...

Уже после войны в одном из писем ко мне Василий Гусаков, вспоминая в ряду других об этом случае, писал: «Глупо все это получилось. Просто нахальство фашиста, за которым я погнался, ввело меня в заблуждение...»

Да, видно крепким был урок, если человек вспоминает о нем почти тридцать лет спустя после совершившегося.

«...Не могу не вспомнить и такого случая,— продолжал Василий Гусаков.— Мы все очень любили прекрасного человека, душевного товарища, командира эскадрильи Героя Советского Союза Г. В. Москаленко. Однажды он с ведомым лейтенантом Бондуковым вылетел на выполнение боевого задания. Неожиданно с высоты на них спикировала четверка «мессеров». Завязался бой. И вдруг у машины Москаленко выпали шасси. Что ни делал командир — шасси не убиралось. Увидев это, фашисты во что бы то ни стало решили добить ведущего. Бондуков вначале растерялся, но тут же услышал по радио спокойный голос Москаленко: «Не волнуйся. Прикрывай. Все будет в порядке...»

Бой шел, а ведущий вовремя подбадривал ведомого. Что только не делали гитлеровцы, какие маневры не совершали, отрезать Бондукова от Москаленко им не удалось. Так ни с чем фашисты и убрались восвояси. А пара Москаленко — Бондуков выполнила задание и вернулась на родной аэродром.

Летая ведомым,— размышляет Василий,— я понял, что если он отлично знает свои обязанности, ведущий уверенно находит и атакует врага. Да ведущий и обязан больше смотреть вперед, а не на свой хвост. Ведомый — это щит ведущего.

Я горжусь, что летал ведомым у замечательных летчиков...».

КРЫЛОМ К КРЫЛУ С «ИЛАМИ»

Ястребок Белозерова, оставляя за собой шлейф белой пыли, подрулил прямо к нам, с нетерпением ожидавшим возвращения летчика на аэродром из разведывательного полета.

Белозеров спрыгнул с крыла и четким шагом подошел ко мне и стоящему рядом капитану разведки из штаба ВВС флота.

— Товарищ командир, задание выполнено. Разведка порта Феодосия произведена. Обнаружено большое скопление самоходных десантных барж противника, катеров и вспомогательных судов.

— Видимо, чуют, что скоро начнем...— размышлял капитан, пока мы шли к штабу.— Хорошо бы их накрыть сразу, сейчас же. Пока не расползлись...

«Добро» из штаба дивизии штурмовиков на этот счет было получено незамедлительно:

— Мы поднимаем по тревоге штурмовой полк. Прикрывать его будет звено ваших истребителей,— это обращались уже ко мне.

Капитан Гриб находился здесь же, в штабе. Раздумывать было некогда:

— Берите звено и — в воздух. Прикроете штурмовиков. Цель — порт Феодосия.

— Есть! — Гриб просиял, как будто ему сделали долгожданный подарок...

Через несколько минут черные точки «яков» растаяли в небе: Гриб и его «хлопцы» ушли на задание.

Штурмовики подошли к городу на бреющем, обогнули гору и появились оттуда, откуда их менее всего ожидали: не со стороны моря, а с суши.

Гитлеровцы опомнились, когда у причалов уже пылало несколько десантных барж, а «илы», поливая все огнем из пушек и пулеметов, прошли над катерами, складами, сооружениями порта.

В атаку заходила вторая волна штурмовиков, когда неслаженно, вразнобой ударили зенитки, нервно застрекотали пулеметы, а откуда-то от Коктебеля вывернулся ошалелый Ме-109.

Вначале фашистский летчик заметался, не зная, видимо, с какого фланга атаковать. А, может быть, и вызывал по рации помощь.

Но вот он опомнился, стремительно набрал высоту и пошел в атаку, едва не столкнувшись с «яком» Гриба, когда тот неожиданно встал на пути фашиста. Но в планы последнего явно не входил бой с истребителями. Ему нужно было как можно скорее рассеять строй штурмовиков, нависший над портом. Но машина Гриба, как надоедливая оса, все время оказывалась рядом, атако-

вала, и не принять бой фашисту было просто невозможно.

Однако и противник нашему летчику попался опытный: ни одному, ни другому никак не удавалось достать друг друга огнем пушек и пулеметов.

«Ну что же,— Гриб стиснул зубы.— По крайней мере до «илов» он не доберется. А это уже хорошо...»

Когда штурмовики, сделав свое дело, повернули к Тамани, Гриб тревожно взглянул на стрелку прибора: баки самолета были почти пустыми. Нужно «выходить из игры».

В горячке боя Гриб забыл, что бензозапас позволяет ему вести бой над Феодосией всего десять минут — так далеко были тогда наши аэродромы. К тому же закапризничал указатель системы выработки бензина. Но не мог же он бросить на произвол судьбы штурмовики, оставить их без прикрытия.

Гриб набрал высоту, «мессер» приготовился к отражению новой атаки. Но ее не последовало. Краснозвездный «як» стал стремительно уходить на восток.

Через минуту летчик понял: до аэродрома не дотянуть. Да и не только до аэродрома — добраться бы до линии фронта.

Окопы и траншеи гитлеровцев «як» проскочил на бреющем, уже с выключенным мотором. И сразу же шквал огня ударил по самолету.

Наверное, капитану Грибу в тот день просто везло. С помощью подоспевших бойцов удалось затащить «як» за небольшой холмик. От навесного огня он не спасал, но ударов прямой наводкой можно было уже не опасаться.

Беспорядочная стрельба продолжалась.

Гриб обошел машину, потрогал рукой рваные раны на фюзеляже и, тяжело вздохнув, сел на землю.

«Приземлился,— размышлял он,— а что толку! Во-первых, здесь, под огнем, самолет не починишь. А, если и починишь — как взлететь? Все открытое пространство вокруг простреливается. Накроют на взлете. Да и бензина нет... Но не сидеть же так до скончания века. Нужно что-то делать.» И капитан, еще не зная как, твердо решил — пробиться к аэродрому и возвратиться к израненному самолету с техниками.

...Что бы мы все стоили без них — техников, мотористов, механиков. Я не преувеличу, если скажу, что подвиг

их ничуть не меньше подвига тех, кто дрался в небе. Днем и ночью, под проливным дождем, в мороз и метель, нередко под огнем противника они уверенно делали свое дело. И, казалось бы, обреченные машины снова уходили в грозное небо войны. Они — это Хахаев и Борисов, Буштрук и Дорофеенко...— всех здесь не назовешь, хотя о каждом хотелось бы сказать немало теплых слов...

К ночи над самолетом уже «колдовали» техник Николай Хахаев и моторист Борисов. Гитлеровцы чувствовали возню за холмом, слышали лязг металла. И вот вскоре со звоном лопнула первая мина, потом вторая, третья, четвертая... Гриб, Хахаев и Борисов залегли.

— Только бы не в самолет,— ворчал Борисов.— Машину жалко. К утру бы смог лететь,— повернулся он к Грибу.

— Полетишь! — уныло ответил тот.— На взлете расшибут.

— Может, расшибут, а, может быть, и нет,— философски вставил Хахаев.— Это еще бабушка надвое сказала...

— Ладно,— проворчал Гриб,— утро вечера мудренее.

— Так-то оно так,— заметил Хахаев,— только утра нам ждать несподручно. Утром взлетать надо...

Как только обстрел хоть на минуту затихал, Борисов и Хахаев бросались к самолету. И вот перед самым рассветом, наконец, все было закончено. Из канистр, что прихватили с собой, перелили бензин в самолетные баки.

— Ну а теперь — твое дело,— Хахаев пожал Грибу руку.— Машина в полном порядке. Можешь с уверенностью лететь.

— Нужно только перетащить «як» через вон те воронки,— Борисов кивнул на поле.

— Но там же все простреливается.

— Что поделаешь,— Борисов пожал плечами.— Другого же у нас выхода нет.

Самолет быстро выкатили, развернули против ветра, и капитан, вскочив в кабину, запустил мотор.

Гитлеровцы открыли ураганный огонь, но было уже поздно. По полю бежал, набирая скорость, истребитель. Вот он уже в небе. И ничем теперь этого «проклятого русского» не достанешь!

ИСЦЕЛИТЕЛИ «ЯКОВ»

Как-то мне довелось услышать — темпераментный моторист Иванов «просвещает» новичка:

— Александр Рой?.. Ты еще спрашиваешь? Это все равно, как если бы одессит не знал Одесского театра! А ты пытаешь про Роя! Он на всем флоте известен... Да ты посмотри, как он работает! Это же наш «авиационный» доктор!

Впрочем, понятие «доктор» для авиационного инженера звучит, пожалуй, слишком мирно. А ведь Александра Степановича помнят многие совсем в ином качестве: как решительного, волевого командира.

Тогда под Николаевым прямо к аэродрому прорвались немецкие танки. Из старших начальников на этом участке оказался один Рой. И он не растерялся. Команды выкрикивал так, словно всю жизнь отдавал боевые приказы:

— Техники ко мне! Занять оборону! Гранат, гранат побольше! — и первым кинулся навстречу грохочущим машинам с черными крестами.

На бегу обернулся к группе летчиков, бросившихся было вместе со всеми:

— Петренко! К самолетам! Все машины поднять в воздух. Мы их задержим...

У обочины поля уже шел бой. Лопались гранаты, визжали осколки, гулко ухали пушки танков.

Завертелась на месте с перебитой гусеницей одна машина. Зачадила другая.

Капитан Рой бил из автомата по десантникам на броне и все время с тревогой оглядывался на летное поле. Там, с ревом прорываясь сквозь смерч огня и дыма, уходили в небо самолеты.

Инженеру обожгло плечо, но он почти не почувствовал боли — настолько напряжены были нервы.

— Ушли, все ушли! — тронул его за рукав техник.

— Кто ушел?! — с тревогой спросил капитан.

— Самолеты наши... Поднялись!..— на черном от копоти лице техника затеплилась улыбка.

Рой оглянулся. Аэродром был пуст.

— Отходить!.. Немедленно отходить!

Короткими перебежками техники и мотористы, отбиваясь от наседающего со всех сторон противника, отступали к лесу.

Гитлеровцы, видя, что замысел их не удался и самолеты ушли, как говорится, из-под их носа, вымещали злобу на арьергаде бесстрашного капитана. Над землей бушевал хаос огня. Танки били прямой наводкой. Фашистские автоматчики не жалели патронов.

Но вот и спасательная лесная чаща. На опушке остановились. Рой оглядел измученных бойцов.

— А что, орлы! И технари не по зубам немецким танкам оказались!

На лицах людей стали появляться улыбки:

— Мы-то ничего... главное самолеты поднялись!

— А с этими гадами еще поквитаемся!..

Капитан, нахмурясь, посчитал людей:

— А теперь — в путь. Будем пробираться к своим.

— Как же аэродром? — тревожно спросил кто-то.

Руководящий технический состав полка

Ему не ответили. Рой поднял с земли автомат и зашагал в глубь леса. За ним, поддерживая раненых товарищей, двинулся весь небольшой отряд. А через сутки они снова были у своих.

Командир авиаполка обнял капитана Роя.

— Раньше вы нас в небо поднимали. Теперь на земле выручили. Спасибо!..

Рой кивнул на механиков. После страшного ночного перехода они буквально валились с ног.

— Поспать бы им, товарищ командир...

— А вы?

— Я вызову добровольцев. Ведь кому-то машины готовить к полету надо!..

Пошатываясь от усталости, он пошел к самолетной стоянке.

А скоро во фронтовой газете появилась заметка о героическом поступке капитана Роя и техников эскадрильи. Александр Степанович пришел к капитану Марченко:

— Ну зачем же так? — обиженно спросил он командира.

— О чем это вы? — не понял тот.

Рой протянул газету.

В ней упоминалось и о неравном бое с танками, а в конце статьи следовало:

«Командир эскадрильи капитан И. Т. Марченко так характеризовал работу А. С. Роя.:

— Во всех наших успехах есть результаты самоотверженного труда техников, неутомимой работы инженера Роя. То, что наши летчики за короткий срок изучили конструкции нового истребителя,— во всем этом большая доля его труда. Легко сказать: «Отремонтировать к утру самолет, поврежденный в бою». На деле — это творчество и упорный труд техников, их бессонные ночи. Самолеты у нас всегда готовы к бою.

6150 раз поднимались истребители в воздух, и столько же раз инженер Рой перед вылетом проверял машины, заботился о том, чтобы материальная часть в воздухе работала безотказно.

Техники звеньев Сикачев, Дюмин, Козловский работают в эскадрилье, обеспечивают бесперебойную боевую деятельность,— отличные люди. Такими их воспитал инженер...»

— Что же, все правильно.— Командир улыбнулся.— Разве не так?

— Неудобно как-то,— неуверенно развел руками инженер.

— А танки отбивать было «удобно»? Ничего, Александр Степанович, как-нибудь «переживете». А вообще — так держать!

— Есть так держать!

Вскоре в газете «Черноморский летчик» появилась и другая заметка — о старшине Кулакове:

«Когда бы ни потребовалось гвардии капитану Матвееву вылетать, его машина всегда готова к боевому вылету. Не считаясь со временем, часто пренебрегая отдыхом, механик самолета Кулаков работает столько, сколько потребуется, чтобы машина была в постоянной готовности.

Недавно потребовалось заменить на самолете оба карбюратора. Кулаков, не смыкая глаз, при свете фонаря проработал в капонире целую ночь. К утру сложная работа была закончена.

С начала Отечественной войны Кулаков обеспечил более 500 самолето-вылетов.

Участник обороны Севастополя, старшина Кулаков не даром носит на груди знак гвардейца. Высокое звание он оправдывает самоотверженным трудом...»

Мы гордились нашими инженерами, техниками, мотористами. Знали: в каждой нашей победе — равная доля их мужества и героического труда.

Что бы мы делали без них, наших дорогих «авиадокторов»! Без инженера полка гвардии инженер-майора Макеева. Без техников, которыми руководил инженер-капитан Климов. Бывало, не раз, и ночами работала эта группа, чтобы ввести в строй самолеты, получившие повреждения в бою. За десять — пятнадцать часов они выполняли работу, обычно требующую не менее пятидесяти — шестидесяти часов.

А однажды наши техники вытащили подбитый самолет буквально из-под самого носа у фашистов. Техники Куприн и Федоров скрытно подобрались к «яку» всего в трехстах метрах от немецких окопов. Притаились в ложбине. Куприн выслал вперед Федорова:

— Ползи к самолету, закрепи трос — и назад. Перетащим сюда, в низину. Давай!..

Взрывы заглушают голос: серия мин легла между механиками и самолетом.

— Цел? — С тревогой спрашивает Куприн Федорова, который оказался по ту сторону разрывов.

— Не задело, вроде,— невозмутимо отзывается тот.

— Я не о тебе — сам вижу, что не задело!.. «Як» цел?

— А шут его знает. Вроде бы цел!..

— Вроде бы!.. Подожди, ползу к тебе.

Кажется, десять метров разделяют их. Один бросок — и они рядом.

Авиаинженер А. Зимиц.

Но снова разрывы не подпускают людей к машине. Видимо, у гитлеровцев пристрелен здесь каждый бугорок. Бьют не «наобум», не по площадям — прицельно.

Решили не дожидаться следующей серии — ужом, вжавшись в землю, ползут вперед. Федоров скатился в воронку у самого самолета. За ним — Куприн.

— Ну как?

— Посмотри сам. Как тут закрепишь?.. Головы не дают поднять, гады!..

— А ты, что же, рассчитывал тебя шнапсом они угощать будут! Давай конец...

— Не-ет... Тогда я сам...

— Давай, я говорю! Кто здесь старший.

— Да нет, сам.

Куприн уже злится.

— Я тебе сейчас ребра пересчитаю! Давай трос!..

Он схватил трос и исчез в дыму.

Казалось, растворился Куприн в смрадной мгле, окутавшей все вокруг самолета. И только по движению троса товарищ чувствует, что старшина медленно, но все же движется вперед.

Авиатехник Н. Иванько

Вот трос замирает.

«Неужели убили?..»

Лицо напарника бледнеет.

Проходит минута, вторая... И вот трос снова натягивается. Жив старшина!

Наконец, усталый, перемазанный в песке и глине, Куприн мешком переваливается через край воронки.

— Порядок! Можно сигналить... Только я, браток, не могу. Выдохся. Дай отдышаться. А ты сигналь.— Голос у Куприна надрывный, хриплый. — Сигналь. Неровен час, трос миной перебьют...

В воздухе повисают три красные ракеты.

И сразу с немецкой стороны — шквал огня. Даже артиллерия заговорила.

— Наверное, решили, что это — начало атаки,— деловито определил Федоров.

— Пускай постреляют: нервишки у ганса сдают.

Мимо них, вздрагивая на кочках, проползает «як»: невидимые отсюда тягачи выволакивают его с «ничейной» земли.

— Дотащат?

— Если прямого попадания не будет — дотащат.

— И я думаю, что дотащат.

Двое в воронке ведут разговор степенно. Словно ни визга осколков вокруг, ни грохота, ни едкого дыма взрывчатки.

— Вот покурим и поползем... К утру бы надо залатать. «Мой» небось сам не свой ходит. Шутка ли в такое горячее время без машины остаться!

— Опять спать ночь не будешь?

— Сыч ты, Володька. Что ты в психологии летчика понимаешь! Помочь человеку надо, посочувствовать.

Авиатехник С. Еретнов

— Вот ты и посочувствуй...

— Он на моем сочувствии в бой не полетит. Ему машина нужна.

— И я говорю, ночь спать не будешь.

— После войны отоспимся, Володька! Крепко отоспимся! Я, например, неделю вставать не буду...

— А я...

— Ладно, хватит лясы точить. Поползли помаленьку к своим.— И они, перевалив через край воронки, прижимаясь телом к земле, дружно заработали локтями и коленями.

— Ну и что вы мне притащили! Утильсырье!— техник самолета Матвеевич ходил вокруг своего детища и бурчал, обращаясь неведомо к кому.— Лично я с большим удовольствием соглашусь летать на метле...

Ворчит Матвеевич «для порядка» и «строгости». Мы-то знаем, как он любит ребят, и, пожалуй, мало кто так мучительно переживает за тех, кто в бою.

Его первым увидишь на поле, когда истребители заруливают на посадку.

— Нет Гриба,— испуганно шепчет моторист, пересчитывая машины.

— Прилетит... Вот увидишь, прилетит! — Матвеевич утешает коллегу.— Не такой он человек, чтобы не прилететь. Живучий он и везучий. Не могут его сбить. Точно тебе говорю!

Техник вроде бы успокаивался, но сам Матвеевич через минуту начинал нервничать еще сильнее, чем его собрат.

Одной семьей мы жили: летчики, механики, инженеры, техники. И сейчас Матвеевич кружил около искалеченного в жестоком бою самолета совсем не для того, чтобы дать волю эмоции. Ворчать он ворчал, но в уме — это мы

знали — уже прикидывал, примерял, записывал в блокнот. «Заменить патрубок. Залатать левое крыло. Проверить шасси...»

Понять Матвеевича трудно: один бог знает, как он возвратит к жизни израненную машину! А возвратить ее надо: на фронте каждый самолет на счету. Потери в боях болезненны: фашисты дерутся с отчаянием смертников, а пополнения парка «яков» в ближайшее время не предвидится.

На заводе — там бы легче. Там — и самые совершенные станки, и материалы, и запасные части — все под рукой. А здесь рядом с передовой — выкручивайся как знаешь.

И «техбоги» выкручивались.

Уму непостижимо — где и как добывали они все необходимое. «Разоружали» списанные самолеты, подгоняли детали на изношенных, дребезжащих и чудом работающих станках, подчас напоминающих допотопные сооружения. И машины снова поднимались в воздух, шли в бой и возвращались с победой.

Разными были эти люди: молчаливыми и весельчаками, добродушными и чуточку сварливыми. Но мы любили их всех. Любили настолько, что летчики писали о них бесхитростные стихи:

Пусть над нами небо хмуро,—
Не прекратим полеты,
Коль инженер А. П. Шандура
Готовит самолеты...

Это об Алексее Петровиче Шандуре, человеке прямотаки болезненной скромности.

Среди летчиков ходили легенды о его биографии. Но толком никто ничего не знал. И вот командир эскадрильи, когда был в штабе, исподволь «произвел разведку», и, возвратившись на аэродром, с нарочито озабоченным видом спросил у техника:

— Что же ты молчал, Петрович? Нехорошо получается.

— О чем ты это?

— Как это о чем? Оказывается, ты на востоке воевал и молчишь... Еще в 1929 году.

— А ты откуда знаешь?

— Значит, знаю.

— Ну воевал!.. Вернее, на таких же ролях был — самолеты готовил.

— Конечно, скромность украшает человека! Но ты же был авиатехником прославленного девятнадцатого отдельного авиаотряда «Дальневосточный ультиматум»!

Шандура пожал плечами:

— Ну и что из этого?

— Молодым рассказать надо.

— Зачем?

— Воспитание на героике прошлого.

— Да какая у меня героика!..

— Вот что, Шандура, принимай мои слова как приказ. Чтобы завтра же провел беседу.

— Если приказ — проведу. Только о чем рассказывать-то?..

Какой мерой измерить их повседневные героические дела — мотористов, инженеров, техников полка! Боевые друзья, дорогие наши «технари». Это о них фронтовой поэт написал стихи. Они и сейчас звучат в наших сердцах.

Смыкает день лучистые глаза,
Кончается пора дневных полетов,
А те, о ком хочу я рассказать,
Еще хлопочут возле самолетов.
Звенят впотьмах железные ключи
На землю опустился вечер синий,
Настало время раны залечить
На дорогой, испытанной машине.
От вражьей пули каждый свежий след
На каждом ястребке загладить надо,
Чтоб завтра снова в грозный бой чуть свет
Отправились воздушные отряды.
Умело летчик вырулит на взлет.
Удачи пожелаем мы пилоту.
Он в небеса с собою унесет
Трудолюбивых техников заботу.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ

Какой только боевой работы не приходилось нам тогда выполнять — в период подготовки и начала операции по освобождению Крыма! Летая с кавказских аэро-

дромов, мы вели разведку побережья, прикрывали с воздуха десанты и войска, штурмовую и бомбардировочную авиацию. Да и сами не только дрались в воздухе — выполняли и роль штурмовиков, уничтожали самолеты на аэродромах, машины, живую силу противника.

Не многообразие этих задач удручало нас: на войне каждый делает то, что в данный момент наиболее необходимо. Самое трудное для нас было в другом — расстояние. Ведь любой самолет имеет точно определенный радиус действия и запас горючего. А чего нам стоили полеты хотя бы до Феодосии! Во-первых, по прямой с Кавказа таким расстоянием почти полностью исчерпывался радиус действия наших «яков». Во-вторых, мы всегда были связаны действиями истребителей противника: они взлетали с крымских аэродромов, могли долго вести бой. Нам же по истечении десяти — пятнадцати минут нужно было либо выходить из боя, либо заранее обречь себя на катастрофу: ведь под крылом — море.

— Джумбакис горит! Джумбакис горит! — голос в шлемофонах перешел на крик.

Джумбакис — отличный летчик, прекрасный товарищ, заместитель командира дивизии.

Дрался он отчаянно. Но что мог сделать он и его ведомый, когда на их машины навалилась девятка «мессеров»!

Помощи ждать было неоткуда: все остальные летчики «заняты» в бешеной карусели воздушного боя, разгоревшегося над Феодосией.

Ярость охватила летчиков, и, может быть, потому схватка кончилась так быстро: не выдержав лобовых атак, гитлеровцы обратились в бегство. Но уже через минуту над городом появились новые «мессеры...»

Оглушенный, сильно обгоревший Джумбакис приводнил машину недалеко от Феодосии. Самолет почти сразу пошел ко дну, но летчику удалось выбраться из кабины. Он еле-еле держался на воде и с благодарностью думал о своих товарищах, которые над его головой в яростной схватке прикрывали своего командира.

Гитлеровцы видели, как русский пошел к воде. Не могли не слышать они и тревожный голос в эфире:

— Срочно высылайте катер! Срочно катер!

Голос дошел и до своих и до противника. Пока наш катер на полной скорости летел к месту падения самолета, с берега гитлеровцы открыли ураганный огонь.

Катер фашисты заметили издалека: погода была как назло удивительно солнечной, и море просматривалось на многие километры.

К катеру кинулись «мессеры». Но и здесь на их пути встали друзья Джумбакиса. Они, действительно, сражались до последнего во имя спасения друга: вот рухнули в воду, подняв к небу каскады брызг, машины Селянкина и Леонтьева, замечательных, еще совсем молодых воздушных асов. У них кончилось горючее, но пока самолеты слушались их, они не оставили в беде своего командира.

Артиллерийский шквал с берега нарастал. Перед катером встала сплошная стена огня, а с высоты на хрупкое суденышко бросались все новые и новые «мессеры».

Но катерники не сворачивали с курса. Борт в пробоинах, на баке пожар, сбита антенна, а он все шел и шел вперед, маленький катер, на мачте которого гордо развевался пробитый осколками флаг с голубой каймой, серпом и молотом...

Война есть война, и без жертв на ней не обойтись. Но когда я думаю о фронтовом товариществе, о верности и дружбе, мне всегда вспоминается тот солнечный день под Феодосией, ураган огня, маленький израненный катер, идущий сквозь ад, и двое молодых ребят, отдавших жизнь за своего командира.

Казалось, совсем недавно это было — 31 января 1944 года. В тот вечер телеграф принес радостное сообщение: Указом Президиума Верховного Совета СССР наш гвардейский полк награждался орденом Боевого Красного Знамени.

Что скрывать — мы, действительно, были тогда счастливы! Тогда на нашем боевом счету было более 300 сбитых гитлеровских машин и 32 000 уничтоженных солдат и офицеров противника.

Да, как изменилось время! В тот день, 31 января, Советское Информбюро сообщало: «...северо-западнее и

западнее города Волосово наши войска продолжали развивать наступление и с боями заняли более 60 населенных пунктов и железнодорожные станции Кихтолка, Керстово, Кленово. Наши войска вплотную подошли к городу Кингисепп и завязали бой на окраинах города...».

А сейчас, в начале апреля, мы вели битву за Крым, и сводки Информбюро дышали яростным накалом наступления, которое никто и ничто не мог уже остановить. В оперативной сводке от 2 апреля значилось:

«В течение 2 апреля войска 1-го Украинского фронта, продолжая наступление, овладели районным центром Станиславской области городом Косов, городом Куты и районным центром Черновицкой области городом Герца.

К югу от города Каменец-Подольск наши войска вели наступательные бои, в ходе которых овладели районным центром Черновицкой области городом Новоселица, а также заняли несколько других населенных пунктов и железнодорожные станции Ванчиковцы, Новоселица.

На Кишиневском направлении наши войска, преодолевая сопротивление и контратаки противника, продолжали вести наступательные бои и овладели районным центром Резина, а также заняли более 200 других населенных пунктов.

На Тираспольском направлении наши войска, продолжая наступление, овладели районным центром Одесской области Ширяево, а также с боями заняли более 30 других населенных пунктов.

На Одесском направлении наши войска с боями заняли более 50 населенных пунктов...».

3 апреля 1944 года... В этот день полк отметил знаменательную дату — двухлетие со дня присвоения высокого звания гвардейцев.

Да, это счастье — быть первыми гвардейцами. Два года прошло с того времени, как в смертельных боях с фашистскими захватчиками родилась наша гвардейская часть.

В заметке «Боевой подарок годовщине» газета «Черноморский летчик» от 3 апреля 1944 г. сообщала:

«Новыми боевыми подарками встречают летчики-гвардейцы свою двухлетнюю годовщину со дня преобразования полка в гвардейский. Позавчера, прикрывая штурмо-

виков, авдеевцы в воздушных боях сбили три «мессершмитта».

Я с гордостью смотрю на своих ребят. Вот стоит подтянутый, бледный от бессонницы и бесконечных полетов капитан Гриб, Герой Советского Союза. К сегодняшнему дню им уничтожено четырнадцать вражеских машин.

Еще переживает — по лицу видно — вчерашний трудный бой командир эскадрильи капитан Василий Добров. Его счет не мал — десять сбитых гитлеровских самолетов.

И так — почти у каждого!

Я смотрю на людей, и счастливо становится на сердце. Вот стоят они, вроде бы такие обыкновенные на земле — Тарасов, Кологривов, Румянцев, Воронов, Акулов, Локинский, Белозеров. А в воздухе они — боги!

До горечи больно, что сегодня не разделяют с нами радость павшие. Нет Беришвили, чьи последние удары были смертельными для врага... Нет Спирова, Демченко, Сикова, Макеева, Матвеева... Нет с нами в строю. Но кровь их — в отблесках знамени полка. Гвардейского. Орденоносного.

Вчера мы с начальником штаба «подбивали бабки»... «Бабки» — боевой счет полка внушителен! Уничтожено: танков — 29, автомашин — 540, зенитных орудий — 118, бронемашин — 17, солдат и офицеров — до 32 500, минометов — 383, складов — 68, пулеметных гнезд — 128, сбито самолетов в воздушных боях — 325, уничтожено самолетов на земле — 53...

Выхожу вперед — нужно поздравить ребят с праздником. Измотались они в боях до чертиков! Им нужны, очень нужны сегодня эти минуты радости:

— Товарищи гвардейцы! Сердечно поздравляю вас с замечательной годовщиной!

Наша боевая слава родилась в осажденной Одессе. Мы никогда не забудем Беришвили. Он сбил в небе два самолета противника, у него кончился боезапас, но когда стала угрожать опасность его командиру — Демченко, наш друг, не раздумывая, пошел на свой последний таран.

Вы храбро дрались под Перекопом. Мы не забудем подвиг сержанта Соколова. Его самолет при штурмовке был подбит зенитным снарядом и загорелся над терри-

торией, занятой противником. Соколов предпочел героическую смерть немецкому плену — на пылающей машине врезался в автоколонну врага.

Севастополь — это и наша боль, и наша гордость. Вспомните, друзья, только один день — 17 декабря 1941 года. Тогда вы сбили над городом девять вражеских машин. А сколько таких дней было!.. Вам ли мне о них рассказывать.

Как и о боях на подступах к Новороссийску. Только в марте вы уничтожили 36 гитлеровских самолетов...

Я называл живых и мертвых. И это было правильно: мы жили одной семьей, и каждый, павший в бою, завещал нам и свою любовь, и свою ненависть.

— Сейчас мы сражаемся за освобождение родного Крыма. Я знаю — гвардейцы не подведут!..

Мощное «ура!» раскатилось над аэродромом.

Расходились люди как-то тихо, торжественно. Что же — их можно было понять: я поневоле затронул их незажившие раны, вспомнил друзей, которые совсем недавно были еще с нами...

Днем привезли почту. Газета «Черноморский летчик» поздравила нас: «Боевой краснофлотский привет летчикам-гвардейцам, отмечающим сегодня славную вторую годовщину со дня присвоения высокого гвардейского звания!»

Были в газете и стихи:

С отвагою львиной, с пламенным сердцем
Вы победу несете на крыльях своих.
Осеняет вас гордое знамя гвардейцев,
Под ним вы два года ведете бои.
За город-герой, за родной Севастополь,
В веках русская слава о нем прогремит,
Вперед, боевые орлы, в бой жестокий,
Добейте врага, чтоб не скрылся бандит...

Ребята улыбались: слишком несовершенными, даже для неискушенного читателя, были эти строки. Наверное, их сочиняли вчера прямо ночью, прямо в номер. Сочиняли искренне, хотели нас порадовать.

А всего через сорок минут прозвучала команда боевой тревоги:

— По самолетам!

Истребители выруливали на старт, взлетали и брали курс в сторону Крыма.

ШТУРМОВИК ПОДБИТ НАД ЦЕЛЬЮ

Бывает, что и сухие строки звучат как музыка. Например, как вот эти: «Вечером 10 апреля командующий Отдельной Приморской армией генерал Еременко А. И. по согласованию с представителем Ставки Верховного Главнокомандования Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым отдал приказ о переходе в наступление. В связи с тем, что противник стал поспешно отводить свои основные силы, командующий армией приказал артиллерийское обеспечение наступления проводить методом коротких, но сильных артиллерийских огневых налетов. Одновременно на 4-ю воздушную армию была возложена задача мощными ударами штурмовой и бомбардировочной авиации поддержать наземные войска... Авиация Черноморского флота должна нанести ряд ударов по плавсредствам противника в порту Феодосия». А это уже «по нашей части». Что ж,— не подведем!

Утром разворачиваем «Правду». Статья Леонида Соболева: «Словно какая-то сила восторга, торжества и жажды окончательной победы несла людей на траншеи, доты, на орудия и пулеметный огонь отчаянно сопротивлявшегося врага, несла вперед — к Севастополю».

У нас, летчиков, крылья были всегда. Но что-то, наверное, случилось и с нами: такого внутреннего, духовного подъема в полку никогда не было. Люди буквально рвались в бой. Готовы были летать непрерывно. Днем и ночью, лишь бы приблизить час разгрома врага.

Крылом к крылу мы шли в атаки вместе с бомбардировщиками и штурмовиками. Мы делали одно общее дело и вместе переживали и победы, и неудачи друг друга. И уже нельзя было сказать, чьими подвигами мы более гордились после проведенных операций — «своими» или «чужими». Теперь все было «нашим». Вот почему мы так переживали случай, происшедший с экипажем штурмовика Ил-2, который вел лейтенант Николай Астахов. Произошло все это 8 апреля в районе Армянска.

«Ил» уже выходил из атаки, когда за спиной Астахо-

ва раздался оглушительный взрыв. Николая взрывной волной сильно прижало к штурвалу.

«Прямое попадание,— пронеслось в мозгу командира.— До своих не дотянуть...»

Штурмовик коснулся земли, подпрыгивая и переваливаясь с боку на бок, прочертил черную полосу и наконец замер.

Астахов огляделся. Справа, вдалеке, синели холмы с древними развалинами крепостных построек. «Ясно — Турецкий вал».

— Вася, выбираемся! — крикнул Николай стрелку-радисту Сидорову, откидывая фонарь кабины.

И только сейчас Астахову стало ясно: положение их безнадежно. Самолет окружали гитлеровские автоматчики.

Сидоров, наверное, не успел их заметить. Он высунулся из кабины и тут же был прошит автоматной очередью.

«Нет, живым вам, гады фашистские, не дамся!» — Астахов поспешно расстегивал кобуру.

Ощутив в руке шершавую рукоять пистолета, он вдруг успокоился. Словно не было ни этой вынужденной посадки, ни немцев, облепивших самолет со всех сторон и истошно кричавших:

— Выходи! Все равно — капут! Плен... Понимайт — плен. Сохраняйт жизнь...

Астахов поднял пистолет.

Но, видимо, фашисты зорко следили за каждым его движением: несколько автоматных очередей раздалось почти одновременно.

Лицо обожгло. Из раны на щеке обильно потекла кровь.

Он с трудом перевалил тело через борт машины, но тут же потерял сознание.

Связанного, окровавленного Николая фашисты волоком потащили к своим окопам.

А бой на земле продолжался. Астахов был в беспамятстве и не мог видеть, как немцев выбили из окопов и погнали к Каркитинскому заливу.

Отступая, гитлеровцы прихватили с собой и нашего летчика.

Они не бросили и не пристрелили его и тогда, когда пришла ночь, и под покровом ее остатки разгромленной

группировки врага на всем, что только попадало под руки — лодках, плотах, бочках,— перебирались на другую сторону залива. Здесь их ждали машины.

Уже очнувшегося Николая бросили в кузов. Рядом сели два автоматчика. Астахов видел, что уже брезжит рассвет и понимал, что с началом нового наступления его непременно прикончат.

Действительно, вскоре вокруг машин с грохотом стали рваться наши снаряды.

Машина, где лежал связанный летчик, рванула с места и быстро стала уходить.

За ней — Николай успел заметить — на полной скорости шло еще несколько немецких грузовиков.

«Ага! Драпаете! — с удовлетворением подумал Астахов.— Далеко не удерете!..»

По кузову защелкали пули, автоматчики мгновенно рухнули на пол кузова. Над машиной прошли два «яка».

«Авдеевские»,— заметил Николай и грустно улыбнулся. Действительно, нет ничего несуразнее, как погибнуть от пули, пущенной рукой тех, кто всегда оберегал его, Астахова, в бою.

«А теперь — уже совсем свои,— с тоской подумал летчик, когда машины подошли к железнодорожной станции: шестерка «илов» атаковала их колонну.

«Ди шварце тодт!» — завопили фашисты и бросились врассыпную.

«Черной смерти» — «илов» — гитлеровцы боялись, как черт ладана. Фашистов словно ветром сдуло.

Оставив летчика со связанными руками в машине, немцы разбежались по сторонам дороги, залегли в воронках, ямах, канавах.

Налет продолжался.

Астахов осторожно поднял голову. Вокруг — никого.

Он осторожно сполз с грузовика, еще раз осмотрелся, и — откуда только берутся в такие мгновения силы! — бросился бежать к водокачке.

Едва спрятался за ней — «илы» ушли. «Сейчас будут искать... Все... Конец... И пистолета нет...» — мысль летчика работала лихорадочно. И вдруг он заметил — по путям идет стрелочник.

«А — была не была...» — Николай знаками стал показывать железнодорожнику: «Подойди».

Когда тот приблизился, то сразу понял, в чем дело.

— Сюда, быстро, за мной,— он буквально выбил дверь сараюшки, притулившейся у водокачки.— Сиди тихо! Я — сейчас...

Стрелочник исчез. Минуты показались Николаю вечностью. По путям бегали гитлеровцы. Он даже услышал: «Далеко не ушел. Он где-то здесь!..» — Астахов немного понимал по-немецки.

Дверь сараюшки распахнулась. «Все, конец!..» Но это был стрелочник. Он тяжело дышал. Видимо, бежал всю дорогу:

— Переодевайся! Быстрей!..— и кинул летчику замасленные брюки и стеганку, в каких железнодорожники обычно делают черную работу...

К ночи стрелочник осторожно провел Астахова к себе домой. А через два дня за окнами хаты раздались автоматные очереди, взметнулся крик «ура!», и Николай увидел, как по улице бегут солдаты в родных краснозвездных пилотках. Станция, где скрывался летчик, была освобождена.

— Ты откуда взялся? — вытаращил глаза его друг Борис Киянец, когда Астахов появился в своем полку.— Мы уже тебя похоронили.

— Не мудрено,— весело ответил Николай.— От немцев-то я ушел, а вот свои меня чуть два раза не прихлопнули. Вначале «яки» из 6-го гвардейского прошлись по мне из пулеметов. Слава богу, не попали. Потом — наша братия на «илах» появилась. И все началось сначала.

— Знаешь,— еще больше удивился Борис,— а ведь ту шестерку «илов» вел я...

— Ты? — Николай остолбенело глядел на товарища.

— Я.

— Тоже мне, друг! — неопределенно сказал Астахов, а потом бросился к Киянцу и обнял его.

А наши войска уже высадились на Керченском полуострове. Шли бои за Керчь и Феодосию.

Над Керченским проливом одержал свою девятнадцатую победу Константин Алексеев. Его летчики сбили тогда 76 гитлеровских машин.

Там же Дмитрий Стариков только за день сразил четыре фашистских самолета, пытавшихся помешать переправе наших войск.

Весь день 10 февраля 1944 года и в последующие мы вели жесточайшие бои.

Кологривов сбил тогда Ме-109, Феоктистов «фоккер», Локинский, Хворов, Котов, Козунов, Калашников — по одному «Фокке-Вульфу-190». Войтенко в упор расстрелял бомбардировщик Ю-87. На счету Гриба, Тарасова и Агеева прибавилось по одному «мессеру». Шапочкин, Акулов и Парфененко сбили шесть Ме-109 и один Ю-87.

Начальник штаба полка В. Локинский

Таким был накал этих боев. Я в те дни тоже одержал свою пятнадцатую победу.

Даже младшие офицеры и солдаты противника понимали, что они обречены. Они отдавали себе отчет в отношении положения войск вермахта и румынской королевской армии в Крыму и иронизировали, говоря, что «Крым представляет из себя величайший лагерь военнопленных в мире, с той только разницей, что здесь нужно самим себя прокормить и можно свободно передвигаться».

Военнопленный лейтенант показал: «Среди офицеров румынской армии существует единственное мнение, что война ведется вопреки национальным интересам Румынии. Большинство офицеров прекрасно понимают, что после Сталинграда дальнейшее сопротивление бессмысленно.

Многие офицеры слушают московское и лондонское радио, хорошо осведомлены о положении на фронтах и считают, что создавшееся положение является катастрофическим для немецко-румынского союза».

Участились случаи симуляции болезней среди офицерского состава и дезертирства рядового состава. Для характеристики низкой боеспособности подразделений румынских королевских войск стоит привести захваченный нами приказ командира 3-й горнострелковой диви-

зии генерала Леонарда Мочульского: «Я с возмущением и скорбью установил, что когда вражеская артиллерия и авиация подвергают нас тяжелым бомбардировкам или же танки вклиниваются в наши боевые порядки, несмотря на наличие приказов сопротивляться, совершенно не думая об отходе, среди нас находятся трусы и подлецы, которые предают свои семьи, родину и удирают, называя это по-французски — отходом».

И на фоне страха и трусости обреченных еще ярче сверкали тогда подвиги советских летчиков.

Маршал Советского Союза Андрей Иванович Еременко повидал на фронтовых дорогах всякое. И, кажется, его уже ничем было нельзя ни удивить, ни поразить. Но и его потрясло тогда мужество и самоотверженность, с которыми наши летчики вели битву за небо Крыма.

«В эти дни,— рассказывает маршал,— на глазах всех десантников командир эскадрильи 47-го штурмового авиаполка коммунист лейтенант Воловодов и парторг эскадрильи младший лейтенант Быков, расстреляв боезапас при отражении танковой атаки, таранили шедший на бомбардировку вражеский самолет Ю-88. Обе машины, объятые пламенем, упали на землю. Военный совет 18-й армии, выполняя просьбу солдат и офицеров-десантников, выразил благодарность летчикам Черноморского флота».

«Передайте летному составу ВВС Черноморского флота,— писал Военный совет,— поддерживающему нас в бою за восточный берег Керченского полуострова, спасибо от пехоты нашей армии! Летчики оказали нам большую помощь в отражении 37 контратак противника с танками, которые он предпринял в течение двух дней. Имена лейтенанта Б. Н. Воловодова и младшего лейтенанта В. П. Быкова, таранивших немецкий самолет Ю-88, мы запишем в списки героев нашей армии.»

Героев таких было сотни. Они просто сражались, не думая о славе.

Когда моего друга полковника Ивана Степановича Любимова спросили:

— Много в ваших Краснознаменных полках героев? — он недоуменно пожал плечами.

— При чем здесь герои? У нас нет трусов. И плохо драться мы не имеем права: мы же родную землю освобождаем... Понятно это вам?

КРЫСЫ БЕГУТ С КОРАБЛЯ

Кто-то сравнил Крым с огромным кораблем. Действительно, он — словно суднс, вырвавшееся в Черное море, а перешеек,— как трап, переброшенный на материк.

Трап был уже вдребезги разбит мощными ударами советских пушек, и крысы бежали с корабля.

Бежали эсэсовцы с чемоданами, набитыми награбленными ценностями. Драпали чиновники «культурных отделов», прихватив лучшее, что можно было утащить из музеев Бахчисарая и Симферополя. Спасали свою шкуру полицаи, предатели и вещатели, бургомистры Ялты и Судака, Евпатории и Феодосии. Коменданту Ливадии и мерзавцам, наполнившим бечеровские рвы трупами женщин и детей, снились по ночам виселицы. Только почему-то в снах этих качались в петле не партизаны и комсомольцы, а сами палачи.

То, что творилось тогда на пирсах Ялты, Феодосии, Евпатории, Севастополя, Херсонеса, напоминало сумасшедший дом в часы землетрясения.

Каждый катер, каждый пароход брались с боем. Трусы здесь неожиданно оказывались храбрецами. А офицеры, вчера еще пытавшиеся остановить бегущих солдат, в отчаянии пускали себе пулю в лоб...

О чем бы мы ни говорили в те дни, каждый думал об одном: «Только бы не выпустить фашистов живыми из Крыма!»

Эта боевая формула вмещала в те дни весь смысл нашей борьбы.

Газета «Черноморский летчик» 3 апреля 1944 года на первой полосе сообщала:

«Штурмовики над Крымом. Потоплено 3 десантных баржи, 3 торпедных катера и сильно повреждены 1 десантная баржа, 4 торпедных катера».

И далее — более подробно:

«31 марта и 1 апреля наши летчики-штурмовики под прикрытием истребителей вновь появились над Крымом, нанеся по плавсредствам врага в порту Ф. массированный удар.

Ведущие группы летчики тт. Николаев, Пысин, Гургенидзе, Данилов, Тюрин, Морозов, Акаев и Борисов показали высокое боевое мастерство...»

Эту операцию обеспечивали мы. Ни один «мессер» к штурмовикам не пробился.

Запертые в Крыму немецко-румынские войска могли получать поддержку только морскими и воздушными путями — сухопутные дороги в Крым были уже в руках войск 4-го Украинского фронта. От Одессы, Очакова, Констанцы до портов западного побережья Крыма растянулись морские коммуникации противника. Помимо этого, противник осуществлял связь с крымской группировкой при помощи транспортных самолетов.

Кораблей у фашистов было немало: «На Черном море,— докладывала разведка,— противник сосредоточил свой военно-морской флот, который состоял из трех эскадренных миноносцев, трех миноносцев, вспомогательного крейсера, 10 канонерских лодок и сторожевых кораблей, 12 подводных лодок, 40 торпедных катеров и 34 катеров-охотников, 5 тральщиков, 7 мониторов, 180 катеров-тральщиков и др. Корабли базируются как на порты Крыма, так и на румынские порты — Констанцу, Сулин и болгарские — Варну и Бугас».

Сорвать снабжение вражеских войск в Крыму — такую задачу поставило тогда командование перед авиацией Черноморского флота.

Истребители нашего полка, как и летчики офицеров Токарева, Корзунова, Денисова, находясь в это время в непосредственной близости от морских коммуникаций врага, непрестанно наносили массированные удары по караванам противника. Лишь в ноябре и декабре черноморские бомбардировщики, торпедоносцы и штурмовики пустили на дно 53 фашистских судна.

Вылетая на свободную охоту, истребители-гвардейцы Герой Советского Союза Зюзин, Карасев, Кисляк и другие сбили в открытом море несколько десятков немецких транспортных самолетов.

К моменту наступления войск 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии в Крыму немцы лишились промежуточных приморских баз — Николаева,

Очакова, Одессы, и коммуникации противника растянулись еще больше.

Командир эскадрильи П. Тарасов

Черноморская авиация действовала в эти дни с максимальным напряжением. Перед ней были поставлены самые разнообразные боевые задачи: разведка на морских коммуникациях, уничтожение вражеских судов в море и в базах, подавление вражеских батарей, живой силы и техники противника на пути наступления наших войск.

Прокладывая дорогу нашей пехоте и танкам, штурмовики майора Трушина совершали по четыре-пять вылетов в день. Другие штурмовые части обрушивали свои удары по плавсредствам противника, настигая вражеские корабли далеко в море, атакуя в портах Крыма.

Так, 11 и 12 апреля в результате налета штурмовиков на Феодосию были потоплены 9 вражеских кораблей, уничтожено 22 автомашины, 10 железнодорожных вагонов, взорвано 2 склада боеприпасов.

Сокрушающие удары были также нанесены по стоянкам вражеских судов в Алуште, Судаке и других портах.

Невосполнимые потери понес противник от ударов черноморской авиации. Только в апреле наши летчики потопили 68 фашистских судов общим водоизмещением 76 880 тонн, повредили свыше трех десятков немецко-румынских кораблей. За этот же период в воздушных боях было сбито 48 вражеских самолетов.

Густой, беспорядочный муравейник — таким мы увидели с воздуха второй причал Феодосии.

Шла погрузка на две самоходные десантные баржи.

Собственно, погрузкой назвать это было нельзя: вероятно, так в древности штурмовали крепости, если во главе осаждавших оказывался на редкость бездарный и тупой военачальник.

С бреющего полета видно, как валятся в воду оказавшиеся слабее тех, кто кулаками и чемоданами прокладывал себе путь к спасительным палубам.

Все было ясно: весть о прорыве наших армий у Перекопа докатилась сюда.

Оглядываю воздух — «мессеров» нет.

Решаю рискнуть и передаю по радио ведомому:

— Беру на себя левую баржу. Ты атакуй правую.

— А как же прикрытие?

— Мы мигом. «Мессеров» вроде бы не видать. Пошли...

Мы зашли со стороны солнца, и потому наше появление было громом среди ясного неба.

Ударили одновременно из пушек и пулеметов.

Первая баржа запылала. Через минуту густой дым повалил из второй. И — трупы, трупы врагов. На палубах судов, на пирсах, в воде.

Скольких эсэсовцев и их прислужников не досчитался в тот день фюрер — не знаем. На подсчеты у нас, естественно, не было времени. Во всяком случае — не один десяток.

В первой половине апреля наша авиация продолжала бомбить вражеские корабли и скопления войск в портах Севастополя, Ялты, Феодосии, Судака. Только 13 апреля в этой операции участвовало 84 наших бомбардировщика, прикрываемые 42 нашими истребителями. Три самоходные баржи, переполненные немецкими солдатами и офицерами, у пристани Судака пошли ко дну. Румынские же солдаты, напуганные налетами нашей авиации, наотрез отказались садиться на баржи.

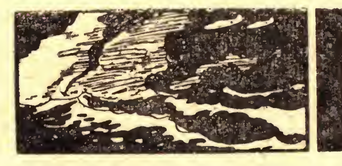
Пленный румын рассказывал: «На причалах поднялась невообразимая суматоха. Приказы офицеров не выполнялись. Между немцами и румынами произошли кровавые стычки. Немцы также прекратили погрузку. Они бросили вооружение и военное имущество и бежали по направлению к Алуште. Когда я вернулся в свою роту, меня окружили не менее 300 солдат из разных подразделений и заявили, что они решили сложить оружие. Я также вместе с ними сдался в плен к русским».

То же самое творилось в Ялте. Вражеский гарнизон здесь оказался под ударом с нескольких сторон. Видя безвыходность создавшегося положения, неприятельские части не выдержали и стали отходить в направлении на Севастополь. Часть сил гарнизона противника начала поспешно грузиться на суда, находившиеся в Ялтинском порту. Вскоре отход врага превратился в беспорядочное бегство. На узком приморском шоссе скопились пехота, артиллерия, автомашины и обозы. Паника еще более усилилась, когда с перевала Ай-Петри внезапно прямой наводкой ударила советская артиллерия, а из Ялты усилили нажим подразделения 16-го стрелкового корпуса. Нанося удары с флангов, наши части стали выходить наперерез отступавшему противнику, а полевая артиллерия открыла сильный огонь по вражеским плавучим средствам, стоявшим в порту под погрузкой. К утру 16 апреля Ялта была полностью очищена от врага.

Да, теперь гитлеровцам было уже не до вилл в Крыму. Считалось счастьем — попасть на отходящий к берегам Румынии транспорт.

Но ведь этому транспорту нужно было еще дойти до цели. А чтобы этого не случилось, заботились мы, черноморские летчики.

Морские коммуникации врага были превращены в ад. Так пришел час расплаты для гитлеровских изуверов, осквернявших родную крымскую землю.

ЗДРАВСТВУЙ, ПЛЕМЯ МОЛОДОЕ!

Полк поднят и выстроен по тревоге.

— Дорогие друзья! — начал я.— Могу вас поздравить. Сегодня мы всем полком перебазируемся на крымский аэродром...

Что тут началось! Люди обнимали друг друга, бросали в воздух шлемы, кричали «ура!».

Не без труда восстанавливаю тишину:

— Я вас понимаю. Уже само по себе это событие радостное и счастливое: мы гоним фашистскую нечисть с нашей земли...

Снова — «ура!» Снова — объятия...

Нет, сегодня я, видимо, плохой командир: никак не могу навести порядок. Но ничего не могу и сам с собой поделать: переживаю то же самое, что и мои ребята.

И вот мы в Крыму.

Даже не верится! Бесконечными днями и ночами мечтали мы об этом. И наконец — сбылось!..

Сбылось, но хлопот у нас прибавилось столько, что вскоре времени для того, чтобы полюбоваться красотами крымской земли, у нас практически не осталось.

Во-первых, в полк прибыли новые машины — Як-9. Возможности наших летчиков качественно изменились. И насколько!

Уже после войны, рассказывая об истории создания этих машин, Генеральный конструктор Александр Сергеевич Яковлев вспомнит о памятном для него совещании в Кремле:

«Я доложил, что наше конструкторское бюро работает над решением этой проблемы и что дальность истребителя Як-9 можно увеличить вдвое. У нас уже есть образец самолета Як-9ДД, дальность полета которого без посадки равна двум тысячам километров.

Для увеличения дальности и продолжительности полета требуется дополнительное количество горючего на машине, что обычно достигалось подвеской под самолетом дополнительных бензобаков. Подвешивали их на специальных замках под крыло или под фюзеляж самолета. Выглядят они уродливыми наростами, а главное, вызывают дополнительное аэродинамическое сопротивление и снижают скорость истребителя. Крепление подвесных баков устроено так, что летчик, вступая в бой, может в любой момент сбросить эти баки.

Нам уже удалось почти удвоить запас горючего на Як-9 не за счет подвески баков, а разместив баки с дополнительным топливом в толще крыла, благодаря чему, увеличив дальность, мы в то же время отнюдь не снизили скорости нашего истребителя...»

И вот эти «яки» — в нашем полку. Теперь мы получили действительно мощные крылья. Их нужно осваивать не только новичкам, но и ветеранам полка.

Было и особое обстоятельство, заставляющее нас торопиться: часть пополнения должна была прибыть к нам из Ейского училища, и боевого опыта у молодых летчи-

ков не было. А выпускать необстрелянных юнцов в бой с матерыми гитлеровскими асами — значило обрекать их на верную гибель.

Значит, молодежь нужно учить. Учить серьезно и последовательно. И не только тактике воздушных схваток — традициям полка.

Утром я собрал «большой хурал»: начальника штаба, комэсков, лучших наших летчиков-ветеранов.

— Давайте думу думать, товарищи, как нам молодежь в небо выпускать. К каждому новичку прикрепим опытного летчика,— приступил я к делу...

Командиры эскадрилий Феоктистов, Кологривов и Гриб согласно кивнули. Хлопот у них и так хватало. Но кто из нас не понимал: молодежь — это будущее полка, его боевой резерв и надежда.

Слово взял Гриб:

— Придется потрудиться и инженерам эскадрилий. Новички как таблицу умножения должны знать эксплуатацию системы охлаждения и смазки двигателя, уборки и выпуска шасси... Да и все остальное.

— Возьмем за правило,— поддержал его я,— и скажем новичкам: «Знаешь технику на отлично — полетишь первым. Что-то путаешь — сиди на земле».

— Правильно,— вмешался Феоктистов.— А после этого каждый из нас должен в полете сам проверить технику пилотирования молодых в воздухе. А уже потом — отработать с ними в небе технику и боя, и стрельб.

— Проведем показательные воздушные бои,— заключил я. — С подробным их разбором...

Долго заседал в тот день наш «большой хурал». Но программу подготовки молодых летчиков мы вроде бы продумали неплохо.

И вот новички начали прибывать. С каждым из них я знакомился лично. Потом устроили сразу для всех нечто вроде теоретической конференции. Я рассказывал о боевых традициях полка, о его лучших людях, об их опыте, о победах и неудачах.

— Высокий наступательный дух,— сказал я,— наиболее характерная черта советских летчиков-истребителей. Если немцы неохотно вступают в бой даже при равном соотношении сил, наши соколы, как правило, не останавливаются ни перед каким численным превосходством противника. Они всегда ищут встречи с врагом. Отраба-

тывая как-то со своим ведомым технику пилотирования, один из мастеров воздушного боя, выросший в нашем полку, Герой Советского Союза Гриб заметил значительную группу «мессершмиттов», прикрывавших бомбардировщиков, которые шли на бомбежку наших плавсредств. Оценив обстановку, Гриб вместе с ведомым Лазутиным прямо с ходу пошел в атаку. Связав боем группу прикрытия, смельчаки сбили двух «мессеров», а поднятые в воздух истребители схватились с бомбардировщиками и сбили еще четыре фашистских самолета. В результате бомбовый удар врага был сорван. Гвардейцы без потерь вернулись на аэродром.

Известен бой тройки истребителей, возглавляемой Героем Советского Союза Алексеевым, против 12 «мессершмиттов», в котором были сбиты три немецких истребителя...

— Вероятно, они до конца использовали технические, боевые возможности своих истребителей? — спросил один из молодых — Алексей Горелов (очень скоро он стал опытным, отчаянным храбрым летчиком).

— Да. Истребитель всегда должен быть уверен в исправности материальной части и особенно в точности пристрелки вооружения. Правильно пристрелянное оружие — это половина победы. Непрерывная тренировка в стрельбе позволяет летчикам убедиться в точности своего оружия, набивает глаз в упреждении, позволяет на любой дистанции безошибочно определить, где должны пройти трассы пуль и снарядов. Мы, например, даже в напряженные боевые дни стремимся выкроить время для тренировочных стрельб по щитам и конусам. Эта практика полностью окупается в боях. Как приятно потом бывает видеть, когда после меткой очереди отлетают клочья от фашистского самолета и гитлеровская машина камнем падает вниз...

— Товарищ командир,— спросил другой новичок,— а с какой дистанции лучше всего открывать огонь?

— Дважды Герой Советского Союза Борис Сафонов говорил, что победа истребителя лежит в 50—150 метрах от противника. Наши гвардейцы строго придерживаются этого совета и нередко сбивают немцев с трех-четырех очередей. Правильный расчет, меткость огня, наступательная тактика — все они вместе, как правило, и приносят победу.

Вопросов было много, и меня это радовало: значит, ребята рвутся в бой. А это уже хорошо. Но нужно предупредить их и о другом — легких побед не бывает. И я решился:

— А теперь я расскажу вам о подвиге Александра Котрова. Мы дрались вместе с ним в севастопольском небе.

Говорил я тогда довольно долго, но смысл и дух подвига Александра Котрова для вас, читатель, лучше всего передадут эти письма. Одно — самого Саши мужу сестры Андрею Леушкину, другое, через много-много лет — мой ответ сыну Андрея Леушкина.

Первое письмо Котрова с Кавказа датировано 27 апреля 1942 года:

«...Лежал в госпитале 4 месяца в г. Сочи, а сейчас снова воюю с немцами в Анапе, охраняю Новороссийск. Имеется много побед, за что представлен правительству к награждению. В боях от Очакова — Николаев, Херсон, Каховка, Скадовск, Перекоп, Евпатория, Симферополь, Севастополь — испытал многое. Сбил 4 самолета и пятый таранил, трижды горел в воздушных боях на «яке», спасался на парашюте, дважды ранен и в последний раз — тяжело. Первое ранение в ногу, пробило кость, лечился, не покидая фронта. Второй раз пострадал в ночном воздушном бою в Севастополе (октябрь 41 год). Перебило правую ногу, левую руку, левую ключицу, получил сотрясение мозга.

Сочинские профессора все восстановили. Теперь уже полтора месяца, как я принимаю участие в боевых действиях, снова летаю, дерусь. Боялся осложнений, но пока все в порядке.

В госпитале пришлось перенести ряд операций, было чертовски тяжело. Все перенес.

Над Новороссийском часто встречаемся с противником. Покуда буду в Анапе, дальше ничего неизвестно...»

Но с июня 1942 года письма от Александра перестали приходить. Родные долго не знали ничего о судьбе Саши, разыскивали его.

И вот не так давно я получаю письмо от сына Леушкина. Получаю после того, как рассказал о подвиге его дяди по телевидению. Письмо преисполнено благодарности

и теплоты от всех родственников за память о Саше Котрове. Я немедленно откликнулся на него:

«...Получил Ваше письмо. Оно меня очень тронуло, так как я воевал вместе с Александрсм Котровым, которого знал как отличного воздушного бойца. Прочитав Ваше волнующее письмо, я многое узнал о нем, как о человеке — скромном, мужественном. Я вспомнил, как командующий авиацией морских сил маршал Жаворонков приказал ему продолжать лечение, а он прилетел в самое пекло обороны Севастополя и доложил мне о единственном невыполнении приказа Жаворонкова, сказав, что косметикой займется после войны.

Погиб он в неравном воздушном бою между Севастополем и Балаклавой. Мы с ним летали в паре, прикрывали свою штурмовую авиацию. Я видел, как Саша покинул подбитый самолет, но парашют оказался поврежденным: пулей был перебит вытяжной тросик, а открыть парашют руками не позволил малый запас высоты.

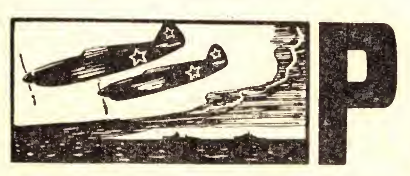
Мы похоронили Александра со всеми воинскими почестями в районе Херсонесского маяка, где мы хоронили всех погибших товарищей. Сейчас останки всех героев перенесены в братскую могилу и на ней установлен памятник...»

Когда я рассказывал обо всем этом молодым летчикам, видел, как горели их глаза. Равнодушных среди слушателей не было.

Шли дни. Мы жестко выполняли всю нашу программу — максимум внимания подготовке молодых к боям. Орлята учились летать.

И очень скоро все они ушли во фронтовое небо.

После войны я получил письмо от Алексея Горелова: «Не знаю, как других, а меня вел в бой пример и образ Александра Котрова. Ваш рассказ о нем запал тогда в наши души...»

ВПЕРЕДИ — СЕВАСТОПОЛЬ!

Работы у нас стало, действительно, «невпроворот». Посадка — осмотр самолета — заправка горючим — и снова в воздух.

Стволы самолетных пушек и пулеметов не успевали остывать. Но люди не жаловались. Наоборот — они рвались в бой. Ведь впереди был Севастополь!..

18 апреля 1944 года. На всех зданиях служб — свежие, еще пахнущие типографской краской листовки:

«Товарищи гвардейцы! Мы 250 дней героически отстаивали наш родной Севастополь, мужественно отражали жестокие атаки врага. Так не пожалеем крови и жизни своей сейчас, когда настал час его освобождения от гитлеровских захватчиков.

Все свои силы, знания, отвагу — на разгром врага, на изгнание его с пределов нашей советской земли!»

Вечером у самолетов, у зданий служб собрались группы людей. Я обхожу аэродром, прислушиваюсь к знакомым, взволнованным голосам.

Вот из темноты доносится чей-то голос, резкий, с хрипотцой, вот-вот сорвется. Узнаю — Рекуха, техник.

— ...Так все это и получилось, ребята. Взяли немцы Евпаторию. А у меня там — отец, мать, жена. Какой-то негодяй донес: сын — в советской авиации. Жену и мать расстреляли. Рядом с домом.

— А отец?

— Отца тоже прошила очередь из автомата, только умер он не сразу, долго мучился...

Вхожу в круг людей. В глазах у них ненависть. Нет, не позавидуешь гитлеровским летчикам, которые встанут на их пути.

В центре другой группы — капитан Степан Войтенко. Он только что сбил над морем, недалеко от Севастополя, «Гамбург-138» — морской самолет с двенадцатью гитлеровцами.

— Степан Ефимович, а как лучше «гамбурги» атаковать?

— Особых отличий от обычной атаки нет. Только «гамбурги» нам встретятся не часто.— Молодые летчики Бундуков, Воронов, Голиков не отрывают глаз от рассказчика.— Ориентируйтесь на «мессеры» и «фоккеры». А с ними...— и начинается специфически «авиационный» разговор, где столько же значат слова, сколько и «говорят» руки.

Степан не скупится на жесты. В руках у него пачка папирос и спичечный коробок. Папиросы — «мессер». Спички — атакующий «як».

Разбираются все вариации воздушных атак. У Степана новичкам есть чему поучиться: на его личном счету — одиннадцать сбитых фашистских самолетов.

Зажигаются в небе крупные, по-южному яркие звезды. Но никто не ложится спать.

Молодежь окружила Гриба, Тарасова, Когогривова, Москаленко, Маслова, Феоктистова, Акулова — наших «старичков». Атакует их бесконечными «как», «для чего», «почему».

У самолетов — Буштрук, Глушков, Осыка, Юдин, Южин, Гриль, Кокин, Волков, Григорьев — наши замечательные авиаспециалисты, золотые руки полка.

— Почему спать не идете, полуночники?..

— Разве сегодня уснешь, товарищ командир. Ведь для Севастополя машины готовим!..

С грозным ревом проносятся «ильюшины» над передним краем немецкой обороны.

И вдруг в эфире раздается знакомый властный голос:

— «Илы»! Западнее высоты 400 в лощине четыре танка, скопление пехоты противника. Бейте по ним!

Ведущий и остальные летчики группы штурмовиков немедленно разворачиваются и неожиданно для врага обрушивают на него бомбы и снаряды. Летчики знают, что команду передавала станция наведения,— верный помощник штурмовика.

...Где-то в непосредственной близости от переднего края обороны, у проходной рации сидит офицер, зорко и внимательно следящий за всем, что происходит в воздухе. В его руках разведывательные данные о противнике,— о скоплениях пехоты, танков, о перемещениях огневых вражеских точек. В процессе боя противник маневрирует, перебрасывает живую силу и технику, маскируется, создает ложные позиции. Все эти сведения немедленно поступают на станцию наведения. Руководствуясь ими, офицер, сидящий у рации, нацеливает штурмовиков на эти объекты, предупреждая о появлении самолетов противника, подсказывая нужный маневр.

Вот обнаружено, что вражеские зенитки открыли огонь по нашим самолетам. И в эфире вновь раздается голос:

— Маневрируйте, маневрируйте! Куда отвалили? Ближе к своим, выходите на нашу территорию!..

Если зенитный огонь ослабевает и истребителей противника в воздухе нет, раздается команда:

— Заходите на второй круг с набором высоты. Дайте «эрликоны»!..

Группа «ильюшиных» направилась штурмовать вражеские позиции. Когда наши самолеты легли на боевой курс, с запада появилась большая группа немецких бомбардировщиков «Юнкерс-87». «Лапти», как называют их летчики за неубирающиеся в полете шасси, направились бомбить правый фланг наших войск. Штурмовики открыли пушечно-пулеметный огонь по немецким самолетам. Беспорядочно сбросив бомбы, «лапти» бреющим полетом с разворотом на 180 градусов ушли на запад.

Немецкие истребители Ме-109 находились в это время выше «юнкерсов». Пара «мессершмиттов» шла на одной высоте с нашей группой истребителей, прикрывавшей штурмовиков.

Неожиданно один ястребок с изображением орла на фюзеляже стремительно атаковал немца, приблизился к нему и дал три короткие очереди. С высоты 1500 метров «сто девятый» вертикально пошел вниз и врезался в воду.

Наблюдавшие за этим скоротечным боем пехотинцы-гвардейцы Героя Советского Союза гвардии подполковника Главацкого дружно аплодировали летчику.

Не скрою: мне приятно вспомнить этот эпизод. Тем более, что этим летчиком был я.

В эти горячие дни перед штурмом Севастополя бок о бок с нами дрались гвардейцы Ивана Степановича Любимова. Он стал уже командиром дивизии, в воздушном бою под Перекопом в 1941 году лишился ноги, но попрежнему не раз сам водил в атаку свои Краснознаменные полки истребителей и лично сбивал фашистские самолеты. Ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Для одного из них — 11-го Гвардейского, 11 мая стало днем воистину знаменательным: летчики полка сбили трехсотый гитлеровский самолет и, как они говорили сами, «распечатали» четвертую сотню. И не мудрено: летчики-истребители сражались с фашистами отчаянно —

храбро. Нередко у них были и личные счеты с гитлеровцами. Однажды летчик этого полка Сергей Ульченко вышел из землянки мрачный, словно почерневший от горя. Повстречался с другом Татарским.

— Что с тобой? — озабоченно спросил его Борис.

— На — читай! — Сергей протянул ему письмо.

Дорогой мой сыночек! — писала Ульченко мать из Днепропетровска.— Не знаю, как теперь мне и жить. Горе у нас огромное. Плакать уже не могу — все слезы выплакала. Ты знаешь, отец наш был в партизанах. На днях и получила письмо от его командира. Нет уже в живых нашего бати, сыночек. Погиб в бою. Отомсти, если можешь, этим бешеным собакам, залившим кровью нашу землю...»

Борис молча обнял Сергея, увел в блиндаж.

— В таких случаях не утешишь,— прорвалось вдруг зло у Татарского.— А сейчас попробуй, возьми себя в руки, Серега. Через час мы идем на Севастополь. Там кое с кем счеты сведем...

Они пошли на разведку. Ведущий — Борис Татарский, ведомый — Сергей Ульченко.

И вот внизу ослепительной синевой сверкнула Северная бухта Севастополя.

— Сергей, засекай зенитные батареи,— передал по радио Борис.— Попробуем немного снизиться.

Вот уже ясно различимы корабли на воде, сожженный остов Владимирского собора, Малахов курган. И вдруг по рации раздался тревожный голос Сергея:

— Борис! Сверху атакуют два «мессера»!

— Прикрывай! Примем бой!..

Все произошло мгновенно: атака, молнии очередей, вспышка на одном из «мессеров», крутой вираж расхождения.

Подбитый самолет сорвался в штопор, но на высоте около 1500 метров гитлеровцу удалось выровнять машину.

— Сергей! Он не добит! Прикрывай! — Татарский камнем рухнул с высоты на выходящего из боя фашиста.

Очередь, вторая, третья... «Мессер» круто вильнул вправо. Борис ударил из пушки — и кстати. Через секун-

ду над гладью воды в районе Южной бухты взметнулся столб пены, смешанный с гарью и пламенем: Ме-109 пошел ко дну.

Татарский огляделся. Ведомого нигде не было видно. Борис резко бросил свой самолет в набор. И здесь увидел второго фашиста: «мессер» спасался бегством. Но где же Сергей?

Татарский в крутом вираже обошел Северную и Южную бухты.

По сердцу словно ножом полоснули: в балке за Южной догорал «як»...

Татарский не видел, что, когда он повторил атаку, второй Ме-109 бросился спасать своего ведущего, ловя в прицел «як» Бориса. На пути фашиста встал Сергей... Ведомый своей жизнью обеспечил победу.

«Какой это был летчик, какой друг! — горестно думал Борис, возвращаясь на аэродром.— И еще это письмо... Что будет с матерью Сергея, когда она узнает, что потеряла не только мужа, но и сына...»

Ни с кем не разговаривая, стиснув зубы, около часа лежал Борис на летном поле около своего самолета. Механик топтался около, не решаясь подойти к летчику. Сердцем чуял: произошло что-то непоправимое...

«Ну, погодите, гады! — сорвалось вдруг с побелевших губ Татарского.

Он поднялся с земли и решительно зашагал к КП.

А в это время далеко в море эскадрилья капитана Бориса Абарина участвовала в атаке каравана судов. «Яки» сопровождали бомбардировщиков, но пробиться к кораблям тем было почти невозможно: «мессеры» наседали со всех сторон, караван огрызался бешеным зенитным огнем.

Абарин видел, как Ме-109, внезапно вынырнув из облаков, ринулся к машине младшего лейтенанта Гейченко. Ведомый Гейченко Драпатый бросился на выручку. Кто выстрелил первым — Абарин не понял. Все сплелось в огненный клубок, в вихрь крутящихся самолетов. И вот Ме-109 с ревом идет уже к воде. Всплеск — и все кончено.

Но почему отваливает в сторону Гейченко?

— Ранен в правую руку,— услышал Борис по радио

голос друга.— Иду на аэродром. «Мессера» сбил Драпатый... Молодец, выручил!

— Тяжело ранен? Дотянешь? — тревожно спросил Абарин.

— Дотяну, а ты смотри, смотри — слева к тебе два фашиста заходят.

Абарин и его ведомый Фефилов бросили машины в крутой вираж и вошли в атаку.

«Мессеры» не приняли боя, разошлись в стороны. Словно для того, чтобы пропустить Абарина к другой паре Ме-110, ожидавшей их чуть дальше. А здесь, чуть ниже их, из-за облаков вынырнул «Фокке-Вульф-190».

— Атакуй «мессера»,— крикнул в микрофон Абарин Фефилову.— Я беру на себя «фоккера».

Их пушки ударили почти одновременно.

Горящий «фоккер» и Ме-110, сраженные нашими летчиками, рухнули в воду метрах в ста друг от друга.

В это время бомбардировщики прорвались наконец к кораблям. Взрыв — и огромный транспорт раскалывается пополам. Еще удар — тонет второй корабль...

«Красиво работают, черти!» — с удовольствием подумал Абарин, наблюдая за слаженными действиями бомбардировщиков. И вдруг две огненные трассы прошли рядом с мотором его «яка».

«Шляпа! — обругал себя Борис.— Зазевался». Разворот влево, резкий набор высоты, и летчик уже отлично видит своего врага.

«Идет в атаку! Лобовую,— определил Абарин.— Ну, что ж, давай, Ганс!»

Две машины стремительно сходились в смертельном поединке. Борис, поймав врага в прицел, первым ударил из всех огневых точек. «Мессер», завалившись набок, клюнул носом и вертикально пошел вниз.

Рядом со «своим» Борис увидел второй падающий в море Ме-110.

— А этот откуда?

— Товарищ командир,— в шлемофоне послышался голос лейтенанта Буцкого.— Докладываю. Сбил один «мессер». Протасов и Жуков уничтожили два Ме-110...

— Молодцы! Так держать!

— Есть, так держать!..

Бой уже кончался, и нужно было возвращаться домой.

Но в тот день Абарину, видимо, действительно везло:

на обратном пути он «носом к носу» встретился с Ю-52, идущим из Севастополя, и, не раздумывая, атаковал его.

С горящим левым мотором и пылающей плоскостью «юнкерс» пошел на снижение и вскоре врезался в воду.

С воздуха мы видели многое. События развертывались воистину грандиозные.

Развивая наступление, войска 4-го Украинского фронта при поддержке авиации 8-й воздушной армии 15 апреля вышли к Севастополю, где встретили упорное сопротивление противника. А 17 апреля Отдельная Приморская армия вырвалась непосредственно к Севастопольскому укрепленному району.

Потерпев поражение в северной и восточной частях Крыма, гитлеровское командование стремилось любой ценой удержать район Севастополя, куда оно отвело остатки своих войск. Для их усиления по воздуху и морем было переброшено около шести тысяч солдат и офицеров. Подступы к городу превратились в мощные узлы обороны. Особенно выделялась в этом отношении Сапун-гора. Ее опоясывали шесть ярусов сплошных траншей, прикрытых противотанковыми и противопехотными минными полями, а со стороны моря — и противолодочными заграждениями. Очень сильно были укреплены Макензиевы горы, Сахарная головка, Инкерман. Севастопольский плацдарм имел протяжение по фронту 29 километров, а в глубину — до семи.

Вражеские войска прикрывались мощной зенитной артиллерией. В воздушном пространстве над этой территорией противник мог создать трех-четырехслойный огонь.

5 мая войска 4-го Украинского фронта начали наступление на Севастопольский укрепленный район.

В этот день после артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление войска 2-й Гвардейской армии с целью отвлечения внимания и резервов противника от направления главного удара.

Бои с самого начала приняли ожесточенный характер.

В ночь на 5 мая, несмотря на сложные метеоусловия, части 8-й воздушной армии наносили удары по вражеским аэродромам, по судам в бухтах Севастопольского

плацдарма и по войскам на поле боя в районе Мекензиевых гор, совершив 399 самолето-вылетов.

В эту же ночь в полосе наступления 2-й Гвардейской армии нанесли мощные удары 277 самолетов авиации дальнего действия. Они разрушали доты и дзоты, уничтожали артиллерию и живую силу противника в районе станции Макензиевы горы, в лесах юго-восточнее Любимовки. С воздуха дальние бомбардировщики прикрывали летчики нашего полка.

Здесь тоже приходилось работать со «связанными руками»: главным было не допустить «мессеров» до атакующих армад наших тяжелых машин.

5 мая авиация начала боевые действия в 8 часов 30 минут. Группы штурмовиков и бомбардировщиков наносили удары по артиллерии, минометам и живой силе противника. Причем за 10 минут до начала атаки 2 группы штурмовиков под прикрытием наших истребителей в составе 65 самолетов произвели налет на аэродром противника. Во второй половине дня штурмовики повторили удар по вражеским аэродромам.

Вот пошла в атаку пехота — и вновь по переднему краю оборонительной системы противника нанесли удар 72 штурмовика, прикрытые нашими «яками».

В течение всего дня штурмовики непрерывно находились над полем боя, подавляя огневые средства и живую силу противника.

Хватало работы и нам: наши «яки» непрерывно прикрывали сухопутные войска, штурмовую и бомбардировочную авиацию от атак противника, вели разведку.

В результате двухдневных боев войска 2-й гвардейской армии несколько продвинулись вперед. Эти действия ввели в заблуждение командование немецко-фашистских войск. Оно предполагало, что здесь наносится главный удар, и начало перебрасывать резервы на свой левый фланг. Этим были созданы благоприятные условия для наступления наших войск на главном направлении. В ночь на 7 мая перед наступлением войск 51-й и Приморской армий авиация дальнего действия и фронтовая авиация нанесли сокрушительный удар по обороне противника.

7 мая сухопутные войска перешли в наступление всеми силами фронта с целью решительного разгрома остатков немецко-фашистских войск в Крыму.

В этот день особенно упорные бои завязались на Сапун-горе и за высоту Сахарная головка.

В 10 часов 30 минут в момент начала атаки 18 Ил-2 в течение 15 минут штурмовали артиллерию на обратных скатах Сапун-горы, живую силу и огневые точки в траншеях. По этим же целям с 10 часов 45 минут до 11 часов 30 минут били три шестерки штурмовиков.

Наши ребята зорко следили за небом. Воздух, казалось, раскалывался от завываний моторов, грохота пушек и пулеметов, бесконечных команд: «Мессер справа!», «Прикрой, атакую!», «Восьмерка, сзади два худых!», «Выходим из атаки вверх, влево!»...

Да, в воздухе был настоящий ад. Но в этом аду нужно было сохранить ясность головы: не увлечься атакой, не дать сковать себя, не оторваться от штурмовиков и бомбардировщиков. Прикрытие их — вот главная задача. Ей должно быть подчинено все: каждый маневр, любая атака.

Вероятно, авиация поработала неплохо: пехота овладела высотой Пузырь и подошла к подножию Сапун-горы, ворвалась в нижний ярус траншей и выбила из них солдат противника. Но из второго яруса окопов гитлеровцы встретили нашу пехоту организованным огнем. Наступающие залегли.

В этот критический момент на поддержку войск были последовательно направлены три шестерки штурмовиков под командованием капитанов Степанщева, Анисимова и лейтенанта Козенкова. Радиостанции наведения работали четко, и штурмовики точно вели огонь по верхним траншеям на Сапун-горе.

Огонь гитлеровцев ослаб, и пехота снова бросилась на штурм Сапун-горы.

Такой мощной авиационной поддержки, как при штурме Сапун-горы, мне не доводилось видеть. Непрерывно рвались авиационные бомбы и снаряды, а самолеты все шли и шли волна за волной. Дым пеленой застилал склоны горы. Все, что могло гореть, горело. Казалось, ничего живого здесь не должно было остаться. Но только к исходу дня пал бастион немецкой обороны.

7 мая в 13 часов 30 минут на вершине Сапун-горы затрепетали красные флаги.

На другой день после взятия штурмом Сапун-горы в штаб 8-й воздушной армии на имя его командующего начали поступать отзывы о действиях авиации. Вот один из них:

«Прошу передать мою искреннюю благодарность летчикам Вашей армии за отличную поддержку с воздуха в боях от Сиваша-Каранки до Севастополя. Особо приношу благодарность за исключительную четкую и своевременную поддержку с воздуха бомбами, пушками и пулеметами.

Во время штурма Сапун-горы авиация поддерживала пехоту и артиллерию корпуса волей летчиков и силою моторов.

Командир 63-го стрелкового корпуса генерал-майор П. К. Кошевой».

Во втором отзыве говорилось:

«Действия авиации в интересах наземных войск Военный совет армии оценивает отлично».

Днем 8 мая войска 4-го Украинского фронта продолжали развивать наступление. Истребительная штурмовая и бомбардировочная авиация оказывали исключительно эффективную поддержку наступающим войскам, ведущим бои за овладение опорными пунктами Керань, высотой Кая-Баш, совхозом № 10. Одновременно авиация наносила удары по транспортам и кораблям в бухтах, а также по аэродромам, уничтожила скопления вражеских войск на марше.

С 6 часов 52 минут до 7 часов 42 минут три шестерки штурмовиков разгромили направляющуюся к фронту автоколонну с артиллерией и пехотой из 100 автомашин. Подготовлявшаяся контратака противника была сорвана.

В итоге боев к исходу 8 мая советские войска при поддержке авиации преодолели первую полосу обороны, а к 9.00 9 мая прорвали внутренний Севастопольский обвод и устремились к городу.

Авиация начала уничтожать отступающие войска противника на дорогах и в глубоких складках местности. Одновременно она наносила удары по вражеским узлам сопротивления на окраинах города. В 14 часов наши войска ворвались на окраины Севастополя и к 19 часам штурмом овладели им.

Остатки разбитых войск противника поспешно отступали на рубеж прикрытия.

Авиация уничтожала отходящие колонны и наносила удары по скоплениям войск и судам в бухтах Стрелецкая, Круглая, Камышовая, Казачья. После 8 мая немецкая авиация в Крыму фактически прекратила свое существование. Остатки этой авиации были полностью уничтожены на мысе Херсонес.

Основные силы авиации 8-й воздушной армии были переключены на уничтожение судов и кораблей на внешнем рейде и в море. Все севастопольские бухты были плотно «закупорены» нашей авиацией. Корабли противника не могли ни подходить к ним, ни выходить из них, а те, которым все же удавалось под покровом ночи вырваться из бухт, уничтожались в море авиацией и кораблями флота.

Возмездие шло! Оно было неотвратимо. Смерть ждала гитлеровцев повсюду — на земле, на море, в воздухе. Кровавые палачи несли жестокую расплату за все свои злодеяния.

ТОЛЬКО ОДИН УДАР

Совинформбюро 24 апреля 1944 г. сообщило:

«Авиация Черноморского флота наносила удары по судам противника на коммуникациях Севастополь — Румыния. Прямыми попаданиями бомб потоплены семь транспортов противника с войсками, которые захватчики пытались эвакуировать из Севастополя. Общее водоизмещение потопленных транспортов составляет 16 тысяч тонн, кроме того, потоплены быстроходная десантная баржа, торпедный катер и три сторожевых корабля противника. Нескольким вражеским судам нанесены серьезные повреждения».

Это сообщение имело прямое отношение и к нашим летчикам-истребителям: мы прикрывали с воздуха летчиков-гвардейцев Краснознаменной минно-торпедной части, которой командовал хороший мой друг — Герой Советского Союза Николай Алексеевич Мусатов.

Подробности их блестяще проведенных операций, возможно бы, и не сохранила память — настолько стре-

мительно развивались события, но осталась бесценная реликвия — дневник полка. Чтобы понять, как действовали летчики Мусатова, вернусь к событиям более ранним.

Строки дневника сохранили и огненное напряжение атак, и настроение людей...

«...Раннее утро. На аэродроме давно уже кипит напряженная кропотливая работа. Это техники, механики и мотористы готозят материальную часть к вылету. Вот у самолета группа оружейников во главе с техником по вооружению тов. Мамаевым подвешивает бомбы. На другом самолете заканчивает устранение повреждений Сафронов со своими механиками и мотористами. Они всю ночь проработали у самолета. Машина к 7.00 должна быть в строю — это самолет командира эскадрильи гвардии майора Ильина.

В 7.00 построение личного состава. Командиры эскадрилий докладывают командиру части о готовности экипажей и самолетов к полету. Штабом получена задача. Тут же она доводится до сведения всего личного состава.

Штурманы решают задачу на встречу с кораблями противника, уточняют данные по связи. Командир принимает решение и разбирает с летным составом варианты атаки.

— Важно,— говорит он,— добиться внезапности и скрытности удара. Воздушным стрелкам вести неустанное наблюдение за воздухом, действуя по принципу защиты соседа. По данным разведчиков, над караваном противника барражируют истребители.

Потом говорит штурман части гвардии майор Телегин:

— Группу поведу я сам, но это не значит, что со штурманов снимается ответственность за выполнение полета в навигационном отношении. Каждый штурман обязан вести в полете прокладку фактического пути и быть готовым в любой момент к выполнению полета самостоятельно.

Поиск цели вести способом «коробочки». Выход на аэродром посадки обеспечивает приводная радиостанция. Запасные аэродромы даны по маршруту полета.

Наконец, все указания получены. Экипажам подана команда «по самолетам».

8 часов 20 минут. Двенадцать бомбардировщиков взлетели и взяли курс. Пристраиваются истребители прикрытия. Теперь вся наша группа идет к берегам Крыма,

на Феодосию. Ведет группу гвардии майор Дегтярев.

Крым пройден. Самолеты легли на боевой курс в море. Внимание штурманов приковано к карте и своим расчетам, которые они еще раз проверяют. Предстоит долгий полет в открытом море.

Наконец впереди по курсу показались едва заметные дымки, а затем черные точки, которые постепенно вырастали в силуэты плавсредств противника.

Распознали вскоре два транспорта водоизмещением по 1500, 2000 тонн, судно-ловушку или конвойный транспорт — мощный корабль ПВО и ПЛО, пять сторожевых катеров и четыре быстроходные десантные баржи.

Сейчас вся эта армада ощетинится огнем пушек, пулеметов и автоматов против нас. Раздается команда:

— Усилить наблюдение за воздухом!

Это значит, что в воздухе истребители врага. Так и есть. На высоте от 800 до 2000 метров барражируют десять «мессершмиттов», два «фокке-вульфа» и два «хейнкеля». Четырнадцать истребителей против наших восьми!

И все же нужно потопить во что бы то ни стало оба транспорта.

Летчики давно уже подготовили самолеты для атаки, руки гвардейцев лежат на гашетках пулеметов и бомбосбрасывателей.

Наступила долгожданная минута. Одна за другой следуют команды:

— Штурмовики, вперед! В атаку!

Первыми вступили в бой слева и справа звенья штурмовиков Тарасова и Гоголева. Огнем своих пулеметов они поливают прислугу кораблей. На концевом, замыкающем строй сторожевом корабле вспыхивает пожар. Не отстают от Тарасова и его ведомые. Им не страшна сплошная стена огня, вставшая на их пути. Искусно маневрируя по высоте и направлению, они ведут огонь по кораблям охранения левого фланга, прочесав всю колонну кораблей от концевого до переднего. От их огня и осколочных бомб загорелась большая десантная баржа.

Для бомбардировщиков обеспечен выход в атаку. Они, не теряя времени, уже обложили караван сзади, выходят в атаку с левого фланга. До боевого курса, снижаясь, маневрируют и ведут огонь из своих пулеметов по кораблям противника. Первым выходит в атаку

Ильин. Он выбрал самый большой транспорт, водоизмещением в 2000 тонн. От него не отстает Казаков. Их бомбы врезаются в огромное судно. Корма взлетает на воздух. Транспорт пылает и медленно тонет. Экипажам хорошо видно, как обезумевшие враги прыгают в воду в надежде найти спасение на других кораблях.

Вслед за Ильиным в атаку со своим звеном по второму транспорту пошел майор Дегтярев. Прямые попадания бомб поднимают в воздух и второй транспорт.

Фашистские истребители пытаются помешать атаке наших штурмовиков и бомбардировщиков, но их сковывают воздушным боем наши истребители прикрытия. Пока штурмовики и бомбардировщики топят корабли, в воздухе идет ожесточенный бой. Вот один «сто десятый» падает камнем в море, за ним еще один.

На правом фланге ведет бой экипаж гвардейца Казакова. Летчик, маневрируя, старается как можно быстрей подойти к звену Ильина, он оторвался во время атаки. Короткая прицельная очередь стрелка, и один «сто девятый» врезается в воду, а другой отворачивает, наткнувшись на огонь всех стрелков звена Ильина.

Группа собрана. Истребители противника, встретив мощный отпор, больше не преследуют нас. Мы вышли из боя и вместе с самолетами прикрытия взяли курс на свой аэродром.

Два транспорта водоизмещением в 3500 тонн потоплены да, кроме этого, еще несколько мелких плавединиц».

Я видел эти «плаведиництsы» — сейнеры, битком набитые гитлеровскими вояками. Один из них долго не тонул. Когда штурмовики легли на обратный путь, наш «як» добил его очередью из пушки.

«ТОТИЛА» В ПОРТ НЕ ПРИДЕТ

В истории кое-что повторяется. Погрузка на гигантские транспорты «Тея» и «Тотила» напоминала бегство белогвардейцев из Крыма в гражданскую войну. Как и тогда, сметенная могучими ударами Советской Армии на

последний клочок Причерноморья, вся нечисть — гитлеровские бургомистры и полицаи, факельщики из зондеркоманд, явные и тайные агенты гестапо, предатели всех мастей и рангов, бессовестные людишки, торговавшие Родиной оптом и в розницу, спешили уйти от неминуемого возмездия.

Немецкие автоматчики, оцепившие наспех сколоченный причал, с трудом сдерживали беснующуюся толпу, пытающуюся прорваться к спасительному трапу.

Размахивая пистолетами, прокладывали себе путь мрачные люди в черных мундирах с эсэсовскими молниями на черных мундирах. За ними специальные команды тащили ящики, чемоданы, окованные железом саквояжи: грузились секретные архивы гитлеровских учреждений в Одессе. Автоматчики услужливо расступались перед штатскими с багровыми от ярости лицами. Даже в эти минуты вавилонского столпотворения никого не обманывал такой маскарад: в «штатских» с первого взгляда угадывалась въевшаяся годами военная выправка.

Палубы транспортов были уже переполнены, когда ревущая толпа прорвала оцепление и ринулась к трапу. У сходней сразу же образовалась свалка. Летели в мутную воду кожаные чемоданы, воздух сотрясали крики и ругань, мелькали потные, обезображенные страхом лица, в ход пошли кулаки.

Поднять трап не было уже никакой возможности. На пирсе поспешно отдали швартовы, и, оставив на берегу беснующуюся и воющую толпу, «Тея» и «Тотила» взяли курс на Констанцу. Это было 10 мая 1944 года...

В те дни гитлеровцам трудно было укрыться от зорких глаз наших морских разведчиков 30-го авиаполка. Подполковник (ныне генерал-майор авиации запаса) Х. А. Рождественский и другие командиры воспитали замечательную плеяду асов воздушной разведки. Каждому, кто воевал тогда на Черном море, были известны имена Героев Советского Союза Владимира Василевского, Александра Карпова, Ивана Ковальчука, Владимира Скугаря, Василия Лобозова, Ивана Марченко. Конечно, они не могли допустить, чтобы такая крупная «дичь», как «Тотила» и «Тея», тайно проскользнула мимо их глаз...

На рассвете в штабе 13-го гвардейского минно-тор-

педного авиаполка раздался звонок: дежурный снял трубку.

— Говорит «Дельфин»...

— Слушаю.

— Два крупных транспорта с гитлеровцами час назад взяли курс на Румынию.

— Вас понял. Поднимаем самолеты!

Еще не успел на аэродроме затихнуть гул стремительно взмывших в небо машин, как зуммер полевого телефона снова тревожно загудел:

— Я «Дельфин», я «Дельфин»... Уточняю данные... К двум транспортам пристроились еще несколько самоходных барж. Набиты гитлеровцами так, что яблоку негде упасть...

— Самолеты уже в воздухе. Думаю, наши на месте не растеряются...

— Ну, ни пуха вам!

— К черту!...

Первой была обнаружена «Тотила». Она в эскорте нескольких десантных барж, старавшихся не отстать от нее, медленно ползла в туманном мареве по-весеннему ослепительно-синего моря.

— Второму и третьему прикрывать... Я атакую! — голос командира в наушниках звенел от боевого азарта.

Да, мы были уже не теми, что в 1941—1942 годах. Тогда пираты Рихтгофена чувствовали себя в воздухе хозяевами положения. Сегодня прекрасное черноморское небо было нашим. Безраздельно нашим!..

Первая бомба легла немного впереди по курсу «Тотилы». Но реактивные снаряды со штурмовиков испепеляющим огнем прошлись по ее палубе. Второй заход завершил дело: над морем поднялся огромный огненный султан взрыва, и через минуту-две, высоко задрав к небу корму, «Тотила» навсегда исчезла в волнах.

— Не отпускать баржи! — голос командира в шлемофонах летчиков звучал уже тревожно. Увлекшись атакой основной цели, он чуть было не упустил момент: баржи вот-вот были готовы «кинуться врассыпную» от корабля. Немцы надеялись: в суматохе боя кое-кому удастся уйти.

Но голос командира тверд и суров:

— Первому и второму атаковать корабли противника, уходящие к югу... Третьему преследовать и потопить

баржи, вырвавшиеся вперед. Остальным — прочесать весь район...

Еще час гремели над морем взрывы, яростно вскипала волна, разламывались гитлеровские корабли. И только потом наступила тишина. «Тея» и сопровождающие ее баржи пережили «Тотилу» только на два часа.

Все так же спокойно искрились на солнце голубоватые волны. Как будто здесь ничего не случилось. Как будто несколько тысяч фашистов только что не нашли себе могилу на дне Черного моря, которое вчера еще они пытались в шутку называть «внутренним озером рейха».

Вся авиация Черноморского флота, за исключением той, которая прикрывала базирование флота, была брошена на выполнение этой задачи — не выпускать гитлеровцев из Херсонеса.

2-я минно-торпедная дивизия, которой командовал Герой Советского Союза Н. А. Токарев, перебазировалась в Скадовск с задачей действовать на дальних морских коммуникациях, начиная от мыса Тарханкута и до Болгарии. В Крым была послана 11-я штурмовая дивизия под командованием полковника О. И. Манжосова. Эту дивизию усилили и другими полками, в частности, 6-м гвардейским полком Черноморской авиации, которым я командовал. 25-й полк 4-й дивизии базировался в районе Феодосии. Так расположилась авиация флота, предназначенная для борьбы на коммуникациях.

Воздушная обстановка в это время оставалась довольно сложной. На аэродроме Херсонеса было сосредоточено очень много истребительной авиации противника. Кроме того, немцы усиленно прикрывали свои конвои с воздуха. Поэтому воздушные бои в районе Херсонеса были еще ожесточеннее. Каждый летчик считал своим долгом как можно больше нанести ударов по транспортам и кораблям противника; не выпустить ни одного транспорта из Херсонеса и не допустить туда вражеские суда и самолеты.

Многие из нас участвовали в обороне Севастополя и поэтому горели желанием отомстить за поруганный город. Все рвались в бой.

В районе Херсонеса особенно сильной была группа истребительной авиации, поэтому мы старались как можно лучше прикрывать наши штурмовики, пикирующие бомбардировщики и торпедную авиацию от атак истребителей противника.

Наша разведывательная авиация день и ночь тщательно просматривала коммуникации на Севастополь, и как только появлялся в море конвой или транспорт, доносила в штаб авиации флота, и летчики немедленно вылетали на штурмовку кораблей.

Понимая всю безвыходность своего положения, гитлеровцы в отчаянии пошли даже на такой жалкий маскарад.

На Херсонесском мысу, где засели последние фашисты, женщин, как мы знали, не было. Но откуда появились тогда у наших ребят разговоры о «женских криках» на палубах и вообще откуда пошел этот слух, «проживший», кстати, всего несколько часов?

Фарс, который они разыграли перед нашими летчиками, не достоин звания солдата. Фарс, рассчитанный и отрежиссированный, как казалось немцам, безошибочно: они знали — советские летчики с женщинами не воюют. А дело было так.

После одного из боевых налетов я неожиданно услышал взволнованный спор летчиков:

— А ты точно рассмотрел?

— Говорю тебе, точно! Что я мерзавец — по женщинам стрелять!

— Как бы ошибки не вышло...

— Ошибки не было. Это абсолютно точно...

— В чем дело? — спросил я.

— Понимаете, товарищ командир, какое дело... Вышли в атаку на транспорт.

— И что же.

— Видим — на палубе... женщины.

— Откуда на Херсонесе женщины?

— Сами удивляемся. Но они нам махали платками, сцепились на палубе и...

— Вы не решились атаковать.

— Конечно.

— Странная история... Локинский,— позвал я начальника штаба,— срочно свяжитесь с разведотделом флота, выясните — что бы это могло означать...

— Есть.

Локинский прибежал через двадцать минут:

— Все это «липа», товарищ командир! Никаких женщин на транспорте нет. Это гитлеровцы переоделись в женское платье. Чтобы нас провести... На транспорте — офицеры с награбленным барахлом.

— А, черт! — я не дослушал.— Срочно связывайтесь с соседями. Вызывайте штурмовики...

Через час все было кончено. Транспорт не успел далеко уйти. После третьего захода на месте, где он только что находился, плавали доски, бочки, пустые чемоданы из-под реквизита этого жалкого фашистского маскарада.

В ночь на 12 мая немецкое командование пыталось эвакуировать остатки своих войск с мыса Херсонес. Оно намечало под прикрытием арьергардов начать отход с занимаемого рубежа 12 мая в 4 часа. Но в 3 часа ночи наши войска перешли в наступление, прорвали оборонительные позиции противника и в 12 часов дня завершили разгром вражеской группировки в Крыму.

Подошедший с запада для спасения немецких войск караван судов атаками авиации во взаимодействии с артиллерией не был допущен к берегу.

Последняя эвакуация вражеских войск с полуострова была сорвана.

Этого было мало — сбросить фашистов в море. Каждый из нас помнил приказ командования: «Преследовать раненого фашистского зверя по пятам и добить его...»

Такое означало: ни один транспорт с бежавшими морем гитлеровцами не должен был уйти. Ведь те, кто спасается, завтра появятся на других фронтах.

Этим жил каждый летчик. И как-то «разделить» нашу работу было почти невозможно: все рода авиации действовали одновременно, в теснейшем контакте. Наши «яки» прикрывали штурмовики и бомбардировщики. Но и сами истребители то и дело, в зависимости от обстановки, становились штурмовиками.

Зло и отчаянно работали летчики. Сводки едва поспевали за событиями:

«...авиацией и кораблями Черноморского флота с 8 апреля по 19 мая потоплено с войсками и военными грузами противника: транспортов — 69, быстроходных

десантных барж — 56, сторожевых кораблей —2, канонерских лодок — 2, тральщиков — 3, сторожевых катеров — 27 и других судов — 32. Всего потоплено за это время 191 судно».

Моторист Григорий Вязов любил Маяковского. С аэродрома на аэродром кочевал в его вещевом мешке потрепанный томик стихов поэта.

Читал Григорий стихи всегда не вслух. А тут после ужина вдруг разошелся:

— Послушайте, ребята, Маяковского. Вот дает! Прямо о сегодняшнем дне!

— Давай!

Григорий начал с пафосом:

...Бегут
по Севастополю
к дымящим пароходам.
За день
подметок стопали,
как за год похода.
На рейде
транспорты
и транспорточки,
драки,
крики,
ругня,
мотня —
бегут
добровольцы,
задрав порточки,—
чистая публика
и солдатня.
Наши наседали,
крыли по трапам,
кашей
грузился
последний эшелон...

Дружный хохот перебил читавшего.

— А действительно, словно сегодня написано!

— Только фашистам сейчас не до роялей и канареек. Головы бы унести!

— Да и кадетов нет.

— Ничего, всякие там полицаи и бургомистры сойдут за кадетов!

— В стенгазету это надо!..

— Гриша, читай дальше!

Вязов, довольный успехом, деланно хмурился:
— Сами же перебиваете, а говорите — «читай»!
— Не ходи на виражах! Продолжай!
— Хорошо.

...идут от Джанкоя,
сыпятся
с Симферополя,
перебивая
пуль разговор,
знаменами
бой
овевая,
с красными
вместе
спускается с гор
песня
боевая.
Не гнулась,
когда
пулеметом крошило,
вставала,
бесстрашная,
в дожде-свинце:
«И с нами
Ворошилов,
первый красный офицер».
Слушают
пушки,
морские ведьмы.
У-
ле-
петывая
во винты во все.
Как сыпется
с гор
— «готовы умереть мы
за Эс Эс Эс Эр!»

Летчики аплодировали, кричали, смеялись.

— Повторяется история-то, Михаил Васильевич,— подошел ко мне Гриб.

— А как же иначе!

— Недоучли гитлеровцы опыт прошлого.

— В школе их плохо учили.

— Не знаю... Другому их учили: убивать, жечь, грабить.

В дни героической борьбы за освобождение Крыма, Севастополя от утренней и до вечерней зари воздух был

наполнен грозным рокотом моторов. Одни экипажи наших бомбардировщиков уходили, другие возвращались с боевого задания.

Враг прилагал все усилия, чтобы удрать из Крыма. Из севастопольских бухт ежедневно выходили фашистские транспорты и баржи, нагруженные солдатами, офицерами и техникой. Но бдительно несли свою вахту черноморские летчики.

В боях за полное освобождение Крыма, за выполнение приказа командования — топить каждый корабль, каждый транспорт врага, наши гвардейцы проявили беспримерное геройство, показали свое возросшее летное искусство.

Офицеры Ильин, Проявченко, Мейев, Либерман, Тарасов и Гоголев десятки раз водили своих подчиненных на бомбовые удары.

Группа самолетов под командованием Героя Советского Союза Ильина застигла в море вражеский караван, вышедший ночью из Севастополя. Еще на подходе к цели наши самолеты были встречены сильным заградительным зенитным огнем. Ильин мастерским маневром прорвался к транспорту противника водоизмещением в 2500 тонн и сбросил бомбы. Транспорт от прямого попадания бомб загорелся и затонул.

Большой урон нанесли врагу наши летчики в день освобождения Севастополя. Транспорт водоизмещением в 3000 тонн, переполненный фашистами, был настигнут в 18 милях от города. Первым обстреляли врага из пушек летчики Фыряев, Соболев и Заруднев. Экипажи хорошо видели, как заметались на палубе немцы, в панике бросаясь в воду. Бомбы, сброшенные офицерами Либерманом, Степановым, Казаковым и Тарасовым, накрыли цель. Фашистское судно накренилось и затонуло.

Вернувшиеся из этой операции летчики узнали о появлении второго каравана противника. В пункте, указанном разведкой, враг не был найден, но гвардейцы проявили настойчивость и обнаружили караван. Первый удар, нанесенный по транспорту офицером Тарасовым, был настолько точен, что корабль раскололся пополам. С быстроходной десантной баржей противника разделался другой летчик.

Отлично воевали ветераны части. Не отставали от них и молодые офицеры Фыряев, Степанов, Заруднев, Собо-

лев, Галушко. Прекрасно работали штурманы-гвардейцы, особенно Телегов, Лисин, Неверов, Кубраков, Шпак, Тесенчук, Ерастов. Отважно и умело действовали стрелки Воронин, Рыбин, Старцев, Леонтьев, Карнаух, Гречаник, сбившие каждый по одному немецкому самолету.

За шестнадцать летных дней мы пустили на дно Черного моря 10 вражеских транспортов общим водоизмещением 18 500 тонн, шесть быстроходных десантных, две сухогрузные баржи, сейнер, повредили четыре транспорта общим водоизмещением в 12 000 тонн, четыре сторожевых катера, три быстроходных десантных баржи и судно-ловушку.

Во всех этих операциях действовали «яки» нашего авиаполка. Они прикрывали атаки штурмовиков и бомбардировщиков.

Мужество и мастерство личного состава части высоко оценено командованием. Мы получили за эти дни несколько благодарностей за самоотверженную работу. Командующий Черноморским флотом адмирал Октябрьский в своей телеграмме командирам авиационных частей отметил успешную боевую работу 13-го полка, который мы надежно прикрывали в воздухе:

«Ставлю в пример всем летчикам-черноморцам героические действия летчиков-бомбардировщиков 13-го Краснознаменного Гвардейского авиационного полка...

Благодарю отважных соколов за смелость и решительность в боях за освобождение Севастополя».

Решить успешно задачу надежного авиационного обеспечения наших сухопутных войск при разгроме фашистских войск, оборонявшихся на мощных, заранее подготовленных рубежах и защищавших эти рубежи с особым упорством, можно было только после всесторонней и тщательной подготовки.

Нужно было перебазировать авиацию на ближайшие к Севастополю аэродромы, подвезти боеприпасы, горючее, разведать оборонительную систему врага и группировку его войск, измотать противника, организовать боевые действия авиации.

К началу штурма Севастопольского укрепленного района в составе немецко-фашистских войск ВВС в районе Севастополя было около 100 самолетов, которые базировались на трех аэродромах — мыс Херсонес,

Севастополь южный и поселок Шестая верста. Кроме того, для удара по нашим войскам в Крыму немецкое командование могло использовать авиацию, базирующуюся на территории Румынии.

В составе советских ВВС к этому времени, учитывая опыт войны, были проведены некоторые организационные мероприятия. К 27 апреля все части и соединения 4-й воздушной армии были переданы в состав 8-й воздушной армии, а командование и штаб 4-й воздушной армии убыли в распоряжение командующего 2-м Белорусским фронтом.

Наша авиация к началу штурма Севастопольского укрепленного района имела многократное превосходство над немецкой авиацией.

Незначительное удаление аэродромов базирования от Севастополя позволяло эффективно использовать боевые возможности авиации. На 5 и 6 мая командующим войсками 4-го Украинского фронта генералом армии Ф. И. Толбухиным перед 8-й воздушной армией была поставлена задача: всеми силами поддерживать войска 2-й Гвардейской армии при нанесении ею удара в направлении Мекензиевы горы, восточный берег Северной бухты. Бомбардировочными и штурмовыми действиями уничтожать артиллерию, минометы и живую силу противника. Прикрывать от ударов его авиации боевые порядки войск и уничтожать самолеты на земле и в воздухе. Не допустить подхода резервов к полю боя. Уничтожать корабли и транспорты в бухте и на подходах к ним.

7 мая и в последующие дни штурма основные усилия 8-й воздушной армии должны быть направлены на поддержку наступления войск Приморской и 51-й армий.

Кроме того, авиация прикрывала войска на поле боя и вела воздушную разведку. Вражеская авиация в этот период небольшими группами бомбардировщиков под прикрытием истребителей стремилась нанести удары по боевым порядкам наших войск, прикрывала свои войска на поле боя, барражировала над бухтами и аэродромами, вела воздушную разведку.

Наши истребители провели за этот период 144 воздушных боя, в которых сбили 54 самолета противника, 65 вражеских самолетов уничтожено на аэродромах.

Мы старались сделать так, чтобы ни один подвиг не остался безвестным, чтобы о нем узнали не только на фронте, но и в тылу.

Летчик-штурмовик комсомолец Бабкин отличился в боях за Крым. Комсомольская организация части Героя Советского Союза Челнокова отправила на родину Бабкина, его матери, письмо:

«Мы, комсомольцы-гвардейцы, шлем Вам, матери замечательного летчика-штурмовика Петра Бабкина, горячий сердечный привет.

Ваш сын Петр в боях за освобождение родной земли от немецко-фашистских захватчиков проявляет образцы мужества и храбрости.

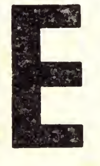
За отличное выполнение боевых заданий Командования Ваш сын награжден орденом Красного Знамени и орденом Отечественной войны первой степени.

Благодарим Вас, Евдокия Максимовна, за воспитание такого замечательного патриота Родины, как Ваш сын Петр».

Сколько таких писем довелось написать и мне как командиру полка!

ВОЗМЕЗДИЕ

Есть такая поговорка: «Нет худа без добра»...

В последний день боев за мыс Херсонес наша авиация штурмовала наземные войска противника и топила в море его корабли и транспортные средства, на которых пытались спастись гитлеровцы. Тогда зенитным огнем противника был подбит самолет Героя Советского Союза командира эскадрильи Георгия Москаленко, который сумел приземлиться на нейтральной полосе. Больше мы о нем ничего не знали.

Весь полк очень любил Жору Москаленко, и, естественно, ребята не на шутку растревожились. Поэтому на следующий день, как только стало известно о завершении разгрома вражеской группировки в Крыму, я сел в самолет По-2 и полетел на херсонесский аэродром, так

хорошо знакомый по незабываемым дням обороны Севастополя.

То, что я увидел еще с воздуха, буквально потрясло мое воображение. Такое никогда не изгладится в памяти!

С высоты птичьего полета Херсонес походил на гигантское кладбище фашистской техники, словно перемолотой в каких-то чудовищных жерновах огромной мельницы. Казалось, со всех полей великой войны свалили сюда искореженные танки и орудия, разбитые автомашины, трупы солдат и офицеров в мундирах мышиного цвета.

Пытаюсь зайти на посадку, но аэродром так завален поверженной вражеской техникой, что невозможно приземлить даже тихоходный По-2. Пролетаю на бреющем полете, сигналю нашим солдатам. Они меня поняли, расчистили небольшую полосу, и я сел с выключенным для безопасности мотором.

Подбежали наши солдаты и офицеры. Спрашиваю: видели ли они вчера самолет, приземлившийся на нейтральной полосе, и где летчик? Отвечают, что гитлеровцы пытались его добить на земле, но он дополз до воронки и скрывался там до темноты. Затем наши санитары подобрали его, отправили в армейский госпиталь.

Успокоившись за судьбу товарища, вылезаю из кабины, осматриваюсь. Да, такого мне еще не приходилось видеть!

Бой только что отгремел, с обрывов еще доносились очереди: автоматчики выкуривали последних гитлеровцев из прибрежных гротов, кое-где издалека долетали глухие одиночные хлопки. Мне объяснили: гестаповцы и предатели, все, у кого руки были по локоть в крови советских людей, кончали жизни самоубийством; знали — плен им ничего хорошего не сулит.

Чад и дым сплошной пеленой висел над Херсонесом. С треском пылали деревянные борта грузовиков, догорали остовы самолетов и танков.

И везде — трупы, трупы... Солдат и офицеров. С крестами и знаками отличия. Со свастиками нагрудными и нарукавными.

Стрелкового оружия валялось на земле столько, что им, наверное, можно было вооружить не одну армию.

Понуро под охраной автоматчиков тянулись бесконечные колонны пленных. Обросшие, грязные, в прож-

женных кителях и шинелях, оглушенные только что закончившимся адом, потерявшие веру во все и вся, понуро брели они, спотыкаясь о трупы своих же бывших однополчан.

Для пленных война уже кончилась. Но я готов поручиться: всю жизнь будут приходить к ним по ночам страшные видения Херсонеса. Херсонеса 1944 года.

— Сколько их? — спросил я моряков, державших под дулами автоматов вылезающих из-под обрыва гитлеровцев.

— Точной цифры еще нет. Но за двадцать пять тысяч уже перевалило.

— А это кто? — обратил я внимание на группу пленных, которых конвоировали отдельно.

— Командир третьей пехотной дивизии, генерал-лейтенант, командир пятого армейского корпуса, генерал-лейтенант... Мне долго перечисляли чины и звания.— Переоделись в шинели рядовых. Но свои тут же выдали...

— А какой им был смысл переодеваться?..

— Дураки,— с категорической безапелляционностью отрезал моряк.— Геббельс им головы затуманил. Думали: раз генерал, сразу поставим к стенке. Мы с пленными не воюем, хотя...— глаза у моряка потемнели.— Вы уже были в Севастополе?

— Еще нет. Завтра буду.

— Тогда сами все увидите. И злость у ребят страшная. Вы только посмотрите, что они с нашим Севастополем сделали!..

Я подошел к обрыву, спустился к воде. Всюду — сколоченные из досок лестницы. Измазанные кровью, разбитые. Это был последний путь гитлеровцев к транспортам. Последняя надежда, которой так и не дано было осуществиться: я уже рассказывал о судьбе некоторых судов, пытавшихся уйти из Херсонеса. Да вот и сейчас багровое пламя дрожит над бухтами Омега, Камышовая, Казачья: горят транспорты, суда, самоходные баржи. Херсонес стал для них последним причалом.

Невозможно описать, что собой являла в тот день прибрежная полоса полуострова. Даже на воде — трупы.

Нет ни единого клочка земли, который не был бы завален останками «непобедимых солдат гитлеровского рейха».

Вот оно — возмездие. За поруганный Севастополь. За руины тысяч городов и сел. За виселицы в Ялте. За Бекровский ров в Керчи, где пулеметами уложили не одну тысячу мирных жителей. За разрушенную Феодосию. За муки наших матерей, жен, сестер.

Нет, я слишком многое видел за последние годы, чтобы жалеть тех, кто лежал тогда на мысе Херсонес.

Окаменело сердце. И кроме жажды мщения, мщения и еще раз мщения, пожалуй, там ничего тогда не оставалось...

«Это вам за все, за все!» — думал тогда каждый.

За 27 306 расстрелянных, повешенных, сожженных гитлеровскими палачами военнопленных и граждан города.

За разграбленный и загаженный Владимирский собор, где фашисты надругались над прахом Нахимова и Истомина, Лазарева и Корнилова.

За изуверство, с которым фашисты разбили могилу Шмидта и его соратников, а останки героев разбросали по кладбищу...

Иду до боли знакомыми местами. Словно оставил их только вчера.

Останавливаюсь у огромной воронки. Да, она сохранилась. Только наполнилась водой. Здесь оборвалась жизнь нашего комиссара Михайлова.

Холмики — все, что осталось от капониров, где мы когда-то прятали свои «яки».

Та же, покрытая железным панцирем из осколков, земля. Вспомнилось, как взлетели мы тогда и из-под колес стартующих истребителей с визгом разлетались эти осколки.

Развороченные груды бетона и стали на месте знаменитой тридцать пятой береговой батареи. Сколько хлопот доставила она гитлеровцам тогда, при штурме Севастополя!

Сохранились даже землянки техсостава. Саманного домика, который когда-то занимала соседняя эска-

дрилья — «кудымовцы», в Казачьей бухте уже не существовало: груда пепла, обожженные доски.

Вот по этому обрыву любил расхаживать наш комиссар — «батько Ныч», поучая молодых летчиков: «Маяк оставляйте левее... Справа — камни...».

Вот здесь, по заросшей бурьяном балке мы бродили с нашим командующим, генералом Остряковым, обсуждая боевые задания.

Какой-то физически ощутимой болью сжало сердце: скольких боевых друзей уже нет! И их не воскресить, не поднять из земли и со дна моря. Не показать эту потрясающую картину возмездия...

Да, 30 июня 1942 года последний наш самолет покинул Херсонес. В Севастополь вошли немцы. Два года прошло — вот я снова стою на этой земле, где пролито так много крови моих товарищей.

Да, все это было здесь, на этой земле.

Ты достоин бессмертной славы, мыс Херсонес.

И мне не было жалко тех, кто шел в колоннах пленных. Я думал тогда о возмездии.

Уже после войны ко мне попал дневник немецкого солдата, которому чудом удалось эвакуироваться из Херсонеса, но все же сложившего голову под Кенигсбергом.

«...Многое я перевидел за войну, но такого ада, как при нашем бегстве из Севастополя, а затем из Херсонеса, нигде не было.

Трудно нормальной человеческой психике все это представить. Обычные понятия: артобстрел, бомбежка, бой, испытания здесь не годятся. Мы испытали не артобстрел, а сокрушающую все на своем пути стальную лавину. Русские самолеты превращали в месиво все, что собралось на полуострове. В воду летели танки, машины, орудия. Летели они и в воздух.

По морю плыли сотни трупов моих товарищей, еще так недавно чувствовавших себя в безопасности на «Русской Ривьере», как мы называли Крым».

Да, они мечтали прочно обосноваться на «Русской Ривьере». Газеты рейха соревновались в изобретательности, описывая «Новую жемчужину империи», «Надежный авианосец», «Ворота Кавказа», «Ключи к Баку», «Нож,

приставленный к сердцу Каспия», «Преддверие Ближнего Востока», «Путь в Индию»...

Теперь им оставалось предаваться только горестным воспоминаниям. Все было потеряно — и «нож», и «ворота», и «ключ», и «путь».

Леонид Соболев вступил в Севастополь вместе с нами. И написал обо всем увиденном сразу.

Но разве только гордостью победы проникнуты его строки. Гордость эта неотделима от горечи: «В благородном молчании доблестной воинской смерти лежал передо мной великий город Черноморского флота, уничтоженный немцами, но не сдавшийся. Я смотрел на его руины и думал о том, что дивная слава Севастополя будет вечно жить в сердцах людей.

Город на скалах — он сам стоял в двух оборонах, как скала. Город у моря — он сам несет в себе душу моря, бессмертную, гордую и отважную. Город южного солнца — он сам сияет в веках ослепительным блеском военной доблести.

И вот что осталось нынче от него: скалы, море да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груды камней».

Итак, с гитлеровской группировкой в Крыму было покончено.

Наш вклад, летчиков, в эту победу был и весомым, и зримым. Несмотря на то, что советская авиация в операции по освобождению Крыма имела решительное превосходство над авиацией противника, в ходе боев, вплоть до освобождения Севастополя, ей пришлось вести напряженную борьбу за господство в воздухе. Иначе нельзя было рассчитывать на эффективную поддержку наступающих войск.

О напряженности битвы за господство в воздухе лучше всего свидетельствуют данные о потерях вражеской авиации: в период операции противник потерял 582 самолета.

Только в период подготовки и штурма Севастопольского укрепленного района авиацией 8-й воздушной армии было уничтожено в воздушных боях 133 и на аэро-

дромах 137 самолетов противника. Это были весьма ощутимые ударь.

Немцы вынуждены были каждую неделю пополнять парк своей авиации. Особенно активно наша авиация действовала по аэродромам Херсонес и Шестая верста. Большими группами здесь наносились удары десятки раз. Были выведены из строя почти все самолеты, находившиеся на этих аэродромах.

Немецкие летчики на Херсонесе не знали покоя ни днем, ни ночью, быстро теряли боеспособность. Фашистское командование вынуждено было менять экипажи на мысе Херсонес каждые 5—7 дней.

Особенно ожесточенной борьба с авиацией противника началась с 15 апреля, после выхода наших войск к Севастопольскому укрепленному району. Немецкие летчики дрались упорно, с отчаянием обреченных. Несмотря на наше численное превосходство, были случаи, когда им удавалось даже сбивать наши штурмовики Ил-2. Этому нужно было положить конец. В каждом полку авиационного корпуса были выделены по 2—3 пары лучших истребителей-охотников, которые наводили ужас на немецких летчиков. Наши самолеты-истребители непрерывно барражировали в районе аэродрома Херсонес и на выявленных маршрутах полета немцев — над долиной реки Бельбек. Нередко «яки» уничтожали фашистские самолеты на взлете и при посадке.

Часто мы ставили немецких летчиков в такое положение, что, не имея возможности произвести посадку на Херсонесе (он был блокирован нашими истребителями), они уходили на аэродромы Румынии. Но, не долетев до нее, находили конец на дне моря.

8-я воздушная армия за период с 19 апреля по 12 мая совершила более 19 тысяч самолето-вылетов. За время штурма Севастопольского укрепленного района она сбросила на врага 2250 тонн авиабомб, 29 000 противотанковых бомб, выпустила по врагу 5292 реактивных снаряда, 263 000 пушечных снарядов.

При штурме Севастопольского укрепленного района авиация применялась с исключительным успехом. Действия ВВС характеризовались высокой активностью и четким взаимодействием с наступающими войсками.

Родина высоко оценила заслуги летчиков. Почетное наименование Севастопольских получили многие авиационные полки. Им также был удостоен и 6-й гвардейский истребительный полк, который во время боев за освобождение Севастополя произвел более 400 вылетов на сопровождение штурмовиков. В воздушных боях, а их было более двадцати, мы сбили 19 фашистских машин.

Почти все летчики полка были награждены орденами и медалями.

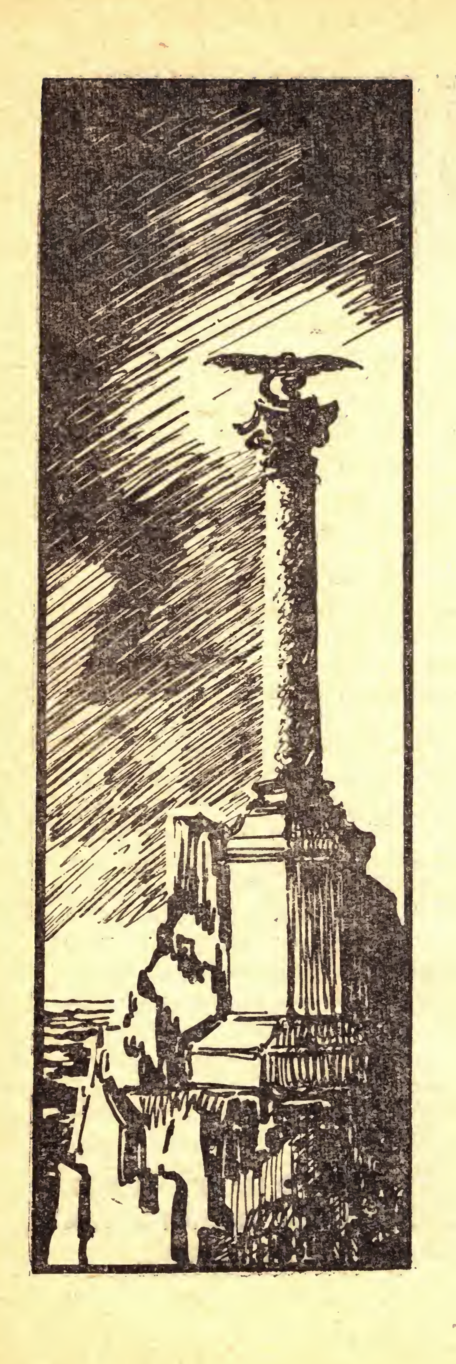
Но не о наградах я думал, стоя над обрывом Херсонеса.

Торжествовала великая правда нашего дела. Торжествовала правда Победы. Пусть жестокая. Но разве мы вызывали эту жестокость? Разве мы жгли чужие села, вешали, истязали мирных жителей?!

Пришедший к нам с мечом — от меча и погибнет!

И СЧАСТЬЕ И БОЛЬ

ВАРВАРЫ XX ВЕКА ● НАУКА НЕНАВИСТИ ● ПО ЗАКОНАМ ЛЕТНОГО БРАТСТВА ● ДО СВИДАНИЯ, ТАВРИЯ!

ВАРВАРЫ XX ВЕКА

Сердце колотилось от радости, когда из всех армейских репродукторов разносилось такое долгожданное сообщение:

«Войска 4-го Украинского фронта при поддержке массированных ударов авиации и артиллерии, в результате трехдневных наступательных боев прорвали сильно укрепленную оборону немцев, состоящую из трех полос железобетонных оборонительных сооружений, и несколько часов тому назад штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Черном море — городом Севастополь».

Свершилось!

В Севастополь мне удалось попасть только через день: заботы в полку отнимали почти все время.

И сразу — как удар ножа — воспоминания о тех минутах, когда мы покидали город.

Помню строки из своих записок:

«Да, теперь можно об этом сказать: нас душила ярость. Слова утешения о том, что мы выполнили свой долг, что Севастополь перемалывал лучшие фашистские дивизии, что он выполнил свою задачу, признаюсь, плохо доходили до нас.

Мы видели корчащуюся в огне Графскую пристань, развалины его когда-то словно сотканных из легенд и героики проспектов, иссеченную осколками бронзу памятников, развороченные, вздыбленные, несдавшиеся бастионы.

Я не мог спокойно слушать переворачивающую душу песню, где рассказывается о том, как «последний матрос Севастополь покинул...». Мне виделись могилы друзей на Херсонесе и люди в окровавленных тельняшках, поднимающиеся в последнюю атаку.

Не верится, что я снова в Севастополе. Собственно говоря, Севастополя нет. Есть место, на котором стоял город. От горизонта до горизонта горы и холмы дымящихся руин.

В только что начавшем свою работу горсовете мне рассказали:

— Все нужно начинать от нуля. Из шести тысяч главных строений сохранилось менее двухсот. И те наполовину разрушены.

Горят баржи в Южной бухте. Инкерман — сплошное пепелище. Как скелет доисторического чудовища, поднимается из воды башня взорванного крана. На месте Дома офицеров — руины. Морской библиотеки больше не существует.

Над фронтоном Графской пристани прибита матросская бескозырка.

— Чья? — спрашиваю моряков из отряда Цезаря Кункова.

— Понимаете, позавчера со штурмовой группой ворвались сюда, флага с нами не было. Вот Петя Гублев и решил: а разве бескозырка — не флаг?! И прибили...

Вроде бы мелочь? Нет — память о подвиге!

К колоннам приставлена лесенка. По ней взбирается матрос.

Минута — и над Графской пристанью реет на свежем ветру флаг с синей полоской, серпом и молотом.

Тогда в Севастополе я встретился с военным корреспондентом, ныне известным писателем Петром Сажиным.

Петр очень точно записал в дневнике то, что мы тогда вместе наблюдали:

«...Около дома, в котором обосновался председатель Севастопольского горисполкома, бывший матрос Василий Ефремов, толпились женщины с Корабелки, с Петровой горки, с Чапаевки.

Председатель и его сотрудники сидели на вещевых мешках — никакого имущества не сохранилось и ничего нельзя было добыть поблизости. Севастопольские женщины — мичманские и матросские жены, приученные, как и их мужья, к флотскому порядку, после краткого разговора с председателем погоревали, поохали, а некоторые даже «слезой умылись», вспомнив погибших, заявили:

— Ничего, Василий Петрович! Не горюй! Во время обороны, под бомбежками слабину не выбирали, а теперь и подавно. Вон немец пускай на Херсонесе икру мечет...

Примерно через два-три часа женщины вернулись к горисполкому. Вышедший навстречу Ефремов прослезился: у дверей дома — столы, стулья, бак для воды, кое-

Руины Севастополя. 1944 год

4 Зак. 1992

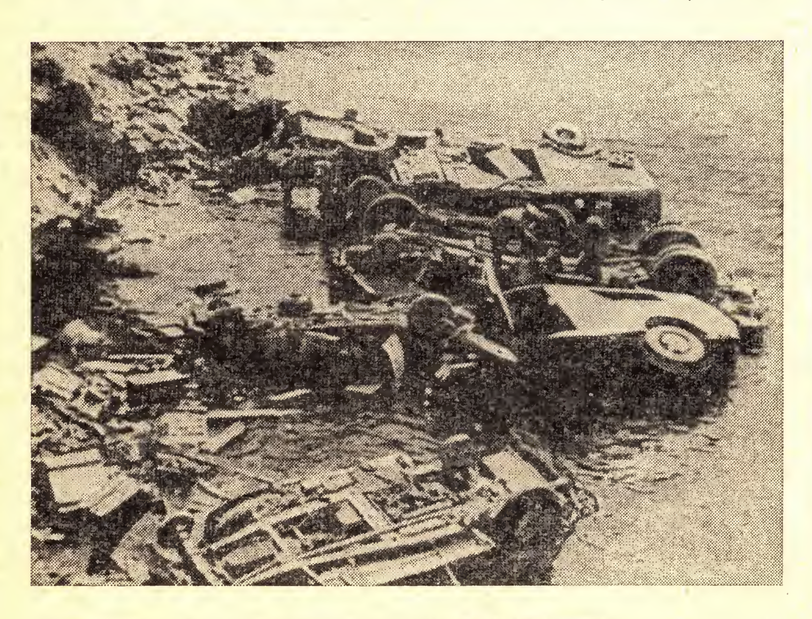
какая посудка, подушки, одеяла, а в руках у некоторых женщин даже судки с горячей пищей!

Объезжая город, я побывал на Корабельной стороне, на Зеленой и Петровой горках, на Лабораторном шоссе, и всюду на жарком южном солнце разыгравшегося дня сушилось солдатское белье, а возле чанов с горячей водой солдаты, голые до пояса, с коричневыми от загара шеями, с наслаждением терли мочалками друг другу беломраморные торсы. А их белье тут же стиралось «мамашами». И мне невольно вспомнилось, как во время обороны Севастополя тысячи добрых и неустающих женских рук обстирывали гарнизон, ремонтировали обмундирование, шили белье, штопали носки, делали минометы, мины, гранаты и еще бог знает сколько разных вещей!..»

10 мая. Утро. На руинах — обращение Севастопольского городского Совета депутатов трудящихся:

«Жители Севастополя!

Доблестная Красная Армия и Военно-Морской Флот освободили столицу черноморских моряков — овеянный славой Севастополь. Над городом снова реет Красное

Возмездие — оно ожидало фашистов на каждом шагу

знамя Советов. Трудящиеся города сердечно благодарят войска, освободившие Севастополь.

Товарищи! Соблюдайте строгий военный порядок и дисциплину. Вылавливайте шпионов и провокаторов и отдавайте их органам власти!

Дружно за работу! Самоотверженным трудом поможем быстрее восстановить промышленные и коммунальные предприятия города, жилые дома и культурно-просветительные учреждения.

Да здравствует советский Севастополь!

Слава Красной Армии!

Слава Военно-Морскому Флоту!

Да здравствует Всесоюзная Коммунистическая партия (большевиков)!».

Неведомо какими путями в разрушенном до основания городе находят горком партии и горсовет письма, лавиной хлынувшие в город со всех концов страны.

И во всех один вопрос: «Как побыстрее приехать в Севастополь?»

Из Сибири: «Дорогие севастопольцы! Я пишу вам в тот момент, когда радио принесло известие о взятии на-

Летчики Н. Спиров и Н. Силин у сбитого «юнкерса»

шими войсками Бельбека, Качи, Любимовки, а вечером мы услышали об освобождении Ялты. Пока мое письмо дойдет до Крыма, город-герой будет уже советским. Мое сердце с вами, товарищи, оно рвется в родной город».

Из Казахстана: «Прошу дать мне возможность быстрее вернуться в любимый Севастополь. Я знаю, что фашистские варвары сделали с ним. Я знаю, много трудностей будет впереди, но я хочу быть в числе людей, на долю которых выпало большое счастье восстанавливать город-герой...»

Тысячи писем, со всех концов страны...

Иду по мертвому городу. Поднимаюсь к Историческому бульвару. Пожалуй, зря я сюда шел — только сердце растравилось. Как я любил Севастопольскую панораму. Сколько раз бывал здесь.

А сейчас... Сейчас — черный, обугленный скелет здания.

Захожу внутрь. Все стены — в надписях: «Здесь были два друга — верные сыны России. Лев и Валерий».

«Здесь наверху я в последний раз махнула платочком Жоржу, когда уходил поезд. Прощай, Жорик, что ждет тебя в Германии? 1943 г. Нина П.».

«За что они убили мою Лидочку, за что? Клавдия С.».

«Смерть фрицам за то, что надругались над военнопленными и сожгли их в барже 4.4.44».

«Здесь были защитники Родины. Нюра, Лида, Фрося».

Впрочем, надписи везде — на стенах руин, в казематах, на набережной:

«Мы жили здесь с 30.VII.43 года, а раньше на Ленина, 100. Нам было очень тяжело и грустно. 4.V.44 отправлены в рабство: Гостищева Люба, Гостищева Феодосия, Юнусов Алик, Федосеева. Прощайте, друзья, наше сердце в слезах. Помните нас!»

«Дорогая Родина, не забывай нас, мы не забудем тебя. Крогулецкая»...

Надписи — первый рассказ о том, как жил, сражался, в оккупации непобежденный Севастополь.

И враг с лихвой заплатил за все страдания, муки и жертвы наши:

«За всю крымскую кампанию с 8 апреля по 12 мая,— говорилось в сообщении Советского информбюро,— противник потерял по главным видам боевой техники и

людского состава: пленными и убитыми 111 587 человек, танков и самоходных орудий — 299, самолетов — 578, орудий разных калибров — 3079, автомашин — 8086...».

Такова была севастопольская «арифметика».

Позднее я видел, как в бухту входили боевые корабли флота.

Кто в эти минуты не вспоминал слов щемящей душу песни «Заветный камень»?

Взойдет на утес
Черноморский матрос,
Кто Родине новую славу принес.
И в мирной дали пойдут корабли
Под солнцем
Родимой земли.

«Мирная даль» тогда еще только брезжила. Но флот входил в Севастополь. В наш свободный, родной Севастополь.

НАУКА НЕНАВИСТИ

Страшными были заключения всех, кто это видел: и членов Комиссии по расследованию фашистских зверств, и журналистов, и просто тех, кому даны слух и зрение. Фашистские мерзавцы предали огню и разрушению все исторические памятники города и русской славы, его многочисленные архитектурные реликвии. В развалинах лежали все предприятия, в том числе Морской завод, сооружения порта, культурные и бытовые учреждения. Военно-исторический музей первой обороны Севастополя, знаменитый институт физических методов лечения имени Сеченова, биологическая станция Академии наук СССР, Морская обсерватория, Дом флота, Морская библиотека, Херсонесский историко-археологический музей, картинная галерея, Владимирский собор, драматический театр, кинотеатры, техникумы, школы, гостиницы, детские сады и ясли — все было разрушено, разграблено, загажено.

Взорваны Графская, Минная, Корабельная, Северная, Инженерная, Телефонная и другие пристани. Подорва-

ны туннели — плод долголетнего и титанического труда русских людей.

Искромсанный в куски, лежал в глубоком ущелье Камышловский железнодорожный виадук, один из самых высоких в стране.

Горестно вздыхали железнодорожники: у них на станции все взорвано и порушено. В двух местах — с высокого крутого берега Северной бухты и за Инкерманом — гитлеровцы сбросили под гору тысячи вагонов и цистерн, а обломки их подожгли. Ни одного паровоза. Завалены все туннели?

Разрушено было 97 процентов всего городского хозяйства.

На улицах освобожденного города нужно было проложить тропки и дорожки, очистить проходы и проезды на главных магистралях, на спусках к причалам и пирсам. И всюду еще таилась смерть: гитлеровцы начинили город и его бухты десятками тысяч мин.

Но не только разрушения, руины и пепел оставили горестные раны в человеческих душах. Здесь я должен перенести время повествования почти на тридцать лет вперед, в 1972 год, когда Выездная сессия Военного трибунала Краснознаменного Киевского военного округа рассматривала уголовное дело карателей из добровольческого батальона СД.

На имя председателя суда полковника юстиции А. Е. Бушуева, государственного обвинителя полковника юстиции П. И. Модленко, членов трибунала, в редакции газет ежедневно поступают письма от граждан не только Крыма, но и других областей и республик. В них — гнев, негодование, проклятие палачам, виновникам гибели тысяч советских людей. Эти письма являются дополнением к обвинительному заключению.

Многие строки невозможно спокойно читать. Матери, жены, дети погибших, бывшие узники... Их боль лишь на время утихала. Суд с новой силой растревожил никогда не заживающие душевные раны.

Анна Петровна Харитонова к письму, присланному из Алушты, приложила справку из Госархива, в которой говорится: «По материалам Чрезвычайной комиссии по расследованию злодеяний, совершенных нимецко-фашистскими захватчиками в период временной оккупации Крыма (1941—1944 гг.), в списках граждан, расстрелянных по

Симферопольскому району, под № 185 числится Панков Петр Ефимович, директор школы, под № 186 — Панкова Тамара Михайловна, учительница, под № 187 — Панков Геннадий Петрович, учащийся».

Анна Петровна пишет: «В справке почему-то ничего не сказано о сестре Софье, ей тогда был 21 год. Она тоже погибла в том же концлагере, на территории совхоза «Красный».

Вот уже 25 лет я работаю, как и мои родители, в школе. Только труд помогает мне бороться с пережитым горем.

Не исключено, что кто-то из подсудимых убивал моих родных. Требую самой суровой кары над ними».

«В этом концлагере замучили моего брата Василия,— пишет жительница Симферополя Варвара Прохоровна Охременко.— Его вытащили из колодца 21 апреля сорок четвертого года, а 22 были похороны. И я там была с больной матерью. Она инвалид первой группы, не ходила. Упросила отвезти ее на коляске. А я носила воду консервной банкой и обмывала лицо брата... Такой кошмар не забудешь».

Леонид Пантелеевич Банскалинский просит трибунал выслушать его, так как он является не только очевидцем злодеяний, совершенных фашистами и их прихвостнями в концлагере, но и сам там на всю жизнь получил зарубку. Он попал в лагерь смерти вместе с другими молодыми подпольщиками Ялты. Бывшие узники В. Гончарук, А. Золотых, А. Степаненко видели, как их товарища, 16-летнего комсомольца Леонида Банскалинского за попытку к бегству один из карателей плеткой бил по лицу. «Хлыст палача попал парнишке прямо в глаз,— утверждает А. Степаненко.— Окровавленного Леонида поволокли в тифозный барак, где никто никого не лечил».

А это из Феодосии:

«Пишу письмо и не могу сдержать рыданий,— сообщает Лидия Ефимовна Пахомова.— Нашего брата Костю увезли в лагерь в сентябре 1943 года вместе с другими подпольщиками — Богдановой, Шепелевой. Мать тут же поехала узнать, но за колючей проволокой стояли добровольцы. Очень даже возможно, что тот или другой из подсудимых и бросил брата в яму...».

«Я не знаю, чья проклятая рука оборвала жизнь моих родных: матери Натальи Ивановны, отца Андрея Дми-

триевича, дяди Александра Дмитриевича,— сообщает жительница областного центра Нина Андреевна Андрющенко.— Их забрали в гестапо 18 сентября 1943 года, а 10 октября расстреляли.

Может, это сделали те, что сидят сейчас на скамье подсудимых? Ведь и они осиротили столько семей, эти проклятые подонки, уничтожив прекрасных людей. И потому им — самая суровая кара!»

Каждая строка писем дышит гневом.

«Я волнуюсь и не могу складно написать,— пишет Екатерина Дмитриевна Дундук, потерявшая мужа.— Да и как можно спокойно говорить о наболевшем. Ведь эту боль я ношу почти 30 лет. Пусть моя израненная душа хоть в какой-то мере подскажет вам, судьи, какой выбрать приговор».

«Можно рассказывать до бесконечности, как фашисты и их пособники жгли наши села, бросали детей за ноги в огонь, а по остальным давали очередь из автомата,— вспоминает, словно кошмарный сон, Елена Егоровна Макеенко, у которой расстреляли отца, мать, сестру, а брат погиб на фронте.— Я пронесу эту боль в сердце через всю жизнь. И таких много. Потому и счет палачам велик. Поэтому и получить они должны сполна...».

Председатель Трибунала зачитывает документы об итогах эксгумации останков жертв фашизма, расстрелянных в урочище Дубки, акты судебномедицинской экспертизы и республиканской Комиссии по расследованию преступлений, совершенных гитлеровцами, их пособниками из 152-го добровольческого батальона СД на территории лагеря смерти в совхозе «Красный».

К микрофону подходит Мария Севастьяновна Скороит и начинает свой горестный рассказ. У нее был сын. Звали его Сергеем. Ее надежда и опора. Фашисты арестовали его здесь, в Симферополе, незадолго до прихода наших войск. Матери удалось его увидеть еще раз после этого. Старушка крепится, закрывает глаза. Сейчас ей вновь видится сын. Двадцатидвухлетний, полный сил...

— Он сказал мне тогда: «Мамочка, не плачь. Скоро придут наши. Тебе хорошо будет. Прости меня, мать. Я не мог поступить иначе».

Старушка плачет.

— Через несколько дней в город пришли наши,— продолжает Мария Севастьяновна.— Многие женщины,

потерявшие своих, ходили и разыскивали их. Наши поиски окончились в Дубках. Сережу вытащили из ямы, и я его сразу узнала. Больше ничего не помню. Меня в беспамятстве привезли домой люди.

Последние слова опять обрывает стон. Ее мокрое лицо обращено туда, к барьеру, где согнулись в три погибели убийцы. И вот-вот сорвутся с губ матери гневные справедливые слова: «Почему мертвы наши дети и почему, по какому праву еще живы палачи?»

Дает показания Антонина Константиновна Ивлева из Старого Крыма. В концлагере расстреляли ее мужа. Ирина Александровна Платонова за три дня до прихода наших войск потеряла 17-летнего брата. Через шесть дней, 15 апреля 1944 года, ее отец и мать привезли юношу из Дубков, чтобы похоронить на кладбище. Он был застрелен в затылок.

Люди, раскапывавшие эти страшные ямы, видели, что к трупам взрослых прикручены проволокой и маленькие дети...

— А у меня,— говорит Антонина Андреевна Анисимова,— замучили двух братьев — подпольщиков. Младшему было 16 лет...

И вновь суд слышит горестную повесть, вновь сквозь плач встает перед присутствующими в зале жизнь двух замечательных парней, не склонивших голову перед фашизмом.

Один за другим дают показания пострадавшие, раскрывая все новые и новые преступления фашистского отребья.

...Начинается допрос свидетелей. Трибунал вызывает Курмамбета Сейтумерова. Входит невысокий человечек, худощавый, смуглый, с большим носом. Бывший сослуживец подсудимых. Из того же 152-го добровольческого батальона СД. С его появлением палачи чувствуют себя совсем неуютно. Этот знает многое, от него не отмахнешься. Он называет каждого убийцу поименно. Со всеми отлично знаком.

Свидетель ничего не скрывает. Он с готовностью рассказывает о своей «службе», о «работе» подсудимых Ходжаметова, Куртвелиева, Абжелилова, Саланатова, Парасотченко и Кулика.

Жуткие картины встают перед глазами судей и сидящих в зале. Сейтумеров сам видел, как фашистские

прихвостни стреляли в затылок невинным жертвам, творили черную расправу у ям в Дубках и у колодцев в самом лагере смерти. Теперь доподлинно ясно, как это было. Особенно детально свидетель описал массовое уничтожение узников в ночь с 10 на 11 апреля 1944 г.

У колодцев не было ограждения. Их выкопали незадолго до казни. Глубина по 20—25 метров. Две зияющие дыры в земле. В одном немного горькой воды, другой — сух. Людей подводили к краю. Ставили на колени, стреляли в затылок и ногой сталкивали вниз. Некоторых — живыми...

Я не мог не рассказать здесь обо всем этом. Не мог потому, что иначе нельзя понять тех чувств, которые мы испытывали, освобождая от гитлеровцев каждый город, любое село. Тем более — Севастополь.

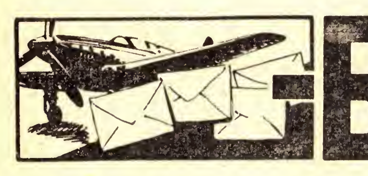
Мы не раз видели на стенах плакаты, где была изображена женщина с прижавшимся к ней ребенком. На них направлен фашистский штык.

«Воин Красной Армии, спаси!» — кричали плакаты.

И это не было «агитацией». Это взывали о помощи те, кого мы обязаны спасти.

Что было бы, если бы мы еще запоздали. Страшно подумать!

Потому вы поймете нашу ненависть, ярость, с которой даже необстрелянные, молодые летчики шли в атаку, не думая о своей жизни.

ПО ЗАКОНАМ ЛЕТНОГО БРАТСТВА

В бою человека узнаешь сразу. Храбр он или трус. Опытен или новичок. Способен на мгновенные решения в критические минуты или теряется...

— В чем-то ты прав.— Я размышлял над словами Гриба и перебирал в памяти многие судьбы и биографии.— Прав, наверное, в основном. Но так узнаешь скорее солдата, а не человека. Недаром в народе говорят насчет пуда соли, который необходимо «съесть», прежде чем вынесешь безошибочное суждение о знакомом.

— Твоя поговорка, может быть, справедлива для мирной жизни. А воздушная схватка — это как сконцентри-

рованные в секунды многие и многие годы. Да и не только годы — характер, воля, миропонимание. В небе — человек как на ладони.

— В жизни люди меняются...

Так мы ни о чем и не договорились тогда, во время старого спора у капонира.

Но прошли десятилетия, а дискуссию эту я вспоминал не раз. И понял: в конечном итоге мы были правы оба. Главное, что не ошиблись в основном — в нерушимости отчаянного и прекрасного летного братства.

Порукой тому — сотни писем, которые пришли ко мне от однополчан после войны. И среди великого множества размышлений, воспоминаний, обстоятельств, затронутых в них, хочется выделить здесь строки из трех писем.

Из первого:

«С разными людьми сводили меня дороги войны. И среди них особенно дорогим и близким сохранился в памяти образ Владимира Ивановича Воронова.

Да и кто из нас забудет его лихие атаки, спокойствие, выдержку, невозмутимость. И прекрасную душу, товарищество...».

Из второго:

«...Не тот ли это генерал-лейтенант Воронов, товарищ командир, который сейчас командует морской авиацией Черноморского флота? Имя и отчество совпадают — Владимир Иванович.

Если тот, то понимаешь — не снизил высот наш дорогой товарищ! Бойцовская, бесстрашная была у него хватка в годы Великой Отечественной. Думаю, и смену он вырастит себе достойную».

О третьем письме — речь впереди. Но у писем друзей военных лет есть особое свойство: слишком многое заключено в их подтексте. Особенно для того, кто был участником описываемых событий. И, казалось бы, оброненное невзначай слово сознание и память развертывают в объемную картину. В ней оживают звуки, голоса, краски...

Владимир считал, что ему не повезло. Во время битвы за Кавказ ему было приказано охранять с воздуха линкор «Севастополь». Задание, ничего не скажешь, важное и необходимое: не одну воздушную схватку при-

Командующий авиацией Черноморского флота В. И. Воронов.

шлось выдержать молодому командиру. Гитлеровцы охотились за «Севастополем», и был у них даже специальный приказ об уничтожении этого зловредного для них корабля «во что бы то ни стало».

Воронов, собственно, и был главным виновником того грустного для фашистских асов обстоятельства, что приказ сей стоил не больше бумажки, на которой был отпечатан. Ребята Воронова работали отменно, и линкор жил и приводил в ужас вражеских солдат залпами своего главного калибра.

Был Воронов, когда мы познакомились, командиром звена. Пришел ко мне перед нашим перебазированием на фронт и заявил:

— Возьмите в полк?

— А что здесь делаете?

— Линкор охраняю. Инициативы — никакой! Какая уж тут инициатива, ежели к кораблю как нитками привязаны. Только войдешь во вкус боя, одергиваешь себя: «Не увлекайся, возвращайся назад. Нельзя оставить линкор без прикрытия!..» Вот так и воюем...

— Невеселые ваши дела! — посочувствовал я.

— Да куда уж веселее!..

Мне все больше нравился этот молодой летчик.

— Но у меня все должности командиров звеньев заняты.— Я испытующе глянул на Воронова.

— Вы меня не так поняли, товарищ командир. Я не за чинами гонюсь. Я рядовым летчиком прошусь.

— Но это же понижение! — рассмеялся я.

— Зато подерусь по-настоящему. Истосковалась душа...

— Ну тогда — добро.

Мы пожали друг другу руки.

Побывавший у нас вскоре фронтовой корреспондент писал: «В кабинах летчики — те, что когда-то уводили свои машины с Херсонеса на Кавказ. Те ли? Старше стали лица, у многих резкие складки пролегли на лбу и у губ. Те ли? В быстроте и неторопливости взлета, в мгновенном сборе над аэродромом, в уверенной поступи группы, отправившейся охранять штурмовики, и не слишком опытный человек увидит спокойную, чуждую колебаниям мощь...

Каждый летчик сдал пробу мастеру и сам стал мастером. Вот пролетают над аэродромом Воронов и Акулов. Они возвращаются из Севастополя. Оба молоды. Начали свою летную жизнь уже во время войны. Теперь Акулов — один из самых «отчаянных» в полку Авдеева, и Воронов не отстает от него. Эту пару связывает дружба. Их трудно представить себе одного без другого. Они ведь любимцы полка. Гвардейцы гордятся парой Акулов — Воронов».

Когда меня спросили, как Воронов воюет, я ответил: «Это золотой летчик! Недаром его позывные «Сокол»...

Вот он стремительно входит в землянку. На боку — планшетка с картой. Пистолет. Кожаная тужурка — нараспашку:

— Ну как, боги погоды, летим?

«Боги» невозмутимы.

— Может быть, летим, а может быть, и нет... Туман.

— За что только вам зарплату платят, лейтенант. И как только не прогорит ваша несчастная контора. Торговать туманами — это же заранее запланированное банкротство.

— Все в руках божьих,— беззлобно отшучивается лейтенант.— «Ясно» все кончилось. Распродали.

— Хитры вы, синоптики.

— Какие уж есть...

Летчикам позарез нужно это самое «ясно». А Воронову особенно. Вчера в бою ему прошили плоскости самолета. Воронову не терпится «расквитаться». И он рас-

квитается. Обязательно. Только бы погода его не подвела.

В сердцах он хлопает грубой, сколоченной из досок дверью и выходит из землянки.

Над полем — непроглядная хмарь. Собственно, аэродрома не видно. Белая пелена окутала и небо, и землю, и все сущее. Владимир шагал в этом «молоке», припоминая детали недавнего боя...

Он возвращался на аэродром, когда сверху из-за облаков на него внезапно спикировали два «мессера».

В такой ситуации гибель почти неизбежна: нет времени для маневра, у врага преимущество в высоте, скорости, маневре.

Здесь могло спасти только молниеносное решение, и не случайно кто-то в шутку назвал Воронова «таинственным устройством, где все уже заранее распланировано».

Конечно, в воздушном бою решительно ничего «заранее распланировать» попросту невозможно. Но разве опыт — не в счет? Разве смелость и мужество, помноженные на характер, ничего не значат!

«Устройство» сработало мгновенно: «Нужно выиграть время, обмануть их. Высота приличная. Должно получиться...».

— Делай, как я! — это ведомому.

«Яки» ринулись вниз. Ведомый с тревогой смотрел на альтиметр — показатель высоты. Казалось, еще несколько минут, и самолеты врежутся в землю. Нужно было виртуозное мастерство, чтобы вывести их из пике на предельной малой высоте. И наши летчики вывели...

У «мессеров» скорость немалая, а летящий вниз камнем самолет — молния. «Если эти русские решили быть самоубийцами,— мелькнуло, видимо, в головах гитлеровских летчиков,— то нам присоединяться к ним совсем не обязательно...».

— Вероятно,— сказал потом пораженный таким «экспериментом» ведомый,— у Воронова нервы, по всем законам природы, существовать должны. Но я их что-то не заметил. А вот фашисты «психанули», на что командир и рассчитывал,— вышли из атаки.

В воздушном бою успех решают секунды. Выход из пике, вираж, стремительный набор высоты — и вот уже Воронов с противником «на равных».

— Теперь посмотрим кто кого! — весело крикнул он

в микрофон ведомому, который еще зябко ежился от только что пережитого.— Атакуем!..

Небо грохотало, расцвечивалось очередями, завывало готовыми разорваться от напряжения моторами. И в этой бешеной карусели, казалось, ни зайти в хвост, ни прицелиться.

Но вот на мгновение в прицеле виден черный крест. Пальцы срабатывают автоматически — пошли снаряды!

Воронов даже не успел заметить: попал или нет. Только выходя из виража, увидел — черный шлейф дыма тянулся за самолетом, уходящим в сторону немецких позиций. «А куда подевался второй «мессер» — неизвестно. Наверное, нырнул в облака. Жаль, упустили...».

«Мессеры атаковали строй наших бомбардировщиков еще на подходе к цели.

Воронов, как всегда, продумал «пропозицию». Нападения он ожидал. Гитлеровцы — не идиоты, и, конечно, постараются отразить бомбовый удар.

«Атака в лоб и снизу,— рассудил летчик,— практически исключена. Здесь фашисты нарвуться на достаточно мощный огонь. Вероятнее всего, они навалятся сверху. Здесь их и нужно ловить. Дождаться рывка «мессеров» и перехватить их в самом начале атаки. Но перехватить так, чтобы оказаться у них «на хвосте». Не принять боя они не смогут — поздно. Но им будет уже не до бомбардировщиков. Наш выход невольно будет принят, но в более выгодной для «яков» ситуации...»

Поначалу так и случилось.

«Мессеры» с ревом вышли из-за туч и рванулись к цели. Расчет фашистских летчиков был прост: прежде всего разбить строй машин, посеять панику, а уже потом бить бомбардировщики поодиночке.

Лишь какие-то мгновения отделяли начало этой штурмовки от секунд, когда Воронов с ведомым «вывалились» из-за соседнего облака.

С «мессеров» заметили опасность, когда «яки» уже повисли у них на хвосте.

Казалось — все, победа обеспечена: в перекрестии прицела — свастика. Воронов нажимает гашетку и... пулемет не срабатывает. Случилось что-то непредвиденное. Возможно, перекос патрона.

Но дорогие секунды упущены: «мессеры» уходят на вираж.

Теперь будет бой на равных, и все нужно начинать сначала.

А бомбардировщики уже над целью. Внизу — море огня, взрывы, черная хмарь застилает горизонт.

Воронов уже не надеется на пулемет.

— Прикрой, атакую! — ведомый чувствует в голосе командира непонятную злость и решительно ничего не понимает: «Ну, не сбили... Не во всяком же бою это удается. Главное-то сделано: к цели «мессеры» не допущены, скованы боем...».

Теперь уже все — «по правилам»: в небе — «карусель», где непосвященный наверняка спутает и своих и чужих.

Воронов идет в лобовую. Гитлеровец попался не из трусливых. «Перчатка поднята». Ведомый в ужасе: сейчас столкнутся!

«Не сверну! — стиснув зубы, бормочет про себя Воронов.— Ни за что не сверну!.. Лучше сломаю себе шею...»

Огненные трассы тянутся от фашистского самолета к «яку».

«Стреляй, стреляй. Это тебе не поможет! — отчаянная ярость овладевает летчиком.— Сейчас!..».

В последние доли секунды «мессер» отворачивает. В то самое мгновение, когда автоматически сработал рефлекс Воронова и в фюзеляж с черным крестом впились его снаряды.

Только через минуту-две Воронов почувствовал, что и лицо, и спина, и ладони его словно сведены судорогой.

«Никуда не годится, браток...— недовольно буркнул он сам себе.— Нервишки разыгрались...».

«Что вы сказали? — в наушниках встревоженный голос ведомого.— Вы не ранены?..»

— Нервишки, говорю... А к чему нам нервишки?! Где второй фашист? Я его что-то не вижу.

— Ушел.

— Ну и шут с ним, что ушел. Следи за небом...

— Слежу. Пока все спокойно.

— Да уж куда спокойнее!..

Непонятно было — доволен командир или раздосадован.

Теперь — о третьем письме, упомянутом мной вначале и полученном от однополчанина уже после войны:

«Меня удивила смелость и какая-то, несвойственная молодым, профессиональная хватка Воронова. Уже в первых полетах, когда был ведомым, он показал себя бойцом решительным, находчивым, волевым.

Никогда не забуду радости, буквально написанной на его лице, когда он сбил «свой» первый вражеский самолет.

Неудачные атаки переживал мучительно. И тогда ему не сиделось на земле. Дай ему волю — он все бы двадцать четыре часа не выходил из боев.

Не знаю, откуда у него брались силы, но я никогда не видел его усталым. Думал — молодость!

Нет, дело здесь не в молодости. Долгий путь прошли мы с ним вместе, и он всегда оставался прежним. Душа у Воронова молодой, конечно, была. И еще — сильнее этого было яростное желание победы...».

Были в письме и другие строки: «Кому же, как не таким людям, воспитывать новое поколение воздушных асов». Трудно что-либо добавить к таким словам. Они поневоле вызывают раздумья...

Разными по складу характера и души бывают летчики. Один нетерпелив, активен, яростен в атаках. У него мгновенная реакция на любую ситуацию боя. Он бесконечно храбр. Храбр настолько, что подчас «лезет на рожон», и его приходится поправлять и одергивать:

— Ну, подумай сам. Угробишь ты свою светлую голову, хотя и собьешь фашиста. А толк какой? На войне одной храбрости мало. Нужна еще и выдержка. Согласись, насколько больше пользы ты принесешь, если и победишь, и уцелеешь. Тогда ты не одного, а еще десяток гитлеровцев на тот свет отправишь...

Парень соглашается. Но чувствуешь — для «видимости». «Стиль» его боевой работы в небе не меняется.

А есть — мастера воздушных схваток. Им тоже не занимать смелости. Но они не дадут увлечь себя ложным маневром, не поддадутся на провокацию. Они — тактики и, если хотите, стратеги. Сумеют и операцию предугадать так, чтобы выиграть бой даже с минимальными силами, и атаку построить грамотно, предусмотрев гибельные ситуации, и найти выход из самого, казалось бы, безнадежного положения.

5 Зак. 1992

Таким асом и был Владимир Иванович Воронов.

Случается, уже давно знакомого тебе человека совершенно неожиданно раскрывает, казалось бы, небольшая деталь, штрих поведения.

Но она лучше самых обстоятельных описаний говорит о человеке. Как-то Воронов написал в письме домой такие строчки:

«...Погода у нас отличная. Можно вдоволь позагорать. Места — глаз не оторвешь, такая кругом красотища. Живем мы спокойно, хорошо. И на сердце — радостно. Дело идет к Победе.

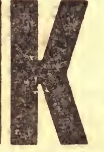
Значит, не зря пропахали столько фронтовых дорог и сожгли в небе не одну тонну бензина.

«Птички» у нас славные. Хочется поклониться за них конструкторам и рабочим. Нашим «якам» никакой противник не страшен!

Вчера купался. Так что, как видите, беспокоиться за меня нет решительно никаких оснований. Живу, как на даче...».

Это письмо вышло из-под его пера после жесточайшего боя, в котором он сбил «мессера» и в котором сам едва уцелел: механики насчитали тогда на его машине сорок восемь пробоин.

ДО СВИДАНИЯ, ТАВРИЯ!

К 9 мая отборная группировка немецкой авиации в Крыму была полностью уничтожена. Однако еще существовала угроза нанесения ударов немецкой авиацией с аэродромов Румынии по войскам, городам и другим объектам Крыма. Поэтому нам, истребителям, была поставлена задача осуществлять противовоздушную оборону Севастополя и всего Крымского полуострова.

После капитуляции в Крыму фашисты пытались нанести удар с воздуха по Севастополю и Симферополю. Но безуспешно. Вражеские бомбардировщики были своевременно обнаружены службой воздушного наблюдения, оповещания и связи, а наши летчики во взаимодействии с зенитчиками не допустили воздушного противника к

объектам. Три вражеских бомбардировщика «Хейнкель-111» были сбиты под Севастополем. Это был еще один «довесок» к тем потерям, которые уже понесли гитлеровцы в Крыму.

Только в ходе боев за севастопольский плацдарм за шесть дней гитлеровцы потеряли убитыми свыше 20 000 и пленными более 24 000 солдат и офицеров. Было уничтожено и захвачено 97 вражеских танков, 136 самолетов, 2588 орудий и минометов, 4737 автомашин.

Кроме того, нашей авиацией и кораблями Черноморского флота с 8 апреля по 12 мая было потоплено 191 судно противника, из них 69 транспортов и 56 быстроходных десантных барж, груженных войсками и боевой техникой. Из этого количества 120 судов потопили летчики, 41 — катерники и 30 — подводники.

Путь из Севастополя в Румынию и Болгарию фашисты со страхом называли «дорогой смерти».

После войны битые генералы начнут «оправдываться».

Фальсифицируя события войны с Советским Союзом, они, выступая в роли «историков», всю вину за поражение немецких войск в Крыму начнут сваливать на одного Гитлера, который не решился-де эвакуировать заранее войска из Крыма.

Генерал Типпельскирх, например, изволит недоумевать: «...Приказ Гитлера удерживать Крым, находившийся теперь в 300 км от немецкого фронта... был попросту непонятен... Крым являлся для Гитлера лишь одним из тех уже существовавших или планируемых форпостов, которые Гитлер, к ужасу немецкого командования на Востоке, приказал удержать во что бы то ни стало...»

Но кого обманут эти писания!

Хребет фашистскому зверю сломила великая, могучая Советская Армия. Крымская наступательная операция, завершающим этапом которой явился прорыв севастопольского укрепленного района, вошла в историю военного искусства как одна из блестящих операций Великой Отечественной войны, проведенная Советской Армией во взаимодействии с Военно-Морским Флотом.

В этой операции была полностью уничтожена 17-я немецкая армия. Родине был возвращен Крымский полуостров, Черноморский флот получил возможность дейст-

вовать во всем бассейне Черного моря и активно участвовать в разгроме немецко-фашистских войск в Румынии и Болгарии. Советские ВВС получили хорошие аэродромы для ведения боевых действий в бассейне Черного моря и на Балканах. После разгрома немецко-фашистских войск в Крыму были высвобождены значительные силы нашей армии, флота и авиации для выполнения новых задач по окончательному разгрому ненавистных немецко-фашистских войск.

С освобождением Крыма коренным образом изменилась военно-политическая обстановка на юге нашей Родины. Усилился процесс распада фашистского блока.

В конце июня 1944 года наш полк перебазировался на полевой аэродром около Одессы. Отсюда было уже рукой подать до жизненно-важных центров и объектов противника.

Наши «яки» выходили на оперативный простор!

ВПЕРЕД — НА ЗАПАД!

«СКУЧНАЯ РАБОТА» ● МОРЕ, ГРЕЗЫ И «ПРОЗА ЖИЗНИ» ● МЕЧТЫ, СГОРЕВШИЕ В ПЛАМЕНИ ● ИМЯ НА ФЮЗЕЛЯЖЕ ● ГДЕ ЗИМУЮТ РАКИ ● НОЧЬЮ У КОМАНДИРА 13-Й... ● АРМАДА УХОДИТ ПО СТАРОМУ СЛЕДУ ● КОНСТАНЦА В ОГНЕ ● ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ... ● ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«СКУЧНАЯ РАБОТА»

Сегодня это вызовет улыбку, но в то утро — 17 августа 1944 года — я предавался воистину «горестным» размышлениям.

Дело в том, что в полк недавно прибыли Як-3, истребители по тому времени действительно изумительные. Маневренные, превосходные и в воздушном бою, и при штурмовке наземных целей.

С ними, хотя их дали нам пока немного, никакие «мессеры» и «фоккеры» теперь не были страшны. Но и прежней модификации «яки» — грозное оружие. Летчики рвались в бой, и мы действительно мечтали о встрече с воздушным противником.

А тут — на тебе — телефонограмма из штаба ВВС: «Вылетать всем полком. Цель — уничтожение живой силы и техники противника в районе Акеерман — Теплиц».

«Вылететь мы, конечно, вылетим,— грустно размышлял я.— Но разве это стоящее дело для «яков». Могли бы в штабе предложить нам и что-нибудь посолиднее. А так — скучная работа...»

Но приказы не обсуждаются. Поднял полк по тревоге, и вот уже плывут под крыльями бурые степи Акеермана, ярко-зелеными островами проходит буйная, августовская россыпь садов. И только руины на месте городков и сел напоминают о войне. Она кажется призрачной нелепостью в этом, таком реальном и прекрасном, иссиня-пронзительном летнем небе.

Явно скучным голосом (сам себя не узнаю) даю команду по радио:

— На мелкие цели не размениваться. За одиночными машинами не гоняться. Без приказа никому не атаковать.

Время шло, а настроение портилось все больше и больше. Действительно, словно над нами решили посмеяться: два раза мы встречали довольно крупные скопления войск противника. Но их уже усиленно «обрабатывали» другие авиасоединения.

— Может быть, поможем? — равнодушно спросил штурман, заранее зная ответ.

— А зачем,— я махнул рукой,— без нас справятся...

Только два раза было разрешено эскадрильям атаковать: один раз воинскую колонну, второй — скопление автомашин. С ними было покончено довольно скоро, и снова продолжался наш «унылый» «безрадостный» полет.

Я уже собирался дать команду на возвращение домой, когда вдруг у Акеермана заметил идущий на полной скорости воинский эшелон. Пригляделся — состав смешанный: цистерны, техника под брезентами, несколько классных вагонов. Кажется, это то, что нам нужно.

— Внимание! — чувствую, как голос мой явно повеселел.— Атакуем эшелон. Мое звено начинает. Вторая эскадрилья наносит второй удар. Остальным — следить за воздухом...

— Есть!

Резко бросаю машину вниз. Иду прямо на паровоз: прежде всего состав нужно остановить.

Заработала пушка «яка», его пулеметы.

Вроде бы заход удачный: над паровозом взвилось облако пара и дыма. Состав резко тормозил.

Разворот влево, набор высоты, и я уже наблюдаю работу ребят.

Истребители разошлись веером. Одни бьют по голове, другие — по хвосту состава.

Из вагонов выскакивают фашисты. Падают кто куда — в кюветы, у железнодорожной насыпи, в ямы. Многие тут же валятся, не успев укрыться: пули с истребителей сделали свое дело.

Огляделся — в воздухе все в порядке. Значит, и мне можно включиться в дело.

Выбираю мишенью огромный товарный вагон в середине состава и точно захожу на него.

С высоты 350—400 метров даю очередь.

Не знаю, что было в вагоне. Видимо, боеприпасы: страшный взрыв разметал состав. Мой «як» подбросило в высоту, и я сразу почувствовал запах бензина.

— Товарищ командир, машина повреждена. Течет бензин из баков. Нужно немедленно возвращаться,— голос штурмана Новикова спокоен. Но за этим деланным спокойствием чувствуется волнение. Знаю — сам Новиков в любой, самой сложной ситуации останется на посту до конца. Волнуется за меня.

Делать нечего, придется передавать команду заместителю:

— Машина повреждена. Иду на аэродром. Штурмовку продолжать до полного уничтожения поезда.

Разворачиваю машину, оглядываюсь. Ястребки заканчивают дело: взрываются и летят с насыпи вагоны. Даже степь у железнодорожного полотна полыхает оранжевым пламенем.

— Мда,— неопределенно хмыкнул механик, осматривая машину на аэродроме.— Интересно, как это вы с пустыми баками дотянули. Черт знает, чем это все могло кончиться... а вы,— обратился он ко мне,— особенно не грустите. Суток за двое отремонтирую вашего коня. Как новенький будет! «Як» покатили в укрытие...

Вечером был разбор операции. Кто-то внес свою долю самокритики:

— Не нужно было подходить на такую близкую дистанцию.

— А кто же знал,— возразил Новиков,— что вагон начинен взрывчаткой?

Все согласились. Вот уж действительно. На войне — как на войне, и на «скучной» работе можно потерять голову.

Впрочем, вечером она уже не казалась нам такой «скучной».

МОРЕ, ГРЕЗЫ И «ПРОЗА ЖИЗНИ»

странное ощущение испытал я в этом полете. Виною тому — утро и море.

Солнце высекало из неподвижной водяной глади мириады огненных брызг. Золотистый туман над берегом таял, уползал в белые приодесские лиманы, и над всей степью — от края и до края — стояла звенящая, непостижимая тишина.

И даже рев стартующих истребителей не ассоциировался с войной: словно где-то в 39-м или 40-м на зеленом поле Тушина уходили в высоту спортивные скоростные машины.

Что-то сдвинулось в душе. Сказалось все: и выход к государственным границам, и удивление — прошел через такие адовы круги, а остался жив,— и радость победных сводок с фронтов, и ощущение счастья, что победа — не за горами.

Нет, мы не обольщали себя. Знали: впереди еще — и кровь, и утраты. И не все из нас вернутся домой.

Но на войне нельзя жить одними горестными раздумьями. Жизнь — она везде жизнь. А мы были молоды. Поэтому и в оптимизме нам нельзя было отказать. И это, несмотря на то, что мы давали себе ясный отчет в том, что те из фашистских летчиков, кто уцелел в Севастополе или над Кубанью, так, за «здорово живешь», не сдадутся в конце пути.

А цель близка, и рассвет близок, и долгожданный мир, где не бьют орудия и не рвутся ежеминутно тяжелые бомбы...

Я даже размечтался об этой другой, пока нереальной своей жизни, когда аэродром остался уже позади и наши машины легли на боевой курс к берегам Румынии.

«Пойду учиться,— думал я...— Вначале, конечно, отдохну. Хорошо отдохну. Махну куда-нибудь на Волгу. Или на Черное море. Конечно же, на Черное море...»

Я не представлял его спокойным, с золотыми бухтами пляжей, с рокотом волн, а не авиационных моторов. Без черного дыма горящей севастопольской панорамы, без грохота боев над Туапсе. «Придется привыкать»,— усмехнулся я. Впрочем, разве трудно привыкать к прекрасному?..

— «Ястреб»! Я — «Волна»! Как меня слышите?

— Я — «Ястреб». Слышу отлично.

— Приближаемся к цели. Может быть, разделимся? — в наушниках голос Локинского.

Оглядываю горизонт.

Пожалуй, Локинский прав. Первая волна самолетов ударит по пирсам из-за холмов. На всякий случай следует прикрыть ее со стороны города. Серьезных атак «мессеров» мы не ожидали. Но внезапный удар даже двух-трех опытных асов может стоить дорого.

— Прикрой от города.

— Есть!

Вижу, как Локинский и его ведомый отваливают от

армады машин и берут мористее. Они подойдут к цели слева.

— Приготовиться.

Бросаю самолет вперед.

Проплывают под крыльями пляжи, какие-то постройки. Но вот — длинные ленты причалов. Лес мачт.

Видим, как моряки явно суетятся. Маленький буксир тянет к выходу из ковша порта транспорт.

Сейнеры, как жуки, расползаются в разные стороны. Все ясно — рассредоточиваются.

«Як» резко встряхивает, и сразу сотни разноцветных тюльпанов расцвели по синеве неба: зенитчики открыли по нашим самолетам огонь. К нам тянутся белые, зеленые, красные трассы.

— Атака!..

«Роли» у нас распределены заранее, и только непосвященному кажется, что армада машин разваливается хаотично и бессистемно. Гриб обрушивается на батареи. Я беру на себя корабли.

Не проходит и минуты — внизу море огня. Из черных клубов дыма летят к небу какие-то бесформенные куски железа, искореженные пароходные трубы, разбитые мачты. Второй заход. Третий...

Целей уже не разобрать. В глазах — одно ревущее и все пожирающее пламя.

— Ложиться на обратный курс!..

Команду приходится повторять несколько раз. Увлеченные боем летчики не сразу понимают, что от них хотят.

Неожиданно из рваных облаков гари появляется «як» Локинского. В наушниках гремит его голос:

— Почему домой? Боеприпасов еще много!..

— Обратно пойдем над дорогами.

— Ясно...

Оглядываю строй машин. Пытаюсь их сосчитать. Вроде бы потерь нет. Отлично! Научились ребята воевать! Пригодилась им и севастопольская «арифметика» и многочисленные «синяки и шишки», полученные молодыми по неопытности.

Степь кажется безлюдной. Внизу — как лоскутное одеяло — узкие клочки крестьянской земли. Так непохожие на наши бескрайние колхозные поля.

«Утюжим» воздух десять минут.

Поиск, кажется, безрезультатен. Ничего — «достойного» нашего внимания.

Но что это? На дороге, извиваясь, ползет гигантская гусеница.

Снижаюсь.

Видны повозки, цистерны, автомашины с солдатами.

Видимо, заметили нас: грузовики мчат в степь. Солдаты выпрыгивают на землю, ищут рытвины и овраги. Встают на дыбы лошади.

Проходим над землей почти на бреющем. В прицеле — машина. Нажимаю гашетку, сноп огня, клубы иссиня-черного дыма.

Вырываюсь из этого хаоса, повторяю заход, и только сейчас замечаю орудия. Их успели оттянуть к кустарнику. Сейчас нужна особо точная работа. Сжимаю ручку так, что дрожь мотора передается, кажется, в самое сердце. Словно я и машина — одно целое.

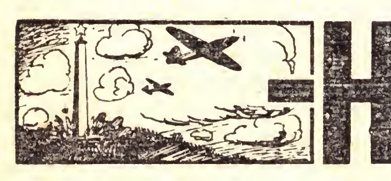
Бью из пушки. Ребята поддерживают эрэсами...

На вираже оглядываюсь: разбитые лафеты, искореженные стволы. Колеса, раскиданные по земле.

Когда мы взяли курс на восток и в бензобаках горючего осталось, что называется, в обрез, только чтобы дотянуть до аэродрома, я заметил в крыле пробоину. Значит, не миновал меня все-таки шальной осколок...

Но на войне не считаются осколки, прошедшие мимо самого летчика. Раз машина послушна, поет мотор — значит все в порядке. Значит, мы еще повоюем!

МЕЧТЫ, СГОРЕВШИЕ В ПЛАМЕНИ

Ну и что же ты будешь делать после войны, Михаил Григорьевич? — «Михаил Григорьевич» краснеет. К обращению по имени-отчеству он еще не привык: только вчера ему перевалило за двадцать, бремя десятилетий не давит на его плечи, а школьное «Мишка» еще не выветрилось из памяти.

— Н-не знаю. Думал на архитектурный податься.

— Несерьезная специальность...— это голос из угла землянки.— После войны строители будут нужны, инже-

неры. Сколько мостов, заводов, городов поднимать придется! А ты — в архитектуру.

— А он перед девчатами форсить будет! — смеется Гриб. Познакомится с этакой тонконогенькой и — в атаку... Так мол и так. Чем интересуетесь? Каковы ваши культурные запросы? Какие книжечки любите?.. С этаким особым подходцем. Девушка, естественно, тает от столь возвышенного обращения. А он, к моменту, бросает: «А я, между прочим, архитектор...» Словом — обнаруживается родство душ, и дело пошло!».

Гриб явно «подначивает».

Вызов неожиданно воспринимается всерьез:

— Строители... А что эти строители строить будут?! Дома, больницы, школы. Кто же их нам спроектирует? Папа римский, что ли?.. Не-ет, братцы. После войны архитекторы стране до зарезу будут нужны. Как воздух...

— Ладно, валяй — в архитектурный. А я на землю подамся. К себе — в Заволжье. Истосковался я по земле. Зажмуришь глаза — пшеница от горизонта до горизонта стеной стоит. И в небе — жаворонок. А по утрам поле волнуется под ветром, как море. А солнце из-за ближайшего леса — как раскаленный диск.

— До этого солнца ты доживи. Мы еще до Берлина не дошли.

— И доживу. Не имею права не дожить. У меня двое парней дома. Один пишет, что уже трактор осваивает. Ума не приложу, как это он «осваивает». Уходил на фронт, ему только за десять лет перевалило. И уже — кормилец.

— Война и не такое делает,— включился я в разговор.— Рано в наше время люди взрослеют...

— И не говорите, товарищ командир! — Михаил Ларионов пододвинулся ближе к коптилке, сработанной из гильзы снаряда.

— Недавно я получил письмо от своих. Вот побачьте, що воны пишут.— Василий Игнатьич долго жил в Киеве и речь свою оснащал дорогими сердцу украинскими словами.

Ребята подтянулись к огоньку.

Непостижимо, как действовало тогда само это слово — «письмо».

Письмо оттуда... Письмо — за тысячу километров. От родных. Пусть не твоих — друга. Но все равно, словно

теплее становилось в землянках, и бои будто на время отступали за невидимо далекий предел, и душа обновлялась, словно и жены, и матери, и ребятишки наши входили в этот круг, очерченный желтым светом солдатской коптилки.

«Дорогой мой Васенька! — начал Василий Игнатьич, пробежал глазами несколько слов, покраснел и замялся.— Ну, здесь так, ничего особенного... Личное...»

Ребята расхохотались:

— Все ясно: «Люблю... Целую тысячи раз...». Валяй дальше!

«Дорогой мой Васенька!..»

— Уже знаем, что ты «дорогой»! Хитрый ты, Игнатьич! Цену себе набиваешь!.. О чем пишут-то?..

«...Наш Коля ушел в ремесленное. Все время пропадает на заводе. Через месяц уже будет самостоятельно точить то, что так нужно вам на фронте (ты меня понимаешь?). Очень похудел, но это, видимо, возрастное.

Наденька с девчатами — в колхозе. Помогает на ферме. За три месяца заглядывала домой два раза. И далеко, и работа «не отпускает».

Сама я переквалифицировалась. Как подумаю, что со страной происходит, не по себе делается. Не могла я больше сидеть в конторе. Бумажки подшивать и отправлять — с таким любая девчушка справится.

Ты же знаешь, что я с лекарствами на «ты». Помнишь, как от меня «отбивался», когда я тебя лечила от простуды...»

В землянке снова хохот.

Глядя на могучую фигуру Матвеича, трудно предположить, что такой богатырь мог когда-либо грипповать. Да и по сравнению с тем, что ежедневно составляло наши будни, те довоенные, «мирные» болезни казались чем-то детским, несерьезным, нереальным.

«Обкатала» людей война. Померзли вьюжными вечерами. Под проливными дождями часами не отходили от самолетов. И ничего — никакая хворь не брала. Наверное, какой-то «психологический барьер» выработался. Рана — она и есть рана. Здесь уж ничего не поделаешь. А грипп? Наверное, был и грипп. Но как-то обходились «подручными средствами». Не ходили к врачам...

Матвеич и сам улыбнулся. Вспомнив, наверное, что-то бесконечно дорогое, милое...

— Ну будете вы слушать, черти? А то не буду читать,

— Не обижайся. Это мы так... Глядя на твою комплекцию.

— Комплекция что надо. Слухайте далее... Так вот, на чем я кончил? — «Лечила от простуды...» Дальше так: «Снова пошла я работать в госпиталь. Санитаркой. Вроде бы и к тебе ближе. Люди с фронта приезжают. Многое интересное рассказывают. Но вот с вашей части никого не встретила. Сколько не расспрашивала. Так оно, может быть, и к лучшему: значит, раненых у вас мало. А, возможно, их в другие госпитали направляют.

Вот так мы и живем. Вроде бы одна семья, а видимся редко. У меня часто ночные дежурства, старшой — на заводе, доченька — в колхозе. А ты — на фронте.

Скорее бы этому проклятому Гитлеру свернули шею!

У нас дома на стене рядом с буфетом — большая карта. Мы на ней после каждой сводки Совинформбюро флажки переставляем. Теперь-то на душе радостней. На запад флажки идут, и как взглянешь на карту — страшно становится. Ведь аж до Волги вся она булавками от флажков истыкана. Сколько пережить пришлось!

Мы каждый день тебя помним, любим...» — Матвеич осекся:

— Ну далее опять не про вас, горлопаны! Вам бы только посмеяться.

Но никто не сказал ни слова. Все долго молчали.

Только через минуту-две Гриб тихо заметил:

— А ведь им не легче, чем нам... Конечно, подчас мы и жизнью рискуем. Но о нас вся страна заботится. Самолет — пожалуйста. Паек — извольте. Обмундирование — окажите милость. А матерям сейчас каково! И ребятам... Это надо же — мальчишки и снаряды точат, и самолеты собирают...

Гриб, собственно, вслух высказал то, о чем каждый из нас подумал в эту минуту.

— Растравил ты душу, Матвеич! — капитан поднялся с лавки и направился к выходу.— Пойду покурю.

— И мне пора.— Я взял планшетку.

— Письмо домой написать надо.— Гриб зябко поежился. Как-то они там?

И каждому захотелось побыть в эту минуту одному...

— А я все же — в архитектурный!..— Миша, задумав-

шись, размышлял о чем-то своем и был далек сейчас и от этой землянки, и от всего, что ждало его за ее стенами...

На другое утро они ушли на задание и не вернулись. Ни Михаил, мечтавший аб архитектурном. Ни Володя, сынишка которого где-то в далеком Заволжье заменил на колхозном поле отца. Это был всего второй их боевой вылет...

Война безжалостна. Она не считается с человеческими мечтами. И тем тяжелее горечь потерь.

Сколько талантливых музыкантов и поэтов, архитекторов и инженеров так и не причастились к своему призванию — творчеству. Долг заставил выбрать их другие специальности: летчиков, мотористов, техников.

Другой, ратный труд выпал на их нелегкую долю. И они вершили его со всем жаром души. Отдавали ему все до конца — ум, силы, вдохновение, талант. Потому что не могли поступить иначе: решалось, быть или не быть самому святому для каждого — Родине.

С утра тянул от воды упругий ветер-свежак. А сейчас тихо — ни одна веточка на деревьях не шелохнется.

Настроение у ребят препаршивое: охраняли штурмовиков вроде бы неплохо. Но все же «мессерам» удалось пробиться к армаде. Три наших машины, пылая, рухнули на землю.

На войне без потерь не бывает. Но к ним все равно нельзя привыкнуть. Боль и горечь всякий раз так резки, как будто такое случается впервые...

Золотистая луна торчит в небе. От капонира под баян тихо доносится песня. Судя по голосам — это ребята капитана Гриба. Мотив — щемящий душу, знакомый с детства — «Раскинулось море широко»... А слова другие. Те, что родились еще в осажденном Севастополе:

Раскинулось море широко
У крымских родных берегов,
Живет Севастополь могучий,
Решимости полной готов.
И грудью прикрыл Севастополь родной
Моряк, пехотинец и летчик:
У крепкой стены обороны стальной
Могилу найдет здесь налетчик.

Несколько молодых сильных голосов подхватывают мелодию, и она крепнет, набирается силы:

Мы холод и стужу видали в боях,
Мы свыклись с дождем и ветрами,
Мы будем фашистов в боях истреблять
И знаем: победа за нами!
Так смело, друзья, в наш решительный бой,
Чтоб род весь людской мог воспрянуть,
Чтоб больше никто на родную страну
Не мог по-бандитски нагрянуть.

Что и говорить — «самодельные» слова. Но что делать! На фронте нередко в творчестве приходится обходиться «собственными словами». И не беда, что «непрофессионально». Зато все, что сказано в песне,— сказано от души!

Сколько мы не пытались узнать, кто сложил эти слова, ничего путного добиться не удалось. Безымянен автор. Но, наверное, это и здорово — если полюбилась песня, пошла по всему Черноморью. Значит, отвечает она на то, что творится в наших душах.

А подтекст к ней каждый вкладывает свой. Вот и сегодня — поют ребята, а наверняка думают о тех, кто навсегда остался лежать там, на Крымской земле в искореженных и обожженных «илах». И еще о том, что они отомстят за них.

ИМЯ НА ФЮЗЕЛЯЖЕ

Их было немного — всего двенадцать человек, хмуро сидевших у капонира.

Молчание затянулось, потому что никто не знал, каким должно быть первое слово. Но вот поднялся замполит капитан Зубков и, решительно махнув рукой, тихо бросил:

— Говорить здесь долго нечего... Вопрос?.. Какой же вопрос?! Так и запишем: «Протокол общего собрания авиаэскадрильи». Повестка дня тоже ясна: «Отомстить за смерть нашего боевого комсомольского руководителя Игоря Васильевича Громова».

— Начинай! Верно! — послышались одобрительные возгласы.

Сохранился и этот «Протокол № 1». Приведу его целиком как ярчайшее свидетельство раздумий, которыми мы жили.

«Повестка дня: 1. Отомстить немецко-фашистским захватчикам за смерть нашего боевого секретаря комсомольской организации Громова Игоря Васильевича.

Слушали заместителя командира по политчасти капитана товарища Зубкова:

Товарищ Громов имел 113 боевых вылетов. Он воевал против фашистских варваров на Ленинградском фронте. Оттуда был переведен в нашу часть. Тов. Громов за время войны участвовал в защите г. Севастополя и до конца жизни громил врагов нашей Родины. Тов. Громов был передовым организатором комсомольской работы. Личным боевым примером показывал комсомольцам, как нужно драться. Этим примером он сплотил вокруг себя комсомольцев своей организации.

Комсомольцы должны дать клятву: мстить фашистским захватчикам за товарища Громова, показать себя честным и воевать так, как воевал Громов.

Выступили:

Жуковский. — Товарища Громова я знаю почти с начала войны как хорошего товарища, как боевого секретаря и организатора. Клянусь перед комсомольцами, что до конца своей жизни буду мстить за нашего боевого секретаря тов. Громова!

Оплетин.— Товарищи комсомольцы, это первое собрание, на котором нет Громова. Не один Громов погиб от фашистской руки. От этих врагов погибли миллионы ни в чем не повинных советских людей. Поклянемся же, товарищи, что беспощадно будем мстить за нашего друга. Гитлеровцы заплатят сотнями своих солдат за нашего секретаря. Товарищи, я предлагаю на одном из боевых самолетов написать лозунг: «Отомстим фашистским варварам за нашего боевого секретаря товарища Громова!»

Постановили:

Заслушав сообщение капитана Зубкова о героической смерти экипажа старшего лейтенанта Евстифеева, в состав которого входил секретарь лейтенант Громов, общее комсомольское собрание выражает глубокую скорбь по

случаю гибели нашего секретаря и друга. Проклятые гитлеровские разбойники вырвали из наших рядов отважного борца и авторитетного руководителя, до конца преданного коммуниста, секретаря комсомольской организации. Поклянемся отомстить за смерть своих товарищей.

Будем бить врага так же метко, как Громов. Сохраним же о нем светлую память в наших сердцах и понесем ее как знамя смертельной ненависти к врагу, как знамя окончательной победы над врагом.

Комсомольское собрание предлагает написать лозунг на одном из боевых самолетов: «Отомстим за товарища Громова!»

Голосовали молча. Молча и расходились. А через полчаса их машины уже выруливали на старт.

Я не позавидовал тем фашистским летчикам, которые встретятся им в этом полете...

Солнце палило немилосердно. Травы пожухли, и все поле подернулось пепельным белесым цветом.

Даже фюзеляжи самолетов, казалось, раскалились докрасна: дюраль жег пальцы.

Спасительная тень — только под крылом. Но разве под ним спрячешься, если ты не один, и не двое... Гимнастерки взмокли. На лицах — крупные капли пота.

— Пожалуй, начнем! — капитан Демидов жестом подзывает лейтенанта Нужина.— Давай карту.

Карту расстилают прямо на земле.

Летчики усаживаются кружком.

— Вот так орлы...— в голосе Демидова озабоченность.— Штурмовка на этот раз серьезная. Будем бить по кораблям в водах Дуная. Здесь и здесь...— Карандаш стремительно летает по карте.

— Что известно о зенитной обороне?

— У холмов — батарея. Это точно. Но точно и то, что такие «объекты», как Дунай, одной батареей не охраняются. Значит, встретим еще что-нибудь. Замаскированное, а потому, видимо, и не обнаруженное... Еще вопросы есть?

— Вопросы будут на месте.— Нужин поднимается с земли.— Только решать их придется самим.

— А ты с Гитлером посоветуйся. На крайний случай — с Герингом.

— Пробовал. Не соединяют. Обюрократились, сволочи. Я им лично «пожалуюсь». Когда в Берлин приду!

— Вот-вот. Наведи у них там порядок.

— Сегодня и начнем «наводить»...

Давыдов улыбнулся. Это хорошо, что у ребят перед полетом отличное настроение. А шутки? Это не беззаботность. Без шуток в их деле нельзя. Скорби на войне и так хватает.

— За штурмовики, хлопцы, головой отвечаете!

— А мы всегда головой отвечаем...

Вот тяжело нагруженные штурмовики поднялись в воздух. Через считанные секунды стартовали «яки». Построились в боевой ордер. Истребители на сей раз вели Локинский и Кологривов.

Под крылом блеснула широкая гладь Дуная. «Куда же делись корабли?» — озабоченно думает Локинский.

— Шеф, смотри — они у пирсов замаскировались! — в наушниках голос Кологривова.

Лакинский уже сам различает сторожевики, катера, баржи. Неуклюжим сундуком в них вклинилась землечерпалка.

— Начинайте!..

Первая волна штурмовиков проходит над кромкой берега.

И сразу — взрывы, огонь, дым.

— Следи за воздухом! — Локинский знает, что и Кологривову «не терпится». Но они договорились атаковать «по очереди». Конечно, ежели «мессеры» не появятся.

Три баржи пылают. Это поработали штурмовики Давыдова.

Локинский бьет по катеру. Тот вспыхивает костром.

Но в воздухе — гроздья огня: опомнившиеся фашистские зенитчики вступили в дело. Но ненадолго. Вот над их батареей взметнулись взрывы.

«Молодец Кологривов,— благодарно думает Лакинский.— В самое время ударил: вторая шестерка «илов», которую вел Нужин, уже заходит на цель».

Землечерпалка вдруг начинает чадить и через мгновение выбрасывает высокий сноп искр. Горящие катера расползаются по реке. С их бортов прыгают в воду солдаты.

— Кто атаковал катера? — не удерживается Локинский.— Отлично сработано!

— Молодежь! — В голосе ведущего — гордость: Сандбаталов, Еремин, Иванов...

— Пора домой...

— Вроде бы дело сделано...

Самолеты круто отворачивают от Дуная.

Нет безымянных штурмовиков. За ними — подвиг. За ними имена героев. Вот они: Локинский, Кологривов, Давыдов, Нужин, Иванов, Сандбаталов, Еремин, Новиков, Шакиров, Косихин, Дойников, Петрищев. И только еще начинающие свой ратный труд — Алексеев, Понамарев, Козлов. Это их работа: 2 БДБ были сильно повреждены, уничтожено до сотни вражеских солдат и офицеров. После первого же захода большой транспорт, стоявший в порту, катер и баржа врага были подожжены прямыми попаданиями бомб. На берегу вспыхнуло четыре больших пожара.

Так шла по земле наша месть. За товарищей, сгоревших в небе. За руины, оставшиеся за спиной, за развалины освобожденных городов. За безмерное горе народное...

Друзья комсорга Игоря Громова не бросали слов на ветер. Где бы ни проходили наши самолеты, они несли на крыльях своих возмездие.

ГДЕ ЗИМУЮТ РАКИ

Ведущий второй пары Николай Петров вышел из боя в самом его начале: пушечная очередь «мессера» распорола бензобаки, штурмовик вспыхнул как факел. К счастью, летчику удалось выброситься на парашюте. Впоследствии он рассказал:

— Прикрывали вы нас хорошо, сам видел! — Я не в счет. Таких штурмовок без потерь не бывает... Но я — о другом. Это был тот редкий случай, когда летчик с земли наблюдает за действиями своих же товарищей в воздухе.

— Но как же тебя не схватили? Ведь ты приземлился почти рядом с колонной, которую мы штурмовали?

— Просто повезло. У самой земли ветром меня снесло в кустарник. А гитлеровцам, сам понимаешь, было не до меня — каждый из них думал только о своей шкуре.— Они разбегались по кюветам и обочинам, падали и смотрели, естественно, в землю, а не по сторонам. Конечно, я был бы, мягко говоря, огорчен ежели бы они ринулись к кустам и напоролись на меня. Тогда бы пришлось прощаться с жизнью во второй раз. Но добежать до кустов у них просто не было времени. Мы, вернее вы,— поправился он,— уже утюжили дорогу. И тут было не до перебежек.

— А ты?

— А что я? В руках — пистолет. Не идти же с ним «помогать» штурмовикам. Что я с этой хлопушкой сделал бы? Ну — пристрелил бы одного немца. А второй меня тут же прихлопнул бы. Но и этого мне бы сделать не удалось: огонь с воздуха был убийствен. Все горело и летело к чертям. Сделай я десяток шагов — и оказался бы вместе с фашистами на том свете у врат господних.

— Ну и как все это выглядело?

— Бр-р! Не хочется вспоминать. Мороз — по коже. Вначале накрыли голову и хвост колонны. Машины — в щепки. А бронированные тягачи опрокинулись. Сразу — пробка. Немцам ни вперед, ни назад. Уцелевшие грузовики и легковушки через кюветы — в поле. А кювет глубокий. Половина транспорта забуксовала. Тут как раз вы во второй раз зашли...

Да... С воздуха мне такого не приходилось видеть. Все горит, рушится. В воздухе свистят и осколки, и щепа разбитых кузовов, и какие-то железки. В общем — концерт. Все залегли. Не разберешь, кто мертв, кто жив. Только один офицер минуты три стоял и все из пистолета в небо пулял.

— Для чего? — изумился я.— Не самолеты же он сбивать собрался.

— И я думал — для чего? Скорее всего рехнулся. Нервы сдали. Не отдавал себе отчета в действиях.

— Что же с ним было?

— Или пуля срезала или осколок. Подпрыгнул он както и бревном на землю...

— Как же тебе самому удалось уйти?

— А мне ничего и придумывать не пришлось. Только соизволили вы удалиться, поднялся такой ералаш, что тут не одного человека — роту бы не заметили. Те, кто остался в живых по шоссе и обочинам — на запад. Каким-то чудом уцелело два грузовика. Их так забили, что, думаю, развалятся по дороге. И все в страхе на небо оглядывались: не появитесь ли вы снова...

— Значит, неплохо поработали... Но все же как ты до нас добрался.

— Нормально. Теперь ведь не сорок первый! Пересидел для перестраховки с часок в кустах. Потом выполз — и на восток. Для предосторожности шел ночами. Наткнулся на крестьянина с лошадью. Вначале тот испугался, думал я — немец. Пришлось изъясняться на пальцах. Кое-как поняли друг друга. Подвез он меня, сколько мог. Днем отсиделся, а ночью — снова в путь. Так трое суток прошло. А потом увидел танки. «Не фашистские ли?» Пригляделся — наши Т-34!..

Лаконичные строки рапортов тех дней фиксировали и ярость и напряжение работы летчиков: «...В результате двух ударов уничтожено 2 орудия, 20 повозок с войсками и грузами, разрушено 2 блиндажа, вызвано несколько очагов пожаров и истреблено до 50 солдат и офицеров противника».

«...Истребители активно действовали на коммуникациях врага. 10 истребителей произвели бомбоштурмовой удар по скоплениям войск противника. На следующий день 22 истребителя с высоты 1500—2000 метров штурмовали войска и технику противника в районе Залакарь-Шаганы. В результате удара было уничтожено 17 автомашин, 60 повозок и более сотни солдат и офицеров».

«...Гвардейцы с бреющего полета один за другим неожиданно обрушили по вражескому буксиру ураганный огонь пушек и пулеметов... Подожженный меткими очередями буксир загорелся и врезался в берег».

Это только три «рядовых» штурмовки... А сколько их было!

Однажды разведчики вернулись с задания возмущенные и раздраженные:

— Мы ребят в боях теряем, а они там курорт устроили! Как будто и войны нет. Плавают, загорают...

— Кто курорт устроил? — удивился я.— Кто загорает?

— Немцы, товарищ командир.

— Какие немцы? Где?

— Самые обыкновенные... Мы прошли на бреющем — ноль внимания. Гогочут, веселятся, на лодках катаются. Судя по всему раков ловят, на прифронтовой речке. И на озерах, которые между морем и холмами...

Такое действительно «задевало за живое». Я подошел к карте.

— Покажите.

— Вот здесь.— Лейтенант очертил голубой виток реки.— И здесь.— Карандаш пометил синенькие кружки и овалы — озера.

— Сколько машин нужно, чтобы они прекратили ловить раков. И заодно показать, где эти раки зимуют?

— Звена три, думаем, будет достаточно.

— Добро! По самолетам!

Наши «яки» появились над головами гитлеровцев неожиданно — спикировали со стороны солнца.

Действительно, открывшаяся нам картина была воистину идиллической: кто-то размашисто плыл кролем. Кто-то отдыхал на спине. Солдаты брызгали и поливали друг друга водой. На берегу, прикрыв лица газетами, загорало десятка три человек. Обмундирование лежало рядом, на камнях. Словом — воскресный пляж курортного городка, да и только.

«Сейчас мы вам позагораем!»... И вот фонтанами вздыбилась вода. С треском разлетались и тонули лодки.

«Отдыхающих» с пляжа как ветром сдуло. Голые, метались они в ужасе по откосу, выискивая малейшие выемки в земле, чтобы укрыться от беспощадного огня, обрушившегося на них с неба.

В воде — сущее столпотворение: купающиеся спешат к берегу. Но редко кто до него дотягивает.

Один заход. Второй. Третий. Смотрю вниз — все кончено.

Повсюду — трупы солдат и офицеров. А если кто и уцелел — лежит недвижимо, боится пошевелиться.

Делаем последний заход. Уже, так сказать, «психический», почти над самой землей.

Теперь — можно домой. Не один десяток солдат не досчиталось в тот день гитлеровское командование.

НОЧЬЮ У КОМАНДИРА 13-Й...

Вы спросите — откуда я знаю эти подробности, описывая события, о которых речь пойдет ниже?

Все очень просто: даже в тех случаях, когда я не называю ни себя, ни летчиков нашего полка, мы не были сторонними наблюдателями этих событий. Наши «яки» шли рядом, сверху, снизу, на флангах атакующих армад.

И в день, когда военные объекты в Феодосии превратились в гигантский пылающий костер. И в черные часы Констанцы. И в кромешном аду, развернувшемся над Сулином, Акеерманом, Теплицем.

Как пишет гитлеровский генерал Манштейн в своей книге «Утерянные победы», Гитлер приказал, чего бы то ни стоило, удержать Крым в своих руках. «Противник,— заявил Гитлер,— не должен получить Крым, который он использует как плацдарм для действия русской авиации против румынских нефтяных промыслов».

Но мы использовали и Крым. И степи Одесщины. И до промыслов не только «дотянулись» — дошли «собственными персонами».

Командир 13-й авиадивизии Корзунов вызвал начальника политотдела полковника Борзенко и инженер-полковника Груздева в два часа ночи.

«С чего это такая спешка! — недоумевал Виктор Груздев, накидывая на плечи кожаную летную куртку.— Кажется, все идет нормально... А, может быть, что-нибудь случилось?.. Тревога уже начала закрадываться в его сердце.

Корзунов, кажется, спать вообще не ложился. Внешне он был прежним: густая копна волос, тонкое немного усталое лицо, глубоко запавшие глаза под густыми бровями. Он ходил взад-вперед по широкой горнице, машинально вертя в руках карандаш и, видимо, что-то мучительно обдумывая.

— По вашему приказанию...— начал было Груздев (Борзенко уже сидел у командира)...

— Отставить,— Корзунов махнул рукой.— Сейчас не до официальностей. Есть дела поважнее.

На столе у Корзунова лежала карта Черного моря.

— Садитесь, орлы! — командир жестом пригласил боевых помощников к карте.— Нужно кое-что обмозговать. И обмозговать серьезно.— Корзунов подошел к двери, поплотнее прикрыл ее и вернулся к столу.

С минуту командир молчал.

— Так вот, братцы, наступил момент, которого мы ждали почти всю войну. В 20-х числах августа 2-й и 3-й Украинские фронты перейдут в наступление. Это не простое наступление. Цели его колоссальны: разгром гитлеровской группировки «Южная Украина», полное освобождение не только Украины но и Молдавии. И более того — глубинное вторжение в саму Румынию. Нам поручено нанести удары по военным объектам в Сулине и Констанце...

Борзенко и Груздев сидели ошеломленные.

— Но Пе-2 туда и обратно не дотянут,— начал размышлять вслух Груздев.— Горючего не хватит...

То, что они не выражали восторгов по поводу только что услышанного, было естественным: у них был это своего рода «рабочий стиль»: радость — радостью, но нужно сразу, как любил говорить Корзунов, «брать быка за рога» и «обмозговать» дело.

— Ясно, что не дотянут. А нужно, чтобы дотянули. Это уже твоя забота! — Корзунов с улыбкой посмотрел на Груздева.

— Разве что дополнительные бензобаки поставить,— продолжал размышлять Груздев.

— Видишь, ты уже становишься рационализатором.— Корзунов засмеялся.— В общем, задача тебе ясна. Иди обмозговывай с ребятами. Помни одно — сроки... А мне с комиссаром еще нужно поговорить.

Когда Груздев вышел, Корзунов сел рядом с Борзенко:

— Вот какие дела, комиссар!.. Сам понимаешь — здесь одним бензином не обойдешься. За Груздева я спокоен. Его дьяволы, когда нужно, придумают что угодно. Да и летчики с курса не свернут. Сейчас они, извини за высокопарность, летят на крыльях Победы. Хоть до края света доберутся.— Он помолчал.— Но нам лишних жертв не нужно. Надо, чтобы люди и задание выполнили, и живыми на аэродром вернулись. С атакой Констанцы война не кончается. Нам каждый летчик дорог. По своей

линии я уже кое-что наметил.— Корзунов заглянул в блокнот.— Первое — проведем летно-тактические учения. Второе — каждый летчик должен наизусть знать план Констанцы и Сулины. Третье — разведка: мы до мелочей обязаны знать систему их противовоздушной обороны. Четвертое...— Корзунов перечислял пункт за пунктом, потом вдруг остановился и без всякого перехода сказал:

— Пожалуй, это самое главное наше с тобой партийное поручение, комиссар!.. И не только наше с тобой — каждого. Что думаешь делать?

— Всех политотдельцев завтра же — на аэродром. Чтобы с каждым человеком поговорили...

— Дельно! А кого пошлешь на основные аэродромы?

— Александра Макарова, Михаила Зубкова, Александра Кожевникова...— он долго перечислял имена и фамилии. Характеризовать их не было нужды: Корзунов отлично знал этих замечательных коммунистов. Их слову верили в частях, как слову партии.

В полках проведем партийные и комсомольские собрания...

— Это само-собой,— прервал его вдруг Корзунов.— А что, если еще и нам с тобой выступить с обращением к личному составу.

— Обязательно! — идея Борзенко понравилась.— Пусть до сердца каждого дойдет — в какой большой полет поднимает нас партия!

АРМАДА УХОДИТ ПО СТАРОМУ СЛЕДУ

В ночь на 20 августа Борзенко не спалось. Еще не взошло солнце, только дальний горизонт в степи полыхнул холодной полоской рассвета. Над землей сизыми хлопьями расползался тяжелый туман. «Э-э, черт! Все равно не засну!» — начальник политотдела поднялся, закурил и вышел на летное поле.

У крайнего Пе-2 заметил группу людей. «Не один я не сплю в эту ночь,— пронеслось в мозгу.— Хотя летчикам мы приказывали спать. Завтра у них тяжелая работа. Что они там делают?»

От фюзеляжа бомбардировщика отошел механик.

«Саша Иванов,— подумал Борзенко.— Точно, он...»

— Как, товарищ полковник? — спросил Иванов и кивнул в сторону самолета.

На борту машины еще не просохла белая масляная краска. «Вперед, за Родину!» — прочитал комиссар.

Пожалуй, впервые такая армада самолетов — 317 машин — работала по столь жестоко-четкому «графику».

Днем 19 августа содрогнулись от бомбовых ударов Сулина, Констанца и остров Фидониси. Пылали корабли у причалов сулинского порта, сам порт. Не успев взлететь, превратились в груду тлеющего лома «мессеры» на аэродромах, именовавшихся в гитлеровских документах как «щит Констанцы». Взлетели на воздух батареи острова Фидониси.

Фашисты в Сулине и Констанце, когда приблизилась ночь, думали, что эти удары — конец. Но они были только началом... 23-й Николаевский полк сменил 5-й гвардейский.

Командир 5-го гвардейского авиаполка Михаил Буркин через три дня рассказывал мне:

— Представляешь, тезка, что у нас творилось вечером! Честно говоря, работать мы привыкли в основном днем. Летчиков-ночников в полку раз-два, и обчелся. А летать — не ближний свет — в Констанцу. Ну, за «стариков» я был спокоен. Они на своем дальнем бомбардировщике Ил-4 ночью хоть до Америки долетят. И вдруг, представляешь, подходит ко мне вечером молоденький лейтенант Николай Гринин. Есть у нас такой. «Товарищ командир полка! Разрешите обратиться!» — «Разрешаю».— «Позвольте и мне ночью идти на Констанцу?» Обижать парня жалко: вижу, рвется в бой. Но и разрешить боязно: по моим сведениям Гринин ночью не летал. Как можно мягче я все это ему и объясняю. А он мне: «У вас неточные сведения, товарищ комполка».— «Как так?» — «Я на морском бомбардировщике ночью летал». Подумал я, подумал, решил — рискну.

— Ну и как?

— Вчера представил его к ордену Красной Звезды. Отлично поработал парень. Лез в самое пекло, бил хладнокровно, поразил все цели...

Над Констанцей плыло зарево. Огонь, казалось, испепелит все: и черную южную ночь, и тучи, спустившиеся на город. Горели нефтехранилища, огненный смерчь бушевал в порту и на железнодорожных ветках, забитых цистернами с горючим для самолетов и танков.

Метались по городу чины гестапо. Жандармерия пыталась согнать людей на пожар, чтобы хоть как-то приуменьшить размах катастрофически развивающихся событий.

Гитлеровцы даже в кошмарном сне не могли бы предугадать, что принесет им утро 20 августа. Для них это было действительно черное утро.

Едва забрезжил рассвет, над городом появилось десять бомбардировщиков 30-го авиаполка.

«Десять — не сотня!» — с облегчением вздохнули в штабе гитлеровской противовоздушной обороны Констанцы. Здесь не знали, что главной целью десятки было отвлечь внимание на себя.

Летчики мужественно шли на это, принимая на себя огонь всего, что только еще могло стрелять в городе и его окрестностях.

Заговорили сотни зенитных пулеметов и пушек. Из подземных ангаров выползали «мессеры». Муравейник зашевелился.

И тогда с неба пришел страшный, разящий удар, которому никто не мог бы ничего противопоставить.

На зенитные установки, ангары, взлетные полосы, командные пункты, узлы противовоздушной обороны обрушился бомбовый шквал. Его нанес подполковник Н. Мусатов со своими орлами из 13-го гвардейского бомбардировочного.

Помешать подполковнику «пощекотать нервы Гитлеру», как он выразился перед полетом, было довольно трудно: с неба его надежно прикрывали истребители 11-го гвардейского полка. Истребители не подпустили к бомбардировщикам ни одного «мессера».

Здесь наступил и мой час...

Сегодня можно раскрыть то, что когда-то спутало все карты противнику. Собственно, Мусатов и Денисов со своими ребятами только пробивали путь главной армаде возмездия — авиадивизии И. Е. Корзунова: пятьдесят девять Пе-2, сопровождаемые двумя истребительными

гвардейскими полками 6-м и 43-м, наносили, по замыслу операции, главный, решающий удар.

Вы заметили, читатель, какими цифрами я уже здесь оперирую? Разве могли мы мечтать хоть о чем-либо подобном в 1941-м или в 1942-м? Советская страна выковала свои могучие авиационные крылья!

Накануне у меня произошел памятный и радостный для меня разговор с Корзуновым:

— Я веду главные силы удара,— как приказ чеканил Иван Егорович.— В Констанце не заблужусь: как-никак бомбил ее в первые сутки войны.

— Много вас было?

— Что ты? Всего четверка скоростных бомбардировщиков СБ. Да и сам я был тогда всего командиром звена. Сегодня — другие масштабы. Но в такой сложнейшей операции все нужно рассчитать до мелочей. Ничего не забыть, ничего не упустить. Мы долго колдовали над картами.

— Одним словом,— закончил Корзунов,— распределяем роли так: мою ты знаешь. Твоя же — особая. Ты берешь свой полк. Назовем его «группой расчистки воздуха». Цель — сковать любые силы истребителей противника, если они появятся над Констанцей. Словом — ты головой отвечаешь за каждый Пе-2. Чтобы ни одна сволочь не могла сунуться к бомбардировщикам.

Когда наши «яки» оторвались от аэродрома и взяли курс на Румынию, на душе у меня было тревожно: черт его знает, сколько «мессеров» встретит нас в небе над Констанцей. И как сделать так, чтобы ни один из них не смог дотянуться до машин Корзунова.

58 Пе-2 должны были работать спокойно. Если слово «спокойно» вообще употребимо применительно к войне...

Я вспомнил тогда другой полет. Трагичный и героический. 1943 год. Гитлеровцы — на Кубани, на Северном Кавказе.

И вдруг — как часто на войне бывает это «вдруг»! — донесение разведки: в Констанце сосредоточилось множество транспортов и кораблей противника.

Тогда машину на Констанцу вел мой друг — Герой Советского Союза Ефремов.

Я со своими ребятами прикрывал с воздуха его торпедоносцы.

Был солнечный день. В Констанце никому в голову не

могло прийти, что над городом могут появиться советские самолеты. И действительно, откуда им появиться?! Советские армии где-то там, на Кавказе...

Удар наносили с бреющего, с 30 метров. Два миноносца сразу пошли ко дну.

Тогда в шлемофонах раздался тихий голос Михаила Бензоношвили:

— Я горю. Прощайте, друзья!

Михаил вывел подбитый зенитками, пылающий самолет из разворота и направил его на бензобаки.

Страшный взрыв даже наши атакующие машины швырнул в сторону.

И еще было в том полете: у штурмана Клюшкина осколком был поврежден правый глаз.

Левой рукой он зажал кровоточащую глазницу, а правой вел штурманскую прокладку.

— И вот — мы шли по старому следу...

КОНСТАНЦА В ОГНЕ

Пламя и дым закрыли небо Констанцы.

Камнем срывается с неба первая шестерка пикировщиков. Сейчас, конечно, невозможно рассмотреть, кто из знакомых ребят сидит в кабинах. Знаю только — головную машину ведут сам командир полка, мой друг Степан Кирьянов, и штурман Лаврентий Салата.

Но что за цель они выбрали?

Ясно! На водной глади хорошо различим миноносец. Он ведет яростный огонь по пикирующим самолетам. С борта корабля тянутся к машинам красные, зеленые, желтые трассы. В каждой — смерть. Бьет, кажется, даже главный калибр.

Молодец Степан! Ни один самолет из его шестерки с курса не сворачивает. Лезут в самое пекло. Словно застрахованы от лобового удара. Случись попадание — из пике самолет уже не выведешь. Врежешься в воду.

Трудно рассмотреть все сразу, но все же главное видно: вроде бы операция развивается по плану: Пе-2 перестраиваются в колонну шестерки. Разделяются. Все так

и задумано — удар по базе будет нанесен с двух направлений.

Передано своим ребятам по радио:

— Быть особенно внимательными! В таком аду «мессерам» ничего не стоит подкрасться незамеченными...

«Накаркал»! — Прямо из сизой мглы вываливаются четыре немецких истребителя.

— Немцы! — кричу в микрофон, лихорадочно думая, как их не подпустить к пикировщикам. Но уже вижу — реакция ребят молниеносна: четыре «яка» уже отвалили наперерез «мессерам», отсекающих от атакующих бомбардировщиков.

— Прикрывай! — кричу ведомому.— Атакую их ведущего...

Знаю — немцы не любят лобовых атак: иду в лоб!

Что-то бьет по плоскости, «як» вздрагивает, а «мессер» в последнюю секунду отваливает.

Только на мгновение вижу в прицеле его брюхо. Рука машинально нажимает гашетку. Ура! Зачадил, подлец!..

Снова бросаю машину в атаку.

Нет, стрелять уже нет необходимости. «Мессер» с ревом удирает с поля боя. Но вряд ли дотянет до своих: слишком густой шлейф дыма тянется за истребителем.

Тревожно оглядываюсь — где же остальные.

Немыслимая карусель в воздухе кончилась.

— Смылись, товарищ командир,— слышу в наушниках насмешливый голос Саши Волкова.

— Куда?

— А бог их знает куда... Совсем смылись. Один, кажется, подбит. Чадил...

— Молодцы, ребята! — и тут же спохватываюсь: сейчас не до похвал. И уже строго добавляю: внимательно следить за воздухом...

Небо над Констанцей было уже целиком нашим. Ни один «мессер» не рискнул больше появиться над городом. Значит, «группа расчистки воздуха» задание выполнила.

На войне случается самое невероятное. Расскажи — не поверят. Но здесь, в Констанце, слишком многие были свидетелями удачи воистину необыкновенной.

Когда я заложил вираж и снова мельком взглянул на миноносец, вначале не понял, что с ним происходит: па-

луба его была вроде бы цела, а из бортов вылетало пламя.

Только позднее все прояснилось: надо же было случиться такому — бомба попала прямо в трубу эсминца и благополучно «проследовала» в котельное отделение. Там и взорвалась. Вот почему так необычно чадил этот корабль.

Никто, понятно, на такую «точность» бомбометания не претендовал, но что было, то было.

На крутом повороте снова успеваю мельком взглянуть на бухту. Пламя и дым окутали крейсер «Дачка».

Молодцы ребята! Только позднее, на аэродроме, я узнал, что это была работа пикировщика Анатолия Бриллиантова.

Отбомбившись, пикировщики стали уходить к морю. Но я знал — это еще не конец.

Так и есть. Бросаем истребители в высоту. Видим — к Констанце подходит 29-й авиаполк под командованием Алексея Цецорина.

Сейчас все начнется сначала...

Когда наш полк вышел к морю, сердце сжалось от боли: один из бомбардировщиков Пе-2 судорожно пытался набрать высоту. Но у экипажа, видимо, ничего не получалось. Самолет явно был подбит.

Прошли какие-то секунды и, подняв к небу касады брызг, П-2 сел на воду.

Мы барражировали над местом катастрофы. Вдруг кому-нибудь из экипажа удастся спастись.

И действительно, машина держится на воде, а на крыле ее — люди.

— Следить за воздухом. Не подпускать противника,— приказал я.

А горючего уже оставалось буквально в обрез.

Мы облегченно вздохнули, когда увидели, что ребята успешно добираются до берега.

Вот они укрылись в камышах.

Позднее мы узнали, что летчики благополучно ушли от противника...

К ночи из штаба ВВС ушла в Москву шифровка: «Задание выполнено. Выведен из строя судоремонтный завод. По предварительным данным потоплено свыше тридцати кораблей противника. Сожжены склады боеприпасов и бензохранилища...»

6 Зак. 1992

ЕЩЕ ЧУТЬ-ЧУТЬ...

Звонок командующего ВВС Черноморского флота генерала Ермаченкова меня озадачил:

— Михаил Васильевич! К утру 25 августа подготовьте два «яка». Полетим вместе с вами вдвоем на разведку гитлеровских аэродромов, расположенных в Румынии.

Я опешил:

— Как вдвоем, товарищ командующий?! Мы такую разведку и своими силами можем сделать. А лично вам-то зачем лететь? Тем более вдвоем. Нарвемся на «мессера». За себя не беспокоюсь,— тут же уточнил я,— но вы же командующий...

— Хочу все посмотреть сам.

Я действительно волновался. На войне бывает всякое. Не хватало еще, чтобы на моих глазах сбили моего же командующего. Бой есть бой. Тем более, если вдруг нас атакуют, скажем, десяток «мессеров».

— Тогда, может быть, взять группу сопровождения?

— Это ни к чему,— отрезал Ермаченков.— Какая же разведка скопом. Ты еще весь полк подними! А вдвоем все сделаем аккуратно.

Я знал личную храбрость Василия Васильевича, но так и остался при своем мнении: риск неоправдан.

Но приказ есть приказ: его нужно выполнять.

Двадцать пятого Ермаченков прибыл на аэродром:

— Я буду ведущим. Ты — прикрывающим.

— Может быть, все же возьмем хотя бы шестерку сопровождения,— не унимался я.

— Нет.

— А если — бой.

— А у нас задача иная. Наша цель — разведка. Отобьемся... Дадим полный газ — и домой.

— Ну что же,— вздохнул я,— тогда летим.

— А ты не вздыхай, Михаил Васильевич,— Ермаченков похлопал меня по плечу.— Всю ответственность я беру на себя...

Над линией фронта нас обстреляли. Правда, огонь был не очень сильным и прицельным. Только один раз немного тряхнуло машину командующего.

Что я пережил в этот момент — лучше не вспоминать.

Летим в глубь вражеской территории. До боли в глазах всматриваюсь в небо: не дай бог «мессеры». А я за командующего головой отвечаю. И еще более утверждаюсь в личном мнении: делаем глупость. Чтобы наблюдать за обстановкой в воздухе слева, справа, вверху впереди и сзади по курсу, двух моих глаз явно маловато.

После полета у меня болела шея — извертелся до чертиков.

На солнечной стороне замечаю группу самолетов. Дождались! Хочу уже радировать генералу и облегченно вздыхаю: узнаю «яки». Наверное, из соседнего полка.

На бреющем проходим над аэродромами противника...

Теперь можно возвращаться.

Как мы перелетели линию фронта, как сели — помню смутно: нервы — на пределе. Ни в одном бою такого не чувствовал.

Подходит улыбающийся Ермаченков:

— Я же говорил, что все будет в порядке. Кстати, заметил,— он наклонился ко мне.— Аэродромы-то почти пустые. Значит, немцы стягивают авиацию в Германию... А это что такое? — неожиданно спрашивает генерал, показывая рукой на взлетное поле.

Смотрю — на посадку идут «яки».

— Откуда?

— Не знаю, товарищ генерал... Сейчас спрошу у начальника штаба Локинского.

И тут меня осенило: так вот чьи «яки» я заметил в нашем рейсе на солнечной стороне.

— На какое задание летали?

Ермаченков подходит, хитровато улыбается.

Локинский минуту мнется, потом безнадежно машет рукой:

— Ладно, все равно узнаете... Я слышал, товарищ командир полка, ваш разговор с командующим... И на свою ответственность решил вас подстраховать. Вы же знаете повадки гитлеровцев: любят нападать из-за угла, скопом на одиночные самолеты... Вот и послал группу сопровождения... Часть первой эскадрильи под командованием капитана Гриба...

Ермаченков побагровел, потом вдруг расхохотался:

— Вот провели, черти! Ну ладно, за заботу спасибо!..— он крепко пожал руку Локинскому.

24 августа королевская Румыния вышла из фашистского блока. Утром мне стала ясна цель нашей с Ермаченковым разведки: огромные силы нашей авиации готовились перебазироваться на румынские аэродромы.

Удары авиации Черноморского флота сломили основные силы противника на побережье.

Войска 3-го Украинского фронта входили в Румынию. Да румынские солдаты и не хотели воевать с нами.

В те дни начальника штаба Локинского вызвал командующий:

— Настроение в румынских войсках,— сказал он,— в нашу пользу. Попробуйте, используя это обстоятельство, своими силами занять аэропорт Констанцы и аэродром Мамая.

— Попробуем...

На Констанцу пошли с группой машин Локинский и Гриб. Подошли к городу на самой малой высоте. С земли — ни одного выстрела.

— Ну и дела...— протянул Гриб.— Словно война кончилась.

— Ты о чем? — спросил по радио ведомый.

— С Констанцей, кажется, все в порядке. Разведаем аэродром Мамая. Там все же авиационная школа базируется. Посмотрим, как нас там встретят...

Гриб не знал — кто в Мамае: румыны или гитлеровцы. На всякий случай в багажник каждого самолета комэск еще на своем аэродроме посадил по автоматчику. Это были наши же мотористы. Мало ли что могло произойти на незнакомой земле. Да еще за линией фронта.

И вот под крылом — Мамай.

— Я иду на посадку. Разведаю, что и как. Остальным — прикрывать с воздуха,— передал по радио Гриб и выпустил шасси машины.

Сели. Автоматчики наготове. Медленно тянутся минуты томительного ожидания. Но вот из здания выходит человек, идет к самолету.

— Позвольте представиться — подполковник румынских ВВС, начальник школы.

— Очень приятно,— Гриб спрыгнул на землю.

Подошла группа летчиков-румын.

Короткие переговоры, и все становится ясным: нас встречают как друзей.

Гриб машет рукой. «Яки» идут на посадку.

Начальник штаба Локинский оценил обстановку на аэродроме с воздуха и, убедившись, что все в порядке, возвратился назад, доложив мне о выполнении задания командующего.

На другой день — 30 августа — весь наш полк перелетел на аэродром Мамай.

Это был первый полет за всю войну, когда мы знали, что нас встретят не огнем, а дружественными улыбками.

В Румынии стояла золотая осень. Тихая и ясная. По утрам сквозь туманную дымку сиреневым силуэтом виднелась Констанца. Над ней уже не было ни черных клубов дыма, ни пожарищ, ни взрывов зенитных снарядов. Тогда мы впервые почувствовали, что война все же идет к концу.

А через несколько дней — снова в бой. Теперь уже — в болгарском небе. За освобождение Варны и Бургаса. Здесь и закончилась для летчиков нашего полка и для меня война.

Страшная война, взявшая столько дорогих жизней. Но без них — не было бы этого конца...

Да, для одних из нас война завершилась раньше, для других позже. На Дунае и над Веной завершился боевой путь хорошего моего друга, Героя Советского Союза Ивана Тимофеевича Марченко. В аттестации, данной ему командованием, говорилось: «165 воздушных разведок провел морской летчик за годы войны, сбил 7 вражеских самолетов, уничтожил десятки танков, автомашин, повозок с военным имуществом».

Уже близко было время послевоенной тишины, когда из Вены пришло к нам письмо Ивана Тимофеевича: «Дорогие друзья-черноморцы, боевые соратники! Отсюда, из далекой Вены — столицы Австрии, пишу я это письмо... Уже далеко ушли бои. Радуется сердце, что мы находимся здесь в действующей флотилии. Но в то же время скучаем по родной стороне. Мне хочется написать вам, дорогие друзья-черноморцы, чтобы вы каждую минуту учебно-боевой подготовки использовали для дальнейшего совершенствования своего мастерства.

Не думайте, что враг стал слабее сопротивляться, что он бежит с поля боя и что можно почивать на лаврах. Нисколько! Крепче учитесь, овладевайте опытом прошедших боев, учитесь воевать над морем. Тесно взаимодействуйте с кораблями родного Черноморского флота.

Смею заверить вас, дорогие друзья, что мы, участвовавшие в сражениях за освобождение Кавказа, Крыма, очищение от врага Румынии и Болгарии, не посрамим чести авиации Черноморского флота...»

И мы не посрамим этой чести.

ЯЛТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Каких только заданий не выполняли во время войны летчики нашего полка. Но то, что им поручалось сейчас, по ответственности, которая ложилась на плечи каждого летчика, не было сравнимо ни с чем...

В самом начале разговора командующий ВВС, оглядев всех присутствующих, строго предупредил:

— Все, что я скажу сейчас — важнейшая государственная тайна. И вы головой отвечаете за ее сохранность. Ни один человек, не привлеченный к операции, ничего не должен знать и ни о чем не догадываться...

Вступление не сулило ничего доброго.

— На днях в Крыму, в Ялте, соберется конференция глав трех союзных держав... На ней будут присутствовать Сталин, Рузвельт, Черчилль. Не нужно вам пояснять, какое значение имеет эта конференция!

Командующий с минуту помолчал.

— Не исключено, что гитлеровской разведке что-то станет известно. А от фашистов можно ждать любых пакостей. Словом, вы должны обеспечить нормальную работу Ялтинской конференции, «прикрыть» ее с воздуха. Ни один немецкий самолет не может в дни работы конференции появиться над Крымом... Задача ясна?

Нужно ли было о чем-то спрашивать. Каждый командир отлично понимал, какая огромная ответственность ложится с этой минуты на каждого из них.

Перед тем как две эскадрильи «яков» перелетели по приказу на мыс Херсонес, чтобы прикрывать работу конференции с моря, летчики успели познакомиться со своими американскими и английскими коллегами, прибывшими на один из крымских аэродромов.

Василия Гусакова и его товарищей пригласили к зарубежным машинам.

В конце летного поля стояла английская эскадра «Москито». Напротив — американские «Лайтинги».

Четырехмоторный пассажирский самолет, на котором прилетел Рузвельт, находился в середине своей эскадры. Точно такое же положение занимала машина Черчилля.

— Стоят,— подмигнул Кологривов Гусакову.

— Стоят...

Рассмеялись.

Только они знали, что кроется за этим словом — «стоят».

Дело в том, что летчики союзников с первого дня пребывания на советском аэродроме начали ранние утренние тренировки.

Тренировались бы над аэродромом — бог с ними, кто бы им стал мешать? Вся беда в том, что тяжелые машины, все расширяя и расширяя радиус полета, почти на бреющем носились над крышами домов окрестных городов и сел.

В окнах дрожали стекла. Никто не мог буквально найти себе места: полеты начинались чуть свет и нередко затягивались до глубокой ночи.

Стали искать «дипломатический» выход. Нашел его командующий ВВС Черноморского флота генерал Ермаченков.

Днем он вызвал командира полка к себе:

— Видишь, что делается,— кивнул он в сторону окна, за которым слышался рев стартующих и садящихся тяжелых машин.— Людям — ни сна, ни покоя. Надо с этим както «дипломатично» кончать. И я вот что надумал. Подними-ка ты во время этих полетов пару своих ястребков и «покажи» союзникам сверхнаивысший пилотаж. Так сказать, в порядке «обмена опытом».

— Удобно ли, товарищ генерал,— еще какие-нибудь осложнения в «высших сферах» получатся...

— Причем тут «высшие сферы»?! Действуй!

— Есть!

Высокая «честь» показать союзникам «сверхнаивысший» пилотаж выпала на долю Кологривова, Гусакова и Степана Петрова.

Едва забрезжил рассвет и на союзных самолетах начали прогревать моторы, над аэродромом вихрем на бреющем полете понеслась тройка «яков».

Точно над летным полем они сделали петлю, выпустили шасси и с ходу произвели посадку недалеко от английских и американских машин.

К летчикам подошел Ермаченков:

— Задание понятно?

— Да.

— Отлично! Действуйте. Самолетов не жалеть. Покажите, на что вы способны.

— Есть, «не жалеть самолетов»!..

Пока Кологривов, Гусаков и Петров находились на земле, к ним началось паломничество союзных летчиков. Они с любопытством рассматривали «яки». Градом сыпались вопросы.

— Какая маневренность?

— Вооружение?

— Какой самолет лучше: Як-3 или Ме-109?

— Смогли бы вы летать на наших машинах?

Ответы явно нравились:

— Лучше Як-3 сейчас истребителей нет.

— На ваших машинах можем лететь хоть сейчас.

— А смогли бы вы провести с нами условный воздушный бой?

— Хоть сию минуту.

— Но у нас тяжелые машины. Мы будем поставлены в невыгодное положение.

— Изменим соотношение сил. Против одного «яка» выставляйте четыре самых лучших ваших машины. Впрочем, мы принимаем любые ваши условия.

Вопросов больше не было...

Назавтра с самого утра летчики и техники с «Москито» и «Лайтингов» расположились у своих машин. Все с интересом ожидали «представления».

Кологривов и Гусаков договорились: пилотировать прямо над самолетами союзников, выходить из фигур на высоте 50—100 метров, взлетать — между рядами машин англичан и американцев.

Гусаков взлетел, набрал скорость, зашел точно вдоль

стенки «Москито» и «Лайтингов» и на высоте всего 50 метров начал головокружительный высший пилотаж.

Петля, иммельман с полуторной бочкой, переворот, ранверсман, восходящий штопор, обычный штопор, боевой разворот — подчас Василию казалось, что от таких перегрузок «як» вот-вот развалится. Он воистину «не жалел» самолета.

То же самое проделывает Кологривов. Он идет в «атаку»: на высоте 400 метров — глубокий вираж. С плоскостей и стабилизатора срываются дымчатые струи разорванного воздуха. И сразу — шесть бочек подряд.

На земле творилось что-то невообразимое: вверх летели шапки, шлемы. Союзные пилоты свистели (они так выражают свой восторг), хлопали, орали...

Командующий поздравил летчиков:

— Спасибо. Теперь они утихомирятся. Ведь у них был один аргумент: мы отрабатываем технику пилотирования. После сегодняшнего...— Ермаченков улыбнулся,— вряд ли они столь рьяно будут демонстрировать эту «технику»...

Так все и случилось: на аэродроме установился порядок. Полеты союзных машин стали проходить по заранее разработанным маршрутам и в определенное время.

А над Ялтой и вокруг нее непрерывно патрулировали наши «яки».

Все было продумано до мелочей.

Созданный полком воздушный щит был абсолютно непробиваем для любой армады самолетов противника.

Ялтинская конференция была прикрыта с воздуха абсолютно надежно.

А в те мгновения, когда «яки» прикрывали Ялту с воздуха, в Ливадийском дворце Рузвельт попросил Сталина рассказать о положении на советско-германском фронте, сложившемся к тому времени.

Сталин предложил заместителю начальника Генерального штаба Красной Армии генералу армии Антонову удовлетворить любопытство союзников.

Антонов с гордостью докладывал:

— К 1 февраля, то есть за 18 дней наступления, советские войска на направлении главного удара продвину-

лись до 500 километров. Таким образом, средний темп продвижения был 25—30 километров в сутки.

Советские войска вышли на Одер, на участке от Кюстрин (севернее Франкфурта) и южнее, и овладели Силезским промышленным районом.

Перерезаны основные пути, связывающие восточнопрусскую группировку противника с центральными районами Германии.

Таким образом, кроме Курляндской группировки (26 дивизий), изолирована группировка противника в Восточной Пруссии (до 27 дивизий); окружены и уничтожаются ряд отдельных группировок немцев (в районе Лодзи, Торна, Познани, Шнейдюмюля и других общей численностью до 15 дивизий).

Прорваны сильные долговременного типа оборонительные позиции немцев в Восточной Пруссии —на Кенигсбергском и Летценском направлениях.

Разгромлено 45 дивизий немцев, причем противник понес потери: пленными — около 100 000 человек, убитыми — около 300 000 человек. Всего — до 400 000 человек...

Черчилль слушал, хмуро насупившись. Почему-то после доклада Антонова настроение у него явно испортилось.

И вот пришло оно — долгожданное мирное, спокойное время.

Но не для меня. Я оставался в армии. Закончил Академию генерального штаба, был на различных командных должностях в Военно-Воздушных Силах.

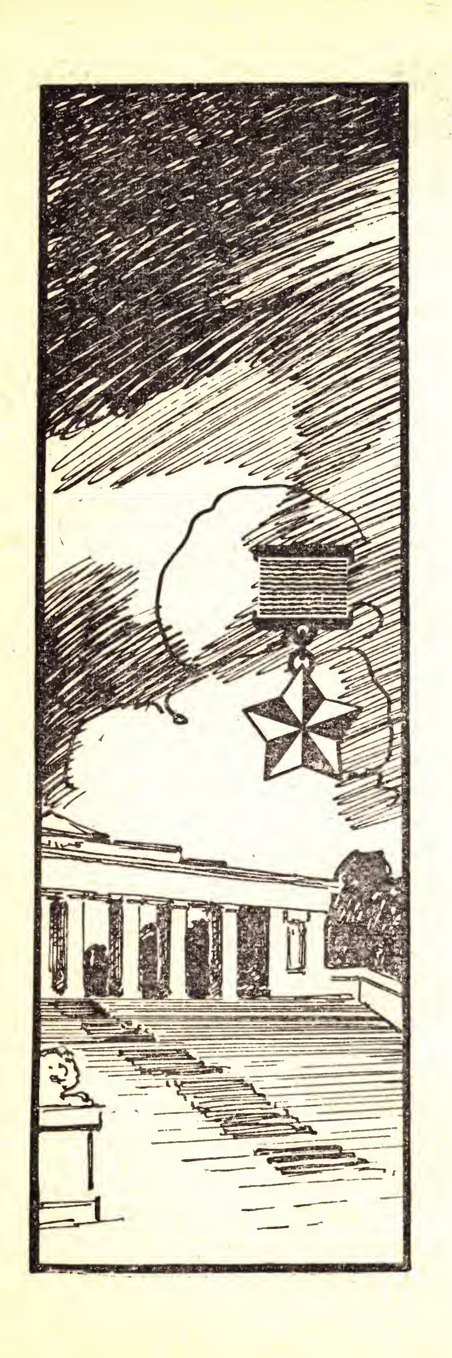
За свою жизнь я летал на 35 типах самолетов. Начал с машин, имевших скорость до 100 километров в час, кончил на реактивных со скоростью в 2400 км в час и высотой в 22 000 метров.

Но это уже была другая жизнь.

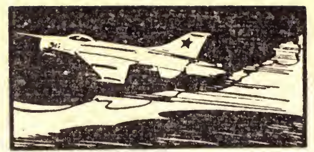
Жизнь за тем огненным рубежом, который означала наша великая Победа над фашизмом.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

ВЫСОТА ● КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН ИЛИ РАЗДУМЬЯ, ЗАВЕРШАЮЩИЕ НАШ РАССКАЗ

ВЫСОТА

Если бы судьба снова даровала мне молодость и поставила передо мной выбор, я, не задумываясь, вновь стал бы летчиком.

И совсем не потому, что эта профессия для меня лучше любой другой.

Это — как первая любовь, которая никогда не тускнеет.

Кто хоть единожды испытал счастье огромных скоростей, высокого неба, счастье воздушных схваток, где секунды решают победу или поражение, тот никогда этого не забудет.

Могут сказать — это героическая профессия. Но разве солдат, идущий с гранатой на танк,— менее герой. Или матрос из морской пехоты, дравшийся до последнего патрона под Одессой или Севастополем?

Нет, понятие летчик, как и рядовой солдат, прежде всего означает работу.

Да, советская авиация неплохо поработала в Великой Отечественной войне. За годы ее наши летчики совершили около четырех миллионов самолето-вылетов. Из 110 тысяч самолетов, потерянных гитлеровской Германией и ее европейскими союзниками, только советские летчики уничтожили 55 тысяч.

Трудно перечислить всех героев, все подвиги воздушных витязей: героизм в годы войны был массовым. Ведь только среди воинов-авиаторов более 200 тысяч человек удостоились правительственных наград, а 2420 из них стали Героями Советского Союза.

Но ни один из них, идя на подвиг, не думал о славе. Мы вершили общее ратное дело народа и счастливы, что Победа сложилась и из наших усилий.

Но все же, что такое подвиг?

Недавно я получил письмо от одного из читателей, рабочего Магнитки Алексея Строганова: «...Я понимаю, что вы и ваши товарищи жили самоотречением. Но тогда была война, и кто думал тогда о личном! Все было подчинено одной цели — победить! Победить во что бы то ни стало.

А сейчас — мирные дни. Мне уже скоро тридцать. А какой подвиг можно совершить в эти годы? Когда станешь более зрелым, может быть, тебе поручат и более ответственные дела. А до тридцати — личность только формируется...»

«Это в тридцать-то лет личность только формируется!» — рассердился я... Хотелось сослаться на общеизвестные примеры. Гайдар, Зоя Космодемьянская, Виталий Бонивур, краснодонцы, Стаханов, Хетагурова, Мамлакат... Сотни подвигов, совершенных юными, молодыми в бою и труде!

Но я — летчик. Думаю, что этой книгой я по-существу ответил на вопрос Алексея: ведь всем, о ком я здесь рассказал, было далеко до тридцати и лишь единицы «перевалили» за этот возраст.

И все же я расскажу еще об одном парне. В его анкете было записано: «Фамилия — Фрунзе. Имя — Тимур, год рождения — 1923. Время вступления в комсомол — 1938». Только и всего.

Дело, Алексей, не в возрасте!

Суть в том, какую цель ставит перед собой человек в жизни и как упорно ее добивается.

В сентябре 1941 года он окончил с отличием Качинскую Краснознаменную военную авиационную школу им. Мясникова.

Я чуть-чуть не застал Тимура, когда мы привели наши «яки» к Каче. Но о подвиге его знал каждый в нашем полку.

Здесь мне хочется перейти на язык документов. Чтобы никто не мог сказать, что я чего-то приукрасил или преувеличил.

«Эх, Климент Ефремович,— писал в 1940 году Тимур другу отца К. Е. Ворошилову,— если бы я только мог описать Вам, какое у меня было ощущение, когда я в первый раз поднялся в воздух! Какая уж там артиллерия! Теперь я уже имею 2 ч 44 мин. налета (с инструктором, конечно). Инструктор у нас замечательный. Лейтенант Коршунов. Он окончил Качу отличником и имеет уже три выпуска.

Вот обидно до смерти: самый разгар полетов — и проклятый выходной день! А завтра новая неприятность — вся эскадрилья летает, а у нашей группы теоретические занятия. А летать убийственно хочется! Обидно.

А вообще я страшно доволен. Учеба, даже теоретическая, очень интересная».

«Теперь имею восемь самостоятельных полетов... Обучение поставлено и обеспечено всем необходимым отлично. Так что, нечего уж тут говорить — все в наших руках. Но пока с учебой все в порядке. Хотя нельзя и сказать, что теория, которую нам преподают,— пустяк. Программа хоть и сжата, но по объему не уступит ни одной программе любого авиационного училища. По крайней мере, все необходимые предметы здесь проходят основательно и подробно. Однако, признаться, думал я, что намного легче будет. Дело не в том, что предметы трудно даются, а в нехватке времени. Буквально каждую минуту приходится использовать и не просто использовать, но стараться как можно рациональнее использовать. Крутишься, крутишься, еле поспеваешь. Однако теперь я уже настолько втянулся, что успеваю выделять ежедневно по 15—20 минут: решил заняться французским языком, чтобы не забыть».

И далее: «Народ в школе замечательный. Ребята простые, веселые, жизнерадостные. Вообще народ лихой, боевой. Короче говоря, мне мое окружение по душе...

К великой нашей радости, наша школа отныне не выпускает больше летчиков ни на И-15, ни на «чайках». Обучение теперь будет производиться исключительно на И-16. Вообще сам самолет И-16 с первых же дней нравился мне во всех отношениях гораздо больше самолета И-15. А главное, что этот самолет не допускает никаких вольностей в обучении, очень строгая машина, можно даже сказать, несколько трудная машина. Как говорит наш ген. майор т. Туржанский: «Требует обращения только на Вы».

Другое письмо: «Вы спрашиваете меня о настроении? На это могу ответить твердо, что настроение превосходное, ибо с каждым днем становлюсь все более и более уверен, что с моей профессией не сравнится ни одна другая военная профессия».

Третье, связанное с началом войны: «Летный курс обучения теперь расширен, введены полеты строем, воздушная стрельба и воздушный бой. Надеемся, что теперь нас сразу же отправят на фронт, а не куда-нибудь «тренироваться»... Я серьезно более всего теперь опа-

саюсь, что, когда я закончу школу, попаду под опеку каких-нибудь начальников и, чего доброго, с полгода проторчу, «осваивая материальную часть» или под каким-нибудь другим предлогом».

Училище окончено с отличием. Аттестация командования: «Предан делу партии и социалистической Родине. Политически и морально устойчив. Умеет хранить военную тайну. Общее развитие отличное. Политически развит хорошо. Много работает над повышением своих теоретических знаний в области военной литературы и иностранных языков. С товарищами общителен. Пользуется среди них авторитетом. Физическое развитие отличное. Вежлив в обращении. Предупредителен. Энергичен, решителен, инициативен, настойчив и непоколебим в проведении в жизнь своих решений.

Летную программу усваивал хорошо, закрепляя отлично. В летной подготовке наблюдалась переоценка своих сил в овладении самолетом. Не боится делать любые эксперименты на самолете и не прочь выполнить что-нибудь неположенное. Был случай перевыполнения задания в зоне, за что отстранялся от полетов. После этого летал нормально.

За время обучения летному делу оказалось, что ему необходим строгий контроль по технике пилотирования. Зачет по теории и летной практике сдал отлично.

Кадрам ВВС соответствует с использованием летчиком-истребителем в частях ВВС КА с присвоением звания «лейтенант».

Сам К. Е. Ворошилов об этих днях, последовавших за окончанием Тимуром училища, рассказывал: «Вспоминаю эпизод из жизни Тимура, который я не могу забыть. Когда началась война и Тимур уже окончил Качинское военное училище летчиков, я встретил его, повзрослевшего, в Куйбышеве, куда в то время были переведены многие правительственные учреждения. Встреча была приятно трогательной. Он кратко сообщил об окончании летной школы и сказал, что направляется теперь в штаб ВВС для распределения, т. е. для назначения в действующие войсковые части. Через несколько дней самолетом отправились в Москву. Летели вместе, и он всю дорогу вел разговор об одном: просил меня, чтобы я помог ему побыстрее отправиться на фронт...

После этого Тимур, не получая назначения по службе,

несколько раз заходил ко мне и, несмотря на мою занятость, заводил речь все об одном и том же — об ускорении отправки его в действующую часть. Я пообещал выяснить этот вопрос, помочь ему, звонил по телефону кое-кому из его начальства, но как-то в текучке различных дел вопрос затянулся. Тимур не переставал напоминать мне о своей просьбе, но теперь он был уже возбужден и нервничал...»

— Вы, Климент Ефремович, очевидно, мне не доверяете? Но вы же хорошо знали моего отца, я во всем хочу походить на него. Я буду бить врагов умело, беспощадно, собственной жизни я жалеть не стану. Поскорее, пожалуйста, устройте отправку меня на фронт.

Мне стало жаль Тимура, я успокоил его, как мог, и сказал, что позвоню еще и еще раз кому следует...

— Позвоните, пожалуйста, Климент Ефремович, только поскорее. Я, знаете, боюсь, что война может в любой момент кончиться, и это произойдет без моего участия, без моего личного, хотя бы одного воздушного огневого удара по фашистским выродкам, по этому подлому врагу нашей Родины, нашего народа.

— Бояться внезапного окончания войны, дорогой Тимур, нельзя, этому следовало бы радоваться,— ответил я ему.— Но, к сожалению, конца войны еще не видно — она лишь разгорается.

Тимур стал уверять меня, что он со мной согласен, что именно поэтому ему и необходимо быть в первых рядах защитников Родины.

Таков был Тимур Фрунзе — смелый и бесстрашный юноша. Он с честью сдержал слово — бить врага, не щадя собственной жизни — и погиб смертью героя, отражая налет превосходящих сил вражеской авиации».

Как это случилось — рассказано в рапорте командования, представившего его посмертно к присвоению звания Героя Советского Союза: «...17.I.1942 г. при выполнении боевого задания по прикрытию своих войск в районе северо-восточнее города Старая Русса в 12 ч. 15 мин. на высоте 900 метров в паре с опытным летчиком младшим лейтенантом Шутовым встретили четыре самолета противника типа Ме-109, смело и решительно атаковали эту группу вражеских самолетов. Атака была дерзкой и не-

ожиданной для врага. Один самолет Ме-109 был сбит. Во время атаки на помощь фашистам подошло еще три самолета Ме-109. Имея численное превосходство и преимущество в скорости, врагу удалось расколоть отважную пару соколов. Самолет Фрунзе атаковали три Ме-109. Тов. Фрунзе использовал всю свою огневую мощь и в этом неравном бою погиб смертью героя.

Лейтенант Фрунзе с воинскими почестями похоронен на кладбище в поселке Крестцы Ленинградской области.

За образцовое выполнение заданий командования на фронте против немецких оккупантов и проявленные при этом мужество и героизм лейтенант Фрунзе представлен к званию Героя Советского Союза».

Вот что может, Алексей, совершить человек даже в свои девятнадцать лет! Настоящее дело и цель окрыляют человека, поднимают его до подвига.

Небо! Оно будет манить и меня, даже на последнем моем рубеже. Пока видят глаза и бьется сердце.

Недавно мне писал один из моих друзей-летчиков: «Мир нужно защищать. Люди не забудут, что десятки тысяч фашистских стервятников нашли гибель в советском небе во время Великой Отечественной войны. Во имя мирного неба планеты стоит на страже голубых рубежей сверхзвуковая ракетоносная авиация. Лучшие сыны советского народа, которым доверена новейшая техника, берегут мирное небо Родины».

Сейчас уже не различишь границы между пятым и шестым океанами — атмосферой и космосом, в которые мы вторгаемся — летчики и космонавты. Как-то мне довелось разговаривать с нашим прославленным космонавтом Героем Советского Союза Алексеем Леоновым.

— Да, наша голубая планета, плывущая в космосе, красива яркой, величавой красотой,— размышлял Леонов.— Земля прекрасна и вместе с тем поразительно мала в безмерном океане звезд. Космические корабли облетают ее всего за полтора часа.

С орбитальных высот можно окинуть взглядом сразу всю Европу. Вот с левой стороны покачивается в иллюминаторе Скандинавский полуостров, севернее — берега Норвегии, Балтийское море, Ленинград, Рига, позади Англия и Ирландия, Лондон, Париж. Справа видна Адриа-

тика, Пиренеи, Черное море, Италия а впереди по курсу движения — дорогая наша Москва.

Но не только цветущие пашни и зеленеющие сады видны с орбитальных высот. Как черные оскалы, зияют военные полигоны НАТО, дымят военные заводы... И невольно задумываешься над тем, что только за наш век Европа пережила две страшные войны. Сколько миллионов людей погибло в этих войнах, сколько миллионов тех, которые могли бы жить, радоваться жизни и служить человечеству, высоким идеалам!

Подобное никогда не должно повториться! Люди могут и должны жить в мире и дружбе. Залог грядущего благоденствия мира — борьба за мир, за единение всех прогрессивных сил.

Космос осваивается для человека и во имя человека, во имя улучшения жизни для всех землян. Вот почему именно человек и несет полную ответственность за то, что происходит и будет происходить на его планете, за будущее своих потомков. Его Земля — это как бы космический корабль, несущийся в мировом пространстве. Она может и должна расширить границы обитаемого мира, посеять семена разума и добра в Солнечной системе и за ее пределами. Эту великую миссию человека-творца можно решить только путем единения всех прогрессивных сил на Земле...

Я вижу молодых ребят за пультами космических кораблей, уходящих в звездные дали.

Это — продолжение нашей дороги.

Дороги к еще невиданным победам.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАВЕЛИН ИЛИ РАЗДУМЬЯ, ЗАВЕРШАЮЩИЕ НАШ РАССКАЗ

Каждый раз, когда я бываю в Севастополе, прежде всего прихожу к тебе, Приморский бульвар.

Здесь, у Памятника погибшим кораблям, с шипением и грохотом разбиваются о камни волны.

Здесь дышится легко и отрешенно: и море просматривается до горизонта, и серо-пепельные крейсеры

уходят в далекие, южные моря, и Константиновский равелин, в страшных, незарубцевавшихся с войны шрамах, глядит на тебя темными провалами бойниц.

Ветер бьет по камням равелина. Это — как эхо отшумевшей битвы.

А так бы все казалось мирным: и бездонное небо, и сверкающая тысячами огненных брызг волна, и щемящий душу запах цветущих акаций.

Но только посмотрю на тебя, Равелин, и сразу оживает прошлое.

Тишины уже не существует: видится пламя пожарищ над Севастополем, а в мозгу — грохот разрывов, залпы самолетных пушек, вой «мессеров».

Да и как я могу забыть тебя, Равелин! Ведь это тебя мы атаковали с Яшей Макеевым во время нашего последнего вылета в Севастополь перед тем, как мы оставили город.

Ты был уже в руках врага, Равелин.

Тогда мы с Яшей заметили кинжальный луч прожектора с Константиновского. Луч тянется туда, куда с минуту на минуту должны прилететь наши транспортные самолеты.

Может быть, самые последние из тех, которым удастся пробиться на Херсонес, чтобы забрать раненых.

Я помню, с какой яростью нажимал гашетку: луч должен был погаснуть. Погаснуть во что бы то ни стало.

Дважды я пикировал на этот проклятый прожектор, и дважды он оживал.

Я проклинал и бога и черта и не знал что делать: была ночь, и все же я рискнул, хотя это было почти самоубийством, зайти на равелин бреющим с суши.

Те секунды не забудутся: и бензин, и боеприпасы были на исходе. Повторение атаки исключалось.

С минимального расстояния ударил по прожектору из пушки — луч погас.

Сколько же нервов и отчаянного напряжения стоил ты нам, этот проклятый прожектор!

Как же мне забыть тебя, Равелин.

Тебя защищали до последнего патрона, и последнего раненого бойца гарнизона фашисты повесили на твоем балконе.

Неисповедимы пути войны: весь Севастополь был снесен с лица земли, а балкон этот сохранился. Он и

сейчас четко просматривается с бульвара в хорошую погоду...

Здесь на бульваре, у Памятника затопленным кораблям, когда мы вступили в город, чадила гитлеровская десантная баржа.

Я сижу на бульваре до вечера, слушая плеск волны и вспоминаю, вспоминаю...

Время безжалостно, да и военное лихолетье дает себя знать: уже многих недосчитаться в наших рядах. Недавно в Москве скончался полковник Герой Советского Союза Алексей Антонович Губрий, умер в Ленинграде наш командующий генерал-полковник авиации Василий Васильевич Ермаченков. Там же ушел из жизни преподаватель Военно-морской академии Герой Советского Союза полковник Алексеев. Три года назад мы потеряли блестящего летчика, генерал-полковника авиации Героя Советского Союза Ивана Егоровича Корзунова. И стали легендой его более 300 боевых вылетов, когда он лично уничтожил 25 кораблей врага. Не стало бесстрашного воздушного бойца, моего друга Михаила Михайловича Кологривова.

Все у́же становится круг фронтовых друзей. И потому каждая весточка от них — большая радость.

С теми, кто живет в Москве, мы часто встречаемся.— С Константином Дмитриевичем Денисовым — генерал-майором авиации, Героем Советского Союза. Он работает в Академии Генерального штаба. С Николаем Александровичем Наумовым, Героем Советского Союза, генерал-лейтенантом авиации в запасе. С Иваном Степановичем Любимовым, Героем Советского Союза, генерал-майором авиации. Он кандидат военных наук, трудится в Академии Генерального штаба. С моим близким другом — Мироном Ефимовым, Героем Советского Союза.

И когда к кому-нибудь из нас приходят письма от боевых друзей по огненному севастопольскому небу, до ночи не умолкают телефоны в наших квартирах.

Шлет весточки о своих успехах наш замечательный разведчик Герой Советского Союза Иван Белозеров. Он работает в Симферополе, в Гражданском воздушном флоте. В Гудауте живет инженер полка подполковник в запасе Федор Васильевич Макеев. В Одессе — командир полка Локинский. В Ростове — полковник запаса Герой

Советского Союза Гриб. Там же в Гражданском воздушном флоте работает Москаленко. В Ленинграде — Иван Иванович Сапрыкин. В Харькове — штурман Михаил Талалаев. В Николаеве — Иван Константинович Ныч, В Евпатории — Герой Советского Союза Евграф Рыжев...

Встретишь друга на улице — в скромной одежде, летом — в белой рубашке. Только в день победы и торжественных случаях надевают они ордена.

И не догадываются спешащие по своим делам люди, рядом с кем они только что прошли.

Ведь Константин Степанович Алексеев совершил свыше 500 боевых вылетов, на его боевом счету 19 сбитых самолетов врага. Из них восемь — ночью.

Денисов Константин Дмитриевич сбил 13 самолетов. Николай Александрович Наумов — 17.
Михаил Иванович Гриб совершил 510 боевых вылетов, уничтожил 16 фашистских самолетов. Дмитрий Александрович Стариков соответственно — 500 и 21.

Бесконечным был бы этот список, если бы я перечислил сейчас всех...

Судьба разбросала нас по всей земле. Но до последнего дыхания своего мы будем верны нашему фронтовому севастопольскому братству.

У нас растут сыновья, и каждый из нас мечтает, чтобы они были похожи на тех, чью волю, характер, мужество объединяет одно понятие — севастополец.

Да, Севастополь — это слово присяги. На верность Родине, народу, партии.

Недавно я получил большое письмо от летчика Василия Гусакова, отважно сражавшегося в годы войны в нашем полку.

Вначале, как это часто бывает у переписывающихся боевых друзей, шли фронтовые воспоминания. Затем — стихи. Они назывались «Наказ сыну». Были в них и такие строки:

«Скажи, отец,— спросил однажды сын,—
Ты воевал, конечно, не один.
И где теперь товарищи твои?
Ведь многие не встанут из земли...»
«Нет, встанут! Разве умерли они?!
Они — в строю, пока идут бои.
Они с тобою рядом и со мной
Выходят смело на последний бой.
С фашизмом. И пока земля в крови,
Они — в бою, товарищи мои!

И в трудную минуту горячо
Ты ощутишь их крепкое плечо.
В любой беде они не подведут.
Спасут от смерти. Из огня спасут.
Я это знаю. Видел сам не раз:
Они умрут, но выполнят приказ.
Мечтаю, чтобы ты таким же стал.
Чтоб также насмерть свой рубеж держал.
Вот почему — навек запомни ты —
И каждый дарит лучшие цветы,
И песни о бессмертии поют...»

Строки эти меня глубоко взволновали. Может ли отец дать лучший наказ сыну — молодому воину.

Да, многие «не встанут из земли!» Навеки остался в земле севастопольской бесстрашный Остряков. Остался под Новороссийском Спиров, один из первых блистательно открывший боевой счет летчиков на Черном море.

Не встанет штурман Иван Иванович Протасов, погибший под Керчью. Не встанет Наум Захарович Павлов, навсегда ушедший в синее небо над Туапсе.

Не поднимется дорогой мой друг Иван Силин. Летчик безудержной отваги...

Уже после войны я приехал как-то в Евпаторию. Иду по улице и встречаю человека. Глазам своим не верю. Собственной персоной направляется ко мне Иван...

«Бред какой-то! — пронеслось в голове.— Силина же нет... И быть не может... Что же это?!.) Живой Силин стоял рядом, но почему-то с недоумением смотрел на столь пристально рассматривающего его авиационного генерала.

— Простите, как ваша фамилия? — решился я.

— Силин.

— Что вы говорите! Это... это невероятно!

Наверное, на лице моем отразилась такая растерянность, что Силин рассмеялся:

— А вы, случаем, не Авдеев?

— Авдеев.

— Ну тогда все ясно. Я — сын Ивана Силина, вашего друга. Мне все говорят, что я — копия отца. Вы сейчас свободны?

— Да.

— Прошу ко мне, будете дорогим гостем...

Мы засиделись с ним до полуночи. Я рассказывал ему об отце, о далеком, не знакомом ему прошлом. Он — о море и кораблях: служит в торговом флоте.

— Нравится?

— Еще бы! Я люблю, когда впереди — широкий горизонт...

Вспомнились слова Ивана — «Люблю высокое небо!..» Это же здорово: сын унаследовал беспокойство.

Севастополь помнит своих героев.

На площади Нахимова, вдоль опорной стены Матросского бульвара, возвышается монументальный барельеф, посвященный героическому подвигу участников обороны Севастополя 1941—1942 годов.

Он был воздвигнут к 50-летию Великого Октября. Авторы проекта памятника скульптор В. Яковлев и архитектор И. Фиалко стремились передать величие подвига совершенного севастопольцами.

В центре композиции изображен воин с автоматом, в неудержимом порыве бросающийся на врага, увлекая за собой товарищей. Он как бы вырастает из скалистой севастопольской земли, которая, словно мифологическому герою Антею, дает ему силу противостоять врагу. Три штыка справа символизируют три наступления фашистов на город. Слева — даты обороны Севастополя 1941—1942 гг., во всю высоту мемориала стилизованный якорь — символ морского города.

На гранитных плитах высечены названия соединений, кораблей, частей и организаций города, принимавших участие в обороне Севастополя, имена отважных защитников, удостоенных звания Героя Советского Союза.

Надпись на плите: «С 29 октября 1941 года по 3 июля 1942 года Севастополь героически защищали войска Севастопольского оборонительного района в составе соединений, кораблей, частей Черноморского флота, Приморской армии и трудящиеся города».

И подписи: М. К. Байда, Н. В. Благовещенский, Г. А. Воловик, Г. К. Главацкий, Л. П. Головин, А. М. Гущин, Н. Е. Ехлаков, А. И. Ковтун, А. Н. Кесаев, К. Я. Лаптев, А. М. Лысенков, В. И. Осокин, А. А. Сарина, Н. С. Соколов, А. С. Умеркин...

Василий Цибулько и политрук Николай Фильченков отбивали атаки вражеских танков. Кончился боезапас. Политрук, обвязавшись гранатами, бросился под гусеницы фашистского танка. Его примеру последовали товарищи. Атака была отбита. Морякам посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Рядом с их фамилиями в списке на граните высечены имена матроса Ивана Голубца, снайперов Ноя Адамия и Людмилы Павличенко, отважной разведчицы Марии Байды и десятки других. Всего 54 человека были удостоены высшей воинской награды.

Надпись на одной из гранитных плит гласит: «Подвиги севастопольцев, их беззаветное мужество и самоотверженность, ярость в борьбе с врагом будут жить в веках, их увенчает бессмертная слава».

Золотой южный октябрь. Севастопольский дом офицеров. Здесь собрались представители партийных, советских, общественных организаций и Севастопольского гарнизона, чтобы торжественно отметить 30-летие начала героической обороны Севастополя в 1941—1942 годах.

Взволнованно звучит краткое вступительное слово первого секретаря горкома партии В. И. Пашкова.

Собравшиеся стоя почтили минутой молчания героев, павших в боях за свободу и независимость нашей Родины.

Под сводами зала гремят звуки марша. Собравшиеся стоя приветствуют знамя Краснознаменного города-героя Севастополя и Военно-морской флаг Краснознаменного Черноморского флота, боевые знамена частей и кораблей, овеянные славой побед в боях за нашу Родину и город-герой Севастополь.

Бывший командир крейсера «Красный Кавказ» контр-адмирал в отставке А. М. Гущин называет номера частей, чьи знамена проплывают по залу.

В зал под дробь барабанов и звуки пионерских горнов вступает колонна юных ленинцев, пришедших поздравить участников собрания...

И вот — торжественная минута: принимается Обращение ветеранов к севастопольцам, к морякам Черноморья.

Взволнован голос читающего его:

«Жители города-героя Севастополя!

Воины Краснознаменного Черноморского флота!

Дорогие наши боевые товарищи и друзья! Наши братья, сестры и внуки!

Вместе со всей нашей необъятной страной, вместе с вами мы отмечаем 30-летие со дня начала героической обороны легендарного Севастополя.

Ровно тридцать лет назад вот в такой же октябрьский день мы с оружием в руках встали на защиту Севастополя. В жестокой борьбе против фашистских захватчиков нам приходилось своим телом закрывать амбразуры вражеских дзотов и дотов, со связками гранат бросаться под гусеницы фашистских танков, вступать в рукопашные схватки, идти на воздушный таран. Мы не раз смотрели смерти в глаза. Мы сражались так, как учила нас Коммунистическая партия, как подсказывали нам наши сердца, наша совесть, как наказывали драться наши отцы и деды, наши матери и жены.

В ту суровую годину здесь не было и метра земли, где бы не пылали пожарища, где бы не гремели выстрелы, где бы не рвались бомбы и снаряды, где бы не была пролита кровь защитников города. Стонали камни, плавился металл, но мы стояли. Тогда мы думали об одном: отстоять любимую Родину, ее честь, свободу и независимость, отстоять великие завоевания Октября. И мы выполнили свой высокий долг перед партией и народом. Боевая слава Севастополя облетела весь мир. Он вошел в века бастионом мужества, стойкости и храбрости советского народа. Он по праву занял достойное место в замечательном созвездии таких советских городов-героев, как Москва, Ленинград, Киев, Волгоград, Одесса и крепость-герой Брест.

В дни 30-летия начала обороны Севастополя мы склоняем головы перед памятью павших товарищей, друзей-однополчан и обращаемся к вам:

— Именем погибших героев, болью ран, святостью братских могил завещаем вам боевую славу Севастополя. Храните ее в чистоте и почете. Приумножайте ратными и трудовыми подвигами! Завещаем!» И подписи. Много подписей...

После торжеств — на мыс Херсонес.

Почти тридцать лет прошло, а сохранились капониры. Только заросли травой.

У монумента павшим здесь товарищам — всегда цветы.

Мы спускаемся к морю. Садимся на камни. Долго молчим.

А потом кто-нибудь тихо-тихо начинает нашу любимую гвардейскую песню. Сложенную еще в огненном 1943-м сержантом Борисом Зубовым:

В разгаре боев и пожарищ
И в гуле родных батарей
Споем, дорогой мой товарищ,
О гвардии наших морей...

Мы поем, и нам кажется, что вот в надвигающихся сумерках вспыхнет сигнальная ракета, и нас поднимет с земли крылатая и грозная команда:

— По самолетам!..

Нет, нет, да и долетал из-за Рейна голос кого-нибудь из бывших «завоевателей».

Что только они не предлагали! И сбросить на нас атомную бомбу. И «объявить Советам» крестовый поход. И предать нас анафеме.

Этим уроки войны не пошли впрок. Особенно старался мой старый «знакомый» Эрих фон Манштейн. Кажется, не было такого сборища реваншистов, где бы он либо не выступил с подстрекательской речью, либо не зачитывалось бы его приветственное послание.

И вдруг открываю утром газету: «Умер фон Манштейн».

«Бонн, 12 июня (1973 года — М. А.). В Мюнхене в возрасте 85 лет умер бывший гитлеровский фельдмаршал Эрих фон Манштейн. В нацистском вермахте он командовал группой армии «Дон», безуспешно пытавшейся пробиться к окруженной под Сталинградом группировке гитлеровских войск. В 1949 году приговорен английским военным трибуналом к 18 годам заключения, но в 1952 году был освобожден. В последние годы жил в Баварии, являлся членом реваншистских организаций».

И сразу — как удар ножа — ощущение того далекого военного дня, когда я с напарником вылетел на разведку и «без разрешения» атаковал и поджег под Ялтой катер. Впоследствии выяснилось, что на нем был сам командующий гитлеровской группировкой в Крыму Манштейн.

Если бы мы знали это! Не пришлось бы фельдмаршалу писать мемуары...

Рука невольно тянется к книжным полкам. Достаю «Утерянные победы» Манштейна. Раскрываю на знакомой странице — как-никак она имеет ко мне самое прямое отношение: «Я с целью ознакомления с местностью,— пишет фон Манштейн,— совершал поездку вдоль южного берега до Балаклавы на итальянском тор-

педном катере... Мне необходимо было установить, в какой степени прибрежная дорога, по которой обеспечивалось все снабжение корпуса, могла просматриваться с моря и простреливаться корректируемым огнем...

На обратном пути у самой Ялты произошло несчастье. Вдруг вокруг нас засвистели, затрещали, защелкали пули и снаряды: на наш катер обрушились два истребителя. Так как они налетели на нас со стороны слепящего солнца, мы не заметили их, а шум мощных моторов торпедного катера заглушил шум их моторов. За несколько секунд из 16 человек, находившихся на борту, 7 было убито и ранено. Катер загорелся, что было крайне опасно, так как могли взорваться торпеды, расположенные по бортам...

Это была печальная поездка. Был убит итальянский унтер-офицер, ранено три матроса. Погиб также и начальник ялтинского порта, сопровождавший нас, капитан 1 ранга фон Бредов... У моих ног лежал мой самый верный боевой товарищ, мой водитель Фриц Нагель...»

Что же! Все имеет свой конец. Завершил свой земной круг и Эрих фон Манштейн. Его не стало. Но сколько ядовитых семян бросил он на послевоенную землю! И что-то взрастет из них?

Впрочем, здесь гадать не приходится. «Взросли» человеконенавистничество, реваншизм, злоба, недоверие.

Это о них, учениках фельдмаршала, рассказывают чуть ли не ежедневно газеты:

Прага. В заявлении представителя МИД ЧССР осуждается реваншистская деятельность так называемого землячества судетских немцев. Здесь напоминается, что нынешним летом в Мюнхене состоялся слет этого землячества, который был проникнут проявлениями ненависти к политике мирного сосуществования и разрядки напряженности в Европе. Кульминацией этого слета было большое собрание, состоявшееся 10 июня, в день, когда отмечалась 31-я годовщина лидицкой трагедии. Реваншистские руководители использовали это собрание выселенных лиц для давления на федеральное правительство, с тем чтобы оно уделяло большое внимание их советам и позиции при осуществлении своей политики нормализации отношений с социалистическими странами.

В заявлении отмечается, что политический реализм нынешнего западногерманского правительства находит

понимание у населения ФРГ, которое не согласно с поддержкой оппозиционными партиями ФРГ и правительством Баварии замлячеств судетских немцев, разжигающих ненависть.

Международная федерация участников движения Сопротивления предположила провести европейскую встречу против неофашизма.

Такая встреча, говорится в призыве федерации, была бы особенно актуальной сейчас, когда в Европе прокладывают себе путь идеи разрядки и сотрудничества. В этих условиях вызывает тревогу тот факт, что в некоторых странах Западной Европы возрастает неофашистская активность. «Фашизм представляет собой угрозу миру,— отмечается в призыве.— И не случайно те, кто хочет вернуться к прошлому, используют ныне все средства в борьбе против разрядки напряженности, сотрудничества и мира.

Действительно, кое-где в Западной Европе еще поднимают голову силы крайне правой реакции. Различны политические этикетки, под которыми они выступают. Но всех их объединяет ненависть к демократии и прогрессу, желание во что бы то ни стало помешать становлению на нашем континенте системы прочной безопасности. Ультраправые силы отказываются признавать существующие в Европе границы и вообще все те изменения, которые произошли здесь после разгрома фашистских империй.

...Съезжаются на свое сборище в Скендаль (Бельгия) бывшие эсэсовцы, которые сумели унести ноги с Восточного фронта. «СС — это мой идеал,— заявил следователям итальянский террорист, пытавшийся взорвать на Ривьере переполненный пассажирами поезд.— Моей целью было спровоцировать состояние напряженности, тревоги, с тем чтобы в конце концов для наведения порядка и власти пришли военные»,— сказал он, сообщив, что является членом легальной неофашистской партии «итальянское социальное движение».

Неофашистские группировки имеют не только идейную и политическую общность. Несколько лет назад на совещании в Венеции крайне правые силы Западной Европы создали свой единый организационный центр. «Черным интернационалом» называет его римский буржуазный еженедельник «Темпо». Западноевропейская

пресса не раз подчеркивала, что неофашисты располагают крупными финансовыми средствами, ибо их провокационную деятельность поддерживают и поощряют некоторые круги большого бизнеса, нуждающиеся в ударных отрядах для борьбы с рабочим движением, подталкивающие ультра на акты террора против представителей рабочего класса и других прогрессивных сил...

У каждого человека есть в душе особенно святые для него воспоминания. Это даже не воспоминания, ибо воспоминания связаны с прошлым. А как назовешь лучшее в твоей судьбе? Лучшее совсем не потому, что жилось тебе легко и радостно. Так уж скроена жизнь, что безоблачные дни сглаживаются в памяти. Остается накрепко лишь опаленное теми испытаниями, когда ты почувствовал, что ты стоишь, когда заглянул в глаза смерти и не свернул с курса, померялся с ней силами и победил.

Когда ты ближе всего оказываешься сопричастен с великой общей народной судьбой. И это всегда окрыляет человека и дает ему те силы, которые в обычных обстоятельствах он, быть может, и не нашел бы в себе. А здесь, словно собрав волю и мужество многих и многих, открывает в себе не ведомые ему ранее тайники, становится неизмеримо выше себя, обыденного, словно сам себя измерил другой меркой...

Вот о чем думаю я, приходя к тебе, Приморский бульвар в Севастополе. Приходя к тебе, Константиновский равелин. Ведь ратная слава никогда не умирает. Она — как крылья, которые поднимают человека на подвиг. Сегодня, завтра, всегда!

Москва — Севастополь — Москва
1972—1975 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Михаил Васильевич АВДЕЕВ

У САМОГО ЧЕРНОГО МОРЯ

Художник И. В. Грюнталь

Редактор **Е. А. Подольный**
Художественный редактор **Г. Л. Ушаков**
Технический редактор **В. Н. Кошелева**
Корректор **Г. И. Яковлева**
Г-72086. Сдано в набор 3/III 1975 г. Подписано к печати 17/VII-1975 г. Изд. № 3/65.
Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Тираж 100 000 экз. Цена 27 коп.
Объем физ. п. л. 5,5. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд. л. 8,97. Заказ № 1992,
Изд-во ДОСААФ, Москва, 107066, Новорязанская ул., д. 26.
Полиграфкомбинат им. Я. Коласа, Минск, Красная, 23.

Цена 27 коп.

